

Стивен Хантер
Сезон охоты на людей
Серия «Боб Свэггер», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=121682

Хантер С. Сезон охоты на людей: Роман / Пер. с англ. А. Гришина: Домино; Санкт-Петербург;

2006

ISBN 5-699-20625-6

Аннотация

Охота на крупную дичь неизбежно приводит к гибели более мелких существ, случайно оказавшихся на прицеле у охотника.

Поединок снайперов, начатый много лет назад, наконец-то закончен. Защищая свою семью от безжалостного убийцы, Боб Ли Свэггер раскрывает преступление, корни которого уходят в далекое прошлое.

Содержание

Пролог	4
ЧАСТЬ 1	9
Глава 01	9
Глава 02	19
Глава 03	27
Глава 04	36
Глава 05	46
Глава 06	55
Глава 07	65
Глава 08	72
ЧАСТЬ 2	77
Глава 09	77
Глава 10	86
Глава 11	97
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Стивен Хантер

Сезон охоты на людей

Посвящается Джону Берку, капралу 1-го корпуса морской пехоты США, погибшему в бою в Южном Вьетнаме в 1967 г.

Коль спросит кто: почему вы тут пали? – Ответь: потому что отцы наши лгали.

Редьярд Киплинг. От имени его сына Джона, погибшего в сражении на Сомме в возрасте шестнадцати лет

Пролог

Мы видим перед собой опытного снайпера. С неподвижностью, которая кажется противоестественной, он лежит на твердых камнях. Разреженный воздух все еще не прогрелся; человек тоже совершенно неподвижен.

С минуты на минуту взойдет солнце и изгонит с гор ночной холод. В его лучах взору предстанет поистине сказочная красота. Высоченные пики, окутанные вечными снегами; вековечное непорочно чистое небо, которое ближе к полудню обретет цвет ясного бледно-голубого алмаза; далекие луга такого ярко-зеленого цвета, какой редко встретишь в природе; извилистые ручьи, сбегаящие между соснами, густым ковром покрывающими горные склоны.

Ничего этого снайпер не замечает. Если вы укажете ему на окружающие красоты, он просто не поймет вас. Красота природы, или женщины, или даже винтовки не входит в число понятных ему концепций, особенно учитывая то, что ему приходилось делать и где довелось побывать. Он просто не замечает ничего этого; его разум неспособен мыслить подобным образом.

Вместо этого он видит пустоту. Он пребывает в состоянии, сходном с анабиозом. Сейчас ни одна идея не имеет для него никакого значения. Его сознание почти совсем пусто, словно он находится в трансе.

У него, как и у многих других прославленных стрелков, короткая шея; в голубых глазах, наделенных чуть ли не сверхъестественной двукратной дальностью зрения, не отражается никакой умственной деятельности, они неподвижны, как у манекена. Даже пульс у него почти неощутим. Он обладает многими странностями, которые у обычного человека покажутся чуть ли не уродствами, но для стрелка являются несомненными достоинствами. Ему уже перевалило за пятьдесят, но хорошо развитые мышцы предплечья у него налиты силой и, как в молодости, способны к молниеносно быстрому сокращению. Кисти рук крупные и сильные. Его выносливость, скорость реакции и нечувствительность к боли выходят далеко за рамки. Он силен, ловок и энергичен, как спортсмен мирового класса. Он наделен практическим и творческим умом, а также волей, целеустремленной, как луч лазера.

Однако все эти качества не могут описать его в полной мере, так же как нельзя подобным образом охарактеризовать Уильямса или Ди Маджио¹. Он просто обладает особой одаренностью, каким-то свойством, сходным с аутизмом, которое позволяет в любых условиях сохранять полный контроль над телом и разумом, рукой и глазом, придает ему бесконечную выдержку. Это жестокое дарование становится главным условием успеха в его непостижи-

¹ Уильямс Теодор Самуил, Ди Маджио Джозеф Пол – прославленные американские игроки в бейсбол первой половины XX века. – Здесь и далее примечания переводчика.

мом для большинства людей искусстве, являет собой самую суть его личности и позволяет ему вести жизнь, которую мало кто способен даже вообразить себе.

И сейчас для него не существует ничего. Ни прошлого, ни будущего, ни боли в теле, всю долгую ночь неподвижно пролежавшем на холодных камнях, ни возбуждения в ожидании событий, которыми, возможно, окажется богат наступающий день. Ни предчувствий, ни сожалений. Ничего.

Перед ним на мешочке, туго набитом песком, лежит наискось орудие его ремесла. Он владеет им не хуже, чем любой частью своего тела; он бесконечно много упражнялся с ним, готовясь к тем тридцати секундам, которые непременно наступят сегодня, или завтра, или послезавтра.

Это «Ремингтон-700» с прецизионно обработанным стекловолоконным ложем и десятикратным оптическим прицелом «Льюпольд». Винтовка была доработана умелым оружейным мастером, чтобы можно было полностью, до десятых долей процента, использовать весь потенциал оружия: механизм выверен и подогнан, в приклад вставлен металлический блок, тяжесть которого придает винтовке идеальный баланс; полусвободный затвор, вместо стандартного ствола поставлен кригеровский, подвергнутый криогенной обработке. Жавелевский спусковой крючок настроен на усилие в полтора килограмма и сдвигается с места, издавая чуть слышный короткий скрип, напоминающий звук сломанной стеклянной палочки.

Снайпер несколько недель экспериментировал со своей винтовкой, добиваясь полной гармонии, которая гарантировала максимальный результат от использования оружия. Он нашел наилучшее соотношение между весом пули и ее расположением в гильзе, определил самый подходящий порох и собственноручно набил им патроны. Ничто не было оставлено на волю случая: гильзы были тщательно запрессованы; дно вокруг капсюлей отшлифовано, чтобы не осталось даже мельчайшего заусенца; глубина посадки капсюлей тщательно выверена; капсюли, на которых можно было разглядеть хоть крошечную царапину или вмятину, безжалостно отбраковывались. На стволе укреплен новейший пламегаситель – баллистическая оптимизирующая система «Браунинг», – являющийся дополнительной направляющей насадкой, продолжающей нарезку; его можно настроить тончайшим образом, чтобы добиться наилучших вибрационных характеристик, так сильно влияющих на точность выстрела.

А сами патроны не военного, а гражданского образца – 7-миллиметровый «ремингтон-магнум». Не так давно они были гвоздем сезона у охотников всего мира, поскольку могли с поразительно большого расстояния уложить наповал горного барана или оленя. Хотя есть типы патронов, превосходящие этот по ударной силе, но зато он обеспечивает точную траекторию полета пули, сохраняющей в разреженном воздухе высокую скорость и поражающей цель с силой почти в девятьсот килограммов на расстоянии свыше пятисот метров.

Но обо всех этих данных снайпер не думает; вернее, больше не думает. В свое время он ознакомился с ними, а теперь выкинул из головы. Цель его бесконечных баллистических экспериментов была очень проста: довести винтовку и боеприпасы до такой степени совершенства, чтобы можно было больше не думать ни о том ни о другом. Это едва ли не главный принцип большой стрельбы – подготовить все наилучшим образом, а потом забыть обо всем, кроме дела.

Когда раздаются звуки, это не потрясает и не удивляет снайпера. Он все время знал, что рано или поздно услышит их. Они не порождают в нем ни сомнений, ни сожалений, ни каких-то других чувств. Их значение просто и очевидно: пришло время работать.

Это звонкий девичий смех, полный веселого возбуждения. Отдаваясь от каменных стен ущелья, будоража разреженный воздух, он с расстояния около тысячи метров долетает из полумрака, укрывающего низину, до этого небольшого плато среди скалистых гор.

Снайпер сгибает и разгибает пальцы, восстанавливая их чувствительность. Его внимание сосредоточивается на горловине ущелья. Плавным движением, отработанным до автоматизма благодаря сотням тысяч выстрелов, произведенных на тренировках и во время выполнения многочисленных заданий, он подтягивает к себе винтовку. Приклад словно сам собой прижимается к щеке. Одна рука изгибается в запястье; предплечье другой принимает на себя тяжесть немного приподнявшегося торса, так что тело образует нечто наподобие моста над камнями. Опорой для руки служит плотно набитый песком мешок. Снайпер принимает единственно верное положение; его щека прикасается к прикладу именно в том месте, которое позволяет с идеальной точностью воспользоваться оптическим прицелом, и изображение, возникшее в кружке перед его глазом, оказывается ярким, как на экране кино-театра. Adductor magnus, мощная мышца, проходящая в глубине его бедра, слегка напрягается, и правая нога чуть заметно отодвигается в сторону.

Высоко над ним по синему утреннему небу скользит ястреб, оседлавший восходящий поток воздуха.

В ручье плещется форель.

Медведь пробирается сквозь заросли, высматривая, чем бы полакомиться.

Олень высоким прыжком перелетает через густой кустарник.

Снайпер ни на что не обращает внимания. Ему нет до этого никакого дела.

– Мама! — кричит восьмилетняя Ники Свэггер. — Ну давай!

Ники ездит верхом лучше своих родителей; она, можно сказать, выросла верхом на лошади, поскольку ее отец, бывший сержант морской пехоты, выйдя в отставку, решил вернуться к своим сельским корням и занялся разведением лошадей на полузаброшенном ранчо в Аризоне. Там и родилась Ники.

Мать Ники, красивая женщина по имени Джулия Фенн Свэггер, едет следом. У Джулии нет того природного изящества, которым обладает ее дочь, но она выросла в Аризоне, где нельзя и представить себе жизни без лошади, и ездила верхом с детских лет. Ее муж, выросший на ферме в Арканзасе, в детстве тоже много ездил верхом, затем у него был перерыв в несколько десятилетий, после которого он возвратился к животным и так полюбил их за цельность природы и преданность, что смог сделаться настоящим наездником. Верховая езда – это один из его талантов.

– Ладно, ладно, — отзывается мать, — только будь поосторожней, милая.

Она отлично знает, что осторожность – это последнее, о чем будет думать Ники. Эта маленькая героиня готова рискнуть всем, чтобы добиться всего, и, по-видимому, полностью лишена чувства страха. Она похожа на индейцев древности, а также на своего отца, который был когда-то настоящим героем войны.

Женщина оборачивается.

– Ну что? — негромко кричит она, копируя интонации своей дочери. — Ты ведь хотел увидеть, как восходящее солнце освещает долину?

– Угу, — доносится ответ третьего всадника, все еще остающегося невидимым.

Ники вырывается из тени на яркий солнечный свет. Ее лошадь, четырехлетний чистокровный мерин по кличке Калипсо, — настоящая бестия, но Ники без труда справляется с ним. Как ни странно, она ездит по-английски, так как ее мать мечтает, что в будущем девочка поступит в колледж на востоке, где этот навык, говорящий об искусности в конном спорте, даст ей гораздо больше преимуществ, чем примитивное умение держаться в седле как ковбой. А отцу английское седло не нравится: оно не защищает девочку от ударов о каменные мышцы лошади, и, бывая на конских выставках, он думает, что мешковатые

джодпуры² и коротенькая вельветиновая курточка с пеной кружев вокруг ворота ну просто очень смешны.

Калипсо гремит копытами по каменистой тропинке; сразу видно, что животное столь же умно, сколь и бесстрашно. Смотреть, как маленькая девочка легко справляется с огромной лошастью, одна из самых больших радостей, которые имеются в жизни ее отца: никогда она не бывает такой живой, счастливой и уверенной в себе, как на спине своего любимца. И сейчас, когда лошадь наконец-то вырывается на плато, голос Ники дрожит от радости. Перед ними самый красивый вид, какой только есть на маршруте конной прогулки, и девочка стремительно несется вперед. Может показаться, что она не справляется с лошастью, но на самом деле она полностью контролирует скакуна.

– Дорогая,– кричит Джулия, глядя, как ее дочь весело несется навстречу опасности,– осторожнее!

Ребенок. Женщина. Мужчина.

Ребенок едет впереди как лучший из троих наездников, смелый и энергичный. Вот девочка появляется из полумрака ущелья, пускает лошадь вскачь, и животное, громко стуча копытами, несется по траве к краю пропасти, останавливается на месте, резко поворачивается и бьет копытом от нетерпения. Девочка крепко держит поводья и смеется во все горло.

Женщина едет следом. Она не столь одаренная наездница, но все же легко и свободно сидит в седле идущей крупной неровной рысью лошади. Снайпер отчетливо видит ее соломенные волосы, смуглое от солнца лицо, играющие под джинсами и рабочей рубашкой крепкие мускулы. Под нею крупная гнедая лошадь, надежная рабочая ковбойская лошадь, которая кажется куда менее ухоженной, чем лошадь ее дочери.

И наконец появляется мужчина.

Это поджарый человек с настороженным взглядом; к его седлу приторочен чехол, из которого выглядывает приклад карабина. Он производит впечатление опасного субъекта, прошедшего специальную подготовку, человека, неподвластного панике, способного реагировать без промедления и стрелять без промаха, и таков он и есть на самом деле. Опытный наездник представляет единое целое со своим конем, бессознательно управляя им одними движениями бедер. Он сидит в седле расслабившись, но все равно ни на мгновение не теряет бдительности.

Он не может увидеть снайпера. Снайпер находится слишком далеко, его позиция тщательно закамуфлирована, он выбрал такое положение, что в этот час лучи восходящего солнца светят прямо в лицо его жертве и та не в состоянии увидеть что-либо, кроме радужных разводов в ослепленных глазах.

Перекрестье прицела наплывает на фигуру мужчины и больше не отрывается от него, хотя тот галопом мчится вперед; прицел плавно покачивается, подчиняясь тому же ритму, в котором перемещаются, покачиваясь вверх и вниз, животное и всадник. Палец стрелка ласково прикасается к спусковому крючку, ощущает его послушную податливость, но не нажимает на него до конца.

Движущаяся цель, перемещающаяся по горизонтали слева направо, но при этом еще и раскачивающаяся в вертикальной плоскости. Дистанция 753 метра. Это, бесспорно, невозможный выстрел, хотя многие в подобных обстоятельствах решились бы на него. Но опыт рекомендует снайперу выждать: впереди ждет лучший, более надежный выстрел. А когда имеешь дело с таким человеком, как Свэггер, выстрел может быть только единственным.

Мужчина нагоняет женщину; эти двое о чем-то болтают между собой, и слова мужчины заставляют женщину улыбнуться. Белая вспышка зубов. Крохотная часть, еще сохранившаяся в снайпере от человека, испытывает мгновенный приступ боли при виде красоты и

² Бриджи для верховой езды.

свободной непринужденности женщины. Ему приходилось иметь дело со множеством проституток во всем мире, среди них были очень и очень дорогие, но такой вот момент близости относится к той сфере жизни, которая совершенно ему незнакома. Ну и отлично. Он сам выбрал себе работу, которая вынуждает его жить, не соприкасаясь с остальным человечеством.

Господи боже ты мой!

Он ругательски ругает себя. Именно так и срываются выстрелы: отвлекся хотя бы на миг – поставил под угрозу исход всей операции. Он на мгновение закрывает глаза, погружается в темноту, освобождает сознание от ненужных мыслей, снова открывает веки и вглядывается в лежащую перед ним местность.

Мужчина и женщина подъезжают к краю. Расстояние 721 метр. Перед ними долина; солнце, поднимаясь все выше, заливает ее своим светом. Но для снайпера все это имеет лишь тактическое значение: его цель наконец-то остановилась. В прицеле он видит групповой портрет семьи: мужчина, женщина и ребенок. Их головы находятся практически на одном уровне, так как лошадь ребенка намного выше, чем лошади родителей. Они о чем-то болтают, девочка смеется, указывает пальцем на птицу или на какое-то другое живое существо. Женщина смотрит вдаль. Мужчина, оставаясь настороженным, все же расслабляется на какое-то мгновение.

Перекрестье прицела делит широкую грудь на четыре части.

Опытный снайпер задерживает дыхание, приводит себя в состояние абсолютного спокойствия, но при этом ничего не желает. Он никогда ничего не решает, ни к чему не стремится. Это просто случается.

Винтовка коротко отдает, и, когда через бесконечно малую долю секунды она возвращается в прежнее положение, он видит, как грудная клетка высокого мужчины взрывается от удара 7-миллиметровой пули «ремингтон-магнум».

ЧАСТЬ 1

ПАРАДНАЯ ПАЛУБА

Вашингтон, округ Колумбия, апрель – май 1971 г.

Глава 01

Эта весна выдалась необыкновенно жаркой, и Вашингтон изнывал под палящими лучами солнца. Трава рано побурела и поблекла, на улицах то и дело возникали пробки, горожане были неприветливы и грубы; даже мраморные памятники и белые правительственные здания производили жалкое впечатление. Весь город охватило оцепенение, как будто он оказался во власти какого-то заклятия. Ни один человек, относившийся к официальным кругам Вашингтона, больше не ходил ни на какие вечеринки. Наступило время озлобленности и взаимных обвинений.

И еще это было время осады. Город фактически подвергся атаке. Процесс, которому президент придумал название «вьетнамизация», шел недостаточно быстро с точки зрения демонстрантов, выступающих за немедленное окончание войны. Они целыми армиями оккупировали городские парки и окраинные улицы, то намертво блокируя их, то позволяя в какой-то степени сохранять обычный образ жизни, причем делали все это практически беспрепятственно, исходя из своих собственных соображений. Уже в этом месяце движение «Ветераны Вьетнама за мир» взяло штурмом ступени Капитолия, засыпав их ядовитым дождем боевых медалей. Большое количество акций было запланировано на начало мая, когда майское собрание Народной коалиции за мир и справедливость поклялось снова закрыть город, на сей раз на целую неделю.

Во всем городе оставалось только одно место, покрытое по-настоящему зеленой травой. Кое-кто, взглянув на него, мог бы счесть зелень последним уцелевшим символом американской чести, единственным оставшимся упованием. А другие ответили бы, что зелень эта искусственная, как и бесчисленное множество других вещей в Америке, что она существует лишь благодаря усилиям огромного количества эксплуатируемой рабочей силы, лишенной возможности выбора делать или не делать что-либо. Именно это мы и хотим изменить, добавили бы они.

Зеленая трава покрывала плац, или, если воспользоваться местным жаргоном (который в своем тщеславии сводил весь мир к простому продолжению или метафорическому воспроизведению военного корабля), «парадную палубу» при казармах морской пехоты, расположенных на пересечении Восьмой и Первой северо-западных улиц. Молодые солдаты ухаживали за этой травой с усердием, которому мог бы позавидовать любой садовник, надзирающий за растительностью вокруг стен кафедрального собора, поскольку, по крайней мере для иезуитских мозгов морских пехотинцев США, это было поистине священное место.

Казармы, построенные в 1801 году, были старейшим сооружением Соединенных Штатов, постоянно использовавшимся в военных целях. Их не осмелились сжечь даже британцы, спалившие дотла весь город в 1814 году. За плацем с одной стороны располагались дома офицеров, затем здания для трех рот («Альфа», «Браво» и «Отель» – так называлась штабная рота), и возле дальней стороны четырехугольника находился дом коменданта, сохранявшийся в первозданном виде, чтобы дать представление, как в старину теоретически представляли себе службу в Корпусе и вообще служение стране.

Древние кирпичи были темно-красными, а архитектурный стиль, бесспорно, восходил к тем временам, когда главным достоинством зданий считали прочность. Сооружение, задуман-

манное в более грубую и жестокую эпоху как форт, теперь украшали старые деревья; земляные тропки давным-давно были замощены аккуратной брусчаткой, и древняя крепость стала походить на университетский городок Лиги плюща³. Над этим городком на конце высокой мачты дерзко реял на легком ветерке красно-бело-голубой флаг. Абсолютная серьезность всей этой обстановки живо пробуждала в душах ощущение близости страстного девятнадцатого столетия; она служила восхвалению гордой участи любого, кому посчастливилось оказаться на этом клочке земли, представлявшем собой почти независимое герцогство Корпуса морской пехоты Соединенных Штатов, расположившееся всего лишь в трех километрах от Капитолия, где в настоящее время хрупкие связи демократии оказались напряженными до последнего предела.

Здесь под обжигающими лучами невероятно жаркого апрельского солнца молодые люди учились тому, чего требовала от них армейская жизнь, или же бездельничали – в зависимости от того, какую судьбу на данный момент выбрали для них командиры.

В тенистом уголке возле перекрестка Солдатской аллеи и Южной галереи курили, присев на корточки, семеро мужчин, вернее, юношей. Они были одеты в форму, называвшуюся «повседневной синей» и состоявшую из синих брюк, габардиновой сорочки чайно-коричневого цвета с короткими рукавами и открытым воротом и надвинутой низко на глаза белой пилотки – «колпака», как в Корпусе именовали головные уборы.

Единственной особенностью в их облике, по которой более или менее наметанный глаз смог бы отличить этих парней от других морских пехотинцев, являлись полуботинки, не просто начищенные, а великолепно надраенные и ослепительно сверкавшие на солнце. Начищенная обувь была одним из фетишей, которым поклонялись в этой культуре. Сейчас у молодых морских пехотинцев был перерыв, и рядовой первого класса Кроу, находившийся в подразделении на роли клоуна, естественно, рассуждал о природе вещей.

– Ну посудите сами, – он строго поглядел на слушателей и затянулся «Мальборо», – как здорово это будет выглядеть в виде краткого резюме. Я сообщаю, что служил в элитной части. Прошел проверку для допуска к секретности. Нас обучали и готовили для особых заданий, и когда мы в жаркую и душную погоду наконец приступили к их выполнению, то люди вокруг меня падали один за другим. Но я, черт возьми, продолжал идти. Я был героем, черт возьми, настоящим героем. Разумеется, я не стану сообщать им, что речь идет о... парадах.

Наградой ему послужил взрыв хохота. Товарищи ценили парня за добродушный безвредный характер и чувство юмора. Его дядя являлся основным и самым удачливым сборщиком средств для одного конгрессмена, чем и объяснялось присутствие Кроу в роте «Б», занятой почти исключительно церемониальными похоронами. Военнослужащим этого подразделения почти не приходилось опасаться, что им придется с немалым риском для жизни исполнять тяжелые обязанности в местах, которые в официальных документах обозначались как Западная часть Тихоокеанского региона, а в среде молодых морских пехотинцев назывались Дурной Землей. Кроу не испытывал ни малейшего желания посетить Республику Южный Вьетнам.

Говоря по правде, во всем 2-м «гробовом» отделении лишь одному человеку из семи довелось послужить в Южном Вьетнаме. Это был его командир капрал Донни Фенн, двадцати двух лет от роду, родом из Ахо, штат Аризона. Донни, крупный и почти неправдоподобно красивый белокурый парень, имевший за спиной год колледжа, провел семь месяцев в другой роте «Б», 1/9 «Браво», приданной 3-му водно-десантному соединению на время действий 1-го корпуса в районе Анхоа. Он имел много ранений, из которых одно было тяжелым: пуля попала в легкое, и ему пришлось пролежать шесть месяцев в госпитале. У него была

³ Лига плюща – общее название нескольких старейших и самых престижных университетов США.

также награда, которую он называл не иначе как «э-э-э... брнзвзда» и при этом не смотрел в глаза собеседнику.

Но теперь Донни просто дослуживал. То есть ему оставалось служить меньше тринадцати месяцев, и это, по слухам, означало, что Корпус в своей бесконечной мудрости не станет отправлять его обратно на Дурную Землю. Дело было вовсе не в том, что Корпус вдруг решил проявить заботу о сохранности его молодой жизни. Нет, все объяснялось лишь тем, что срок службы в 'Наме составлял именно тринадцать календарных месяцев и отправка туда кого бы то ни было менее чем на тринадцать календарных месяцев нанесла бы непоправимый урон красоте отчетов, которой все клерки, думающие не мозгами, а задницами, придавали колоссальное значение. Так что с какой стороны ни взгляни, Донни благополучно миновал основной военный конфликт своего поколения.

– Ладно, хватит курить,– произнес он, взглянув на часы, стрелки которых как раз замерли на 11.00, что извещало об окончании перерыва.– Гасите чинарики. Бабы, курящие сигареты с фильтром, могут сунуть фильтры в карманы. Если увижу здесь хоть один окуроч, то вы у меня будете заниматься физкультурой до самого утреннего осмотра.

Солдаты что-то негромко пробурчали, но повиновались. Они, конечно, знали, что на самом деле их командир не собирается выполнять свою угрозу. Как и все они, Донни не был кадровым военнослужащим. Как и они, он собирался вернуться к мирной жизни.

И потому, как любая другая группа равнодушных молодых людей, оказавшихся в составе столь безжалостного учреждения, как Корпус морской пехоты, они с чувством, нисколько не похожим на настоящий энтузиазм, вернулись к своим занятиям. В казармах «Восемь-один» шел очередной день, обычный день, когда солдаты, не находящиеся в суточном наряде или не стоящие в карауле на кладбище, занимаются на «парадной палубе». Подъем за тридцать минут до рассвета, с 6.00 час физической подготовки, в 7.00 утренний осмотр, в 8.00 завтрак, и с 9.30 начинаются длинные, иногда бесконечные часы тренировок, в ходе которых отрабатываются разнообразные приемы из ритуала воинских похорон или же действия при подавлении массовых волнений. На этом дневные обязанности обычно бывают исчерпаны: те, кто имел какие-либо наряды, заканчивают их выполнение, и парни оказываются предоставлены самим себе (женатым разрешается жить вместе с женами за пределами базы, а многие из неженатых с молчаливого согласия начальства снимают в складчину дешевые квартирны на Капитолийском холме). Они могут либо просто слоняться по улицам, либо играть на бильярде и пить слабенькое пиво в баре для военнослужащих, либо пойти в один из многочисленных кинотеатров вашингтонских торговых кварталов, либо даже попытаться счастья с женщинами в барах Капитолийского холма.

Впрочем, счастья в этом деле, как правило, не бывало, что служило постоянным источником огорчений. А причина неудач заключалась не только в том, что о морских пехотинцах думали как об убийцах младенцев. Настоящей причиной были волосы. Во всем внешнем мире царила эпоха длинных волос. Мужчины носили длинные локоны, из-под которых не было видно ушей, и раздувались от самодовольства. Несчастные кувшиноголовые⁴, а также и все остальные военнослужащие парадных частей военного округа Вашингтон должны были, по мнению начальства, являть миру пример воинской дисциплины. Так что солдаты демонстрировали этому самому миру свои почти голые черепа – их обидно называли белыми плешами,– и лишь на самой макушке им разрешалось иметь немного волос не длиннее двух сантиметров. Уши у всех солдат торчали как антенны радаров. Из-за этого многие оказывались похожими на слоненка Худи-Дуди из мультфильма, и ни одна уважающая себя цыпочка-хиппи не снизошла бы до того, чтобы хотя бы плюнуть в их сторону, а поскольку цыпоч-

⁴ Кувшиноголовые (jarheads) – оскорбительное прозвище американских морских пехотинцев.

ками-хиппи были в то время все американские девушки, то солдатам из похоронной роты, по незабвенному выражению Кроу, везло как покойникам.

– Надеть перчатки, – скомандовал Донни, и его люди выпрямились, одновременно натянув на руки белые перчатки.

Донни начал с ними очередные долгие пятьдесят минут тренировки по переноске гроба. Как и полагалось носильщикам гробов, все они были дюжими парнями, и никто из них не имел права ошибаться. Все это могло казаться бессмысленным, однако некоторые, и в том числе Донни, понимали, что они занимаются действительно важным делом – стараются смягчить боль от потери близкого человека зрелищем до глупости сложного ритуала. Этот ритуал должен был за пышностью действия и точностью движений скрыть реальный факт – то, что юноша, лежащий в гробу, навсегда отправляется в землю на Арлингтонском национальном кладбище, причем намного раньше своего настоящего срока. И Донни, хотя и небольшой любитель задумываться о тонкостях жизненных перипетий, был уверен в том, что здесь ничего лучшего, пожалуй, не придумаешь.

А потому группа под его командованием вновь взялась за дело. Капрал негромко, но четко и твердо отдавал приказы, а солдаты передвигались точными, упругими, едва ли не балетными шагами. Двигаясь таким образом, они ловко снимали с катафалка покрытый флагом ящик, имитировавший гроб с телом парня, роль которого на тренировке выполняла простая стальная стойка, и, держа его идеально ровно, перекладывали на погребальные носилки и несли к могиле. Затем наступала очередь следующей части представления, во время которой немисливо сложным образом осуществлялось складывание флага. Флаг взлетал с гроба, повинаясь четким движениям шести пар рук, и начинал складываться в треугольник. Первым начинал солдат, стоявший в ногах, и с каждым следующим движением флаг перегибался по четкой линии, а треугольник, переходя от человека к человеку, становился все толще и толще. Если процесс складывания флага происходил правильно, то вскоре в руках у капрала Фенна оказывался идеальный треугольник, украшенный с обеих сторон звездами, без единого признака красной полосы где бы то ни было. Это было нелегкое дело, и хорошей команде для того, чтобы в совершенстве овладеть этим искусством, требовалась не одна неделя, а ввести в команду нового солдата было, пожалуй, еще труднее.

Затем в действие впрямоу вступал капрал Фенн. Он принимал из рук солдата усыпанный звездами треугольник, с идеальной точностью маршировал туда, где сидели мать, отец или кто-нибудь другой из членов семьи, и руками в белых перчатках подавал флаг. Этот момент всегда был самым трудным: порой человек, ошеломленный случившимся, неспособен был хоть как-то реагировать. Некоторые были совершенно подавлены и не замечали ничего происходящего вокруг. Некоторые держались неловко, кое-кто оказывался даже слегка ошарашен появлением такого красивого морского пехотинца, как Донни, с целой охапкой медалей, тяжело свисающих с форменного кителя, с наголо остриженной головой, с фуражкой, столь же белой, как и перчатки, с его непроницаемым достоинством, его безупречными театральными движениями, его внушающей благоговение внешностью кинозвезды. Обаяние Донни зачастую оказывалось сильнее печали, определяющей весь момент. Одна убитая горем мамаша даже сфотографировала приближавшегося к ней капрала «Инстаматиком», который держала в руках.

Однако сегодня капрал не был доволен тем уровнем мастерства, который демонстрировала его команда. Конечно, дело было в рядовом первого класса Кроу, отнюдь не лучшем человеке в отделении.

– Ну что ж, Кроу, – сказал он после того, как молодые солдаты с покрытыми обильным потом лицами замерли на месте, завершив ритуал, – я специально наблюдал за тобой. Ты сбился с ноги во время первого перехода и отстал на полтакта во время поворота налево от катафалка.

– А-а,– протянул Кроу, подыскивая самое подходящее замечание, которое напомнило бы о его героическом прошлом.– Мое проклятое колено. Это из-за той ерунды, которой мне пришлось столько пережить в Кесане.

Солдаты негромко засмеялись: все сведения о Кесане Кроу почерпнул из репортажей «Нью-Хейвен реджистер».

– О, я и забыл, что ты у нас такой герой,– иронически отозвался Донни.– В таком случае отождесь не пятьдесят раз, а только двадцать пять. В знак признания твоей великой жертвы.

Кроу пробормотал что-то невнятное, но беззлобное, а солдаты расступились, чтобы освободить ему место для исполнения епитимьи. Он стянул с рук перчатки, принял упор лежа и принялся отжиматься. Впрочем, последние шесть движений очень мало напоминали то гимнастическое упражнение, которое описывалось в уставе.

– Прекрасно,– похвалил Донни, сделав вид, будто не заметил погрешностей.– Может быть, в конце концов удастся добиться, чтобы ты не очень походил на девчонку. Что ж, ладно. Теперь...

Но в этот момент из-за правого плеча Донни внезапно вынырнул ординарец командира роты, рядовой первого класса очкарик Уэлч.

– Эй, капрал,– шепотом сообщил он,– тебя срочно вызывает командир.

«Вот дерьмо,– подумал Донни.– Интересно, в чем я провинился на этот раз?»

– О-о-о! – негромко пропел кто-то.– Похоже, у кого-то будут неприятности.

– Эй, Донни,– подхватил другой,– наверное, тебе хотят дать еще одну медаль.

– Это наконец-то пришел контракт из Голливуда.

– А ты не знаешь, в чем дело? – обратился Донни к Уэлчу, который был главным распространителем штабных слухов.

– Понятия не имею. Знаю только, что у него сидят какие-то парни из военно-морского флота. Он сказал, чтобы ты не задерживался.

– Уже лечу. Баскомб, заменишь меня. Еще двадцать минут. Особое внимание повороту налево от катафалка. Похоже, именно он особенно расстраивает нашего друга Кроу. Потом отведешь их в столовую. А я вернусь к вам как только, так сразу.

– Есть, капрал.

Донни расправил накрахмаленную сорочку, проверил, не сбились ли в сторону пуговицы, спросил себя, есть ли у него время переменить сорочку, решил, что нет, и направился в казарму.

Пробираясь среди упражняющихся морских пехотинцев, он быстрым шагом пересек парадную палубу. Искусники из роты «А» – почетный караул – практиковались в своей сложнейшей пантомиме. Знаменные расчеты осваивали тонкости работы с флагом. Целый взвод отрабатывал подавление уличных беспорядков: солдаты, согнувшиеся вдвое под тяжестью боевого снаряжения, громко топая, мчались по Солдатской аллее.

Донни дошел до Центральной аллеи и свернул к казарме, успев по дороге повстречаться всего лишь с какой-нибудь полудюжиной помешанных на субординации офицеров морской пехоты и каждый раз подбрасывая вверх напряженную правую руку в воинском салюте. Войдя в здание, он повернул направо, нырнул в открытый люк – так морские пехотинцы называли двери – и миновал вестибюль. Там было полутемно, и лампы ослепительно отражались в покрытом восковой мастикой и тщательно отполированном линолеуме. На выкрашенных в зеленый цвет стенах – переборках – висели фотографии различных операций морской пехоты, снабженные агрессивными подписями, изобретенными в Центре общественных связей. Эти тексты предназначались для того, чтобы повышать боевой дух морпехов, но никогда не достигали своей цели. Наконец капрал оказался перед дверью с надписью «Командир», под которой была прикреплена табличка, извещавшая о том, что командира

зовут «капитан М. К. Догвуд, КМП США». Предбанник был пуст, так как рядовой первого класса Уэлч все еще носился по гарнизону, выполняя приказание.

– Фенн? – послышался голос из-за второй двери. – Входите.

Донни вошел в кабинет, своего рода тайную часовню, в которой поклонялись одновременно и мужественной диктатуре морской пехоты, и бюрократической заскорузлости правительственного учреждения, и обнаружил там сидевшего прямо, будто шомпол проглотил, капитана Мортон Догвуда, а также одетого в коричневую летнюю форму худошавого молодого человека с нашивками лейтенант-командера военно-морского флота и еще более молодого человека в форме энсина⁵.

– Сэр, – доложил Донни, замирая по стойке «смирно», – капрал Фенн по вашему приказанию прибыл, сэр.

Поскольку он был без оружия, то честь отдавать не стал.

– Фенн, это командер Бонсон и энсин Вебер, – сказал Догвуд.

– Господа, – сказал Донни, повернувшись к морским офицерам.

– Командер Бонсон и его спутник представляют разведывательную службу военно-морского флота, – сообщил Догвуд.

«Проклятье, вот влип», – подумал Донни.

Свет в комнате не горел, и в углах было полутемно. За спиной капитана висел в рамке скудный комплект его наград, а рядом с ними – диплом об окончании Университета Джорджа Вашингтона по специальности «международные денежные отношения». Сверкающий стол был почти пуст, если не считать отполированной гильзы от снаряда 105-миллиметровой гаубицы, использовавшейся в качестве пресс-папье (вряд ли кто-либо из прошедших службу во Вьетнаме не имел подобного сувенира), и фотографий хорошенькой жены капитана и двух маленьких девочек.

– Садитесь, Фенн, – сказал Бонсон, не отрывая взгляда от документов, которые изучал.

Донни сразу заметил, что это была папка с его собственным личным делом.

– Есть, сэр, слушаюсь, – ответил Донни.

Скосив глаза, он нашел стул и, все так же неудобно вытянувшись, опустился на него, не отводя глаз от троих офицеров, которые, похоже, держали в руках его судьбу. Снаружи негромко доносились разнообразные звуки, сопровождающие учебные занятия любого гарнизона; снаружи стоял жаркий солнечный день, до предела заполненный обязанностями. А здесь... Донни явственно ощущал, что вступил в какую-то мутную воду. Что за чертовщина здесь затевается?

– Хороший послужной список, – провозгласил Бонсон. – Отлично поработали за морем. Не хуже и здесь, в казармах. Фенн, когда кончается ваш срок?

– В мае семьдесят второго, сэр.

– Жалко будет, если вы нас покинете, Фенн. Корпусу очень нужны хорошие люди вроде вас.

– Да, сэр, – механически откликнулся Донни. У него мелькнула мысль, а не могло ли все это быть вербовкой в кадры. Хотя вряд ли. Разведслужба ВМФ была уменьшенной копией ФБР, работавшей на флот и Корпус морской пехоты, там вели разведку, а не вербовали на службу. – Я собираюсь жениться. И уже получил от Аризонского университета согласие, что меня примут обратно после службы.

– Что вы собираетесь изучать? – осведомился командер.

– Думаю, право, сэр.

⁵ Лейтенант-командер – примерно соответствует званию капитан-лейтенанта российского ВМФ; энсин – первичное офицерское звание в ВМФ США, примерно соответствует званию младшего лейтенанта.

– Знаете, Фенн, вы, вероятней всего, выйдете в отставку капралом. В Корпусе трудно подняться выше этого звания, так как оно настолько незначительно, что не дает никаких шансов проявить себя, независимо от имеющихся у солдата способностей и героизма.

– Да, сэр, – снова согласился Донни.

– Лишь около восьми процентов из всех поступающих на четырехлетнюю военную службу покидают армию со званием выше, чем капрал. То есть сержант или выше.

– Да, сэр.

– Фенн, подумайте о том, насколько будет полезно для вашей юридической карьеры, если вы станете сержантом. Вы окажетесь одним из невероятно малого количества людей, которым удастся достичь этого положения. Вы по-настоящему войдете в элиту.

– Э-э-э... – Донни не знал, что ответить.

– Фенн, офицеры намерены предоставить вам выдающийся шанс, – вмешался капитан Догвуд. – Будет хорошо, если вы выслушаете их.

– Да, сэр, – отозвался Донни.

– Капрал Фенн, у нас происходит утечка. Очень серьезная утечка. Мы хотим, чтобы вы заткнули дыру.

– Утечка, сэр? – переспросил Донни.

– Да. Вы, конечно, знаете, что у нас есть источники в большинстве главных групп пацифистов. И до вас не могли не дойти слухи о том, что первого мая они собираются попытаться заблокировать город и прекратить войну, уничтожив тех, кто управляет машиной.

Подобные слухи давно уже носились в воздухе. «Штормовое подполье», «Черные пантеры» и им подобные организации намерены заблокировать Вашингтон, взорвать или начисто спалить Пентагон, захватить арсеналы и возглавить вооруженное восстание. Это, в частности, означало, что рота «Браво» постоянно находилась на боевом дежурстве и никто из ее солдат и офицеров не мог получить длительного отпуска.

– Я слышал об этом.

Как раз первого мая подруга Донни собиралась приехать на уик-энд. Было бы просто отлично повидаться с нею, если, конечно, его не запрягут на боевое дежурство или, хуже того, ему не придется спать где-нибудь под столом в каком-нибудь из зданий, примыкающих к Белому дому.

– Так вот, это правда. Первое мая. Коммунистический праздник. Они проводят грандиозную мобилизацию для затеянной ими войны и на самом деле собираются заблокировать нас и удерживать взаперти.

– Да, сэр.

– А наша задача очень проста, – сказал лейтенант-командер Бонсон. – Мы должны остановить их.

Эти слова офицер произнес с таким воодушевлением, что даже голос его немного задрожал. Его глаза вспыхнули огнем в добром старом стиле героев острова Иводзима⁶. Однако Донни не мог не заметить, что на груди командера не было ленточки медали за службу во Вьетнаме.

– Вы помните ноябрь? – спросил Бонсон.

– Да, сэр, – ответил Донни.

Он действительно помнил, хотя в памяти застряла не вся последовательность событий, а всего лишь один момент, который мог бы показаться довольно-таки абсурдным.

В сердце Америки было уже поздно, около полуночи, и морские пехотинцы из роты «Браво» в полном боевом снаряжении входили в расположенное рядом с Белым домом

⁶ Иводзима – вулканический остров в Тихом океане, южнее Японии. В 1945-1968 гг. находился под военным управлением США.

здание Государственного казначейства, занимая оборонительные позиции, чтобы подготовиться к отражению возможного штурма, который на следующее утро могли предпринять двести тысяч сердитых молодых людей, расположившихся лагерем на Молл⁷. В небе сияла желтовато-белая, как сухая кость, луна; погода была прохладной, но до настоящих холодов дело еще не дошло. Морские пехотинцы выгружались из грузовиков, держа свои М-14 на плече; штыки были примкнуты, но пока что оставались в металлических ножнах.

Когда Донни вел своих людей к входу, он заметил неподалеку слабый свет и всмотрелся в ночь. Кирпичный контрфорс в конце подъездного пути располагался почти точно посередине между очень-очень белым Белым домом слева и очень-очень темным Казначейством справа и позволял хорошо видеть Пенсильвания-авеню, где предводители крестового похода за мир организовали молчаливое непрерывное шествие со свечами.

Таким образом, одна группа молодых американцев с винтовками, пятнадцатью килограммами снаряжения и железными кастрюлями на головах входила в правительственное здание, а в семи метрах под совершенно точным прямым углом к ним двигалась по пустынной улице другая группа молодых американцев, прикрывавших согнутыми ладонями свечи, и на их лицах нежно мерцал свет, казавшийся сверхъестественным, неземным. В этот момент Донни почувствовал, что на него снизошло откровение: независимо от того, что утверждали пылающие праведным гневом кадровые вояки и о чем вопили предводители защитников мира, обе группы американцев практически не различались между собой.

– Да, сэр, – сказал Донни. – Я помню.

– Известно ли вам, капрал, что радикальные элементы были готовы к тому, что в операции по охране порядка будет задействовано только одно подразделение, а именно рота «Б» из казарм Корпуса морской пехоты, и что лишь по чистой случайности городской полицейский обнаружил бомбу, установленную таким образом, чтобы ее взрыв уничтожил телефонный туннель, ведущий в Казначейство? Это значит, что при взрыве рота «Б» оказалась бы отрезанной от места развития событий, а Белый дом и, следовательно, президент остались бы без защиты! Подумайте о этом, капрал. Без защиты!

Слова «без защиты» прозвучали в его устах как тяжелейшее обвинение; ноздри раздувались, глаза метали искры.

Донни понятия не имел, что ему следует говорить. Он никогда не слышал о бомбе в телефонном туннеле.

– Откуда они могли узнать, что вы там находились? Как им стало известно, куда вы направитесь? – требовательно напирал на него лейтенант-коммандер.

Донни осенило: рядом с Белым домом находятся всего лишь два здания. Одно из них – это администрация президента, а второе – Казначейство. И если власти намереваются подтянуть войска для прикрытия Белого дома, то куда же они могут их поместить, как не в одно из этих двух зданий? Больше просто некуда.

– Я не... – Он прикусил губу, чтобы не разразиться хохотом, который, несомненно, оборвал бы всю его карьеру прямо здесь и сейчас.

– Именно тогда разведслужба включилась в работу с экстремистами. В лице моей группы! – объявил лейтенант-коммандер.

– Да, сэр.

– Мы провели всеобъемлющее предварительное расследование во всех трех казармах морской пехоты. И мы думаем, что нашли нашего человека.

Донни на мгновение онемел. А затем почувствовал, что его охватывает гнев.

– Сэр, я думал, что мы все прошли проверку на благонадежность еще до того, как нас включили в это подразделение.

⁷ Молл – широкая парковая аллея, соединяющая Капитолий с рекой Потомак.

– Да, но это делается не слишком-то тщательно. Одному дознавателю приходится рассматривать по сотне личных дел за неделю. Бывают промахи. А теперь позвольте мне спросить вас кое о чем. Что вы скажете, если я сообщу вам, что у одного из солдат вашей роты есть за пределами базы незаконная квартира, которую он делит с членами известной анти-военной организации?

– Я ничего об этом не знаю, сэр.

– Это рядовой первого класса Эдгар М. Кроу.

Кроу! Конечно, это может быть только Кроу.

Энсин Вебер взял лист бумаги и прочел вслух:

– Кроу имеет квартиру в доме 2311 по С-стрит, Юго-запад, где проживает совместно с неким Джефффри Голденбергом, аспирантом журналистики Северо-Западного университета в Вашингтоне. Вы знаете, Фенн, что Кроу вовсе не обычный морской пехотинец. Он исключен из Йельского университета и попал в парадное подразделение лишь потому, что имеет дядю, связанного с одним конгрессменом, который смог устроить так, чтобы Кроу не грозила отправка во Вьетнам.

– Поразмыслите обо всем этом, Фенн,– добавил командер Бонсон, поднявшись с места.– Вы там подставляете свою задницу под пули, а он здесь марширует на парадах и передает секретные сведения наркоманам-пацифистам и хиппи, мешающим нам одержать победу.

Несомненно, это Кроу. Вечный путаник, сачок, умник, использующий свой незаурядный интеллект для того только, чтобы его не вышибли из парадной роты, но не желающий ничего делать по-настоящему хорошо.

И в то же время Кроу – салага, еще не сформировавшийся юнец, на первый взгляд ничем не отличающийся от остальных. Мальчишка, чуть ли не подросток, не сумевший убесть от искушений и неразберихи этого полного соблазнов и такого запутанного времени.

– Мы знаем вас, Фенн,– заявил лейтенант-командер.– Вы единственный человек во всей роте, кто пользуется настоящим уважением как среди честных морских пехотинцев, прошедших, подобно вам, через бои во Вьетнаме, так и среди мальчишек, которые оказались здесь лишь для того, чтобы избежать Вьетнама. Они все любят вас. И поэтому мы подобрали для вас задание.

Если вы справитесь с ним – а я, как военный человек, знаю, что нет никаких оснований считать, будто вы не сумеете справиться,– то через двенадцать дней вы закончите свою службу полным сержантом Корпуса морской пехоты Соединенных Штатов. Это я вам гарантирую.

Донни кивнул. Все это ему несколько не нравилось.

– Я хочу, чтобы вы стали новым лучшим другом Кроу. Вы его однополчанин, его приятель, его отец-исповедник. Пусть ему льстит то внимание, которое вы будете ему уделять. Шляйтесь с ним по городу. Ходите на вечеринки в кабаки, где собираются все эти миротворцы, знакомьтесь с его длинноволосыми друзьями. Напивайтесь с ним. Он начнет делиться с вами своими мыслями и планами; сначала понемногу, а потом, со временем, все больше и больше. Он посвятит вас во все свои тайны. Он, скорее всего, так гордится собой и той маленькой игрой, которую ведет, что его до смерти распирает желание похвастаться всем этим и он будет только рад показать, какой он лихой парень. Добудьте для нас побольше сведений, чтобы мы могли выдвинуть против него обвинение до того, как он сможет предать свою роту первого мая. Мы отправим его в Портсмут на долгий, очень долгий срок. Он выйдет оттуда стариком.

Бонсон умолк и опустил на стул.

Ну вот, Донни наконец услышал все до конца. Но все же многие важные слова не были произнесены. Предположим, он откажется. Что в таком случае произойдет с ним самим? Куда зашлют его?

– Я не... Сэр, я ведь не обучен разведывательной работе. Я не уверен, что смогу справиться с заданием.

– Фенн очень непосредственный и прямой морской пехотинец,– вмешался капитан Догвуд.– Он трудолюбивый простодушный парень, а не шпион.

Донни заметил, что слова его ротного командира глубоко задели лейтенант-командера Бонсона, но тот ничего не ответил, а лишь смерил Донни яростным взглядом.

– У вас две недели,– сказал он после долгой паузы.– Мы будем контролировать вас и рассчитываем получать донесения через день. Впереди ожидает большая опасность, и на вас рассчитывают очень многие. Это высокая честь – выполнять свой долг служения стране.

Донни промолчал и сразу же возненавидел себя за это.

– Ты сам знаешь, что устроился здесь совсем неплохо,– отеческим, а скорее фамильярным тоном продолжил Бонсон, так и не дождавшись от Донни ответа.– Имеешь в казарме отдельную комнату, а не живешь в общем кубрике. У тебя отличная должность, необременительные обязанности. Ты находишься в Вашингтоне, округ Колумбия. Сейчас весна. Ты возвращаешься в колледж, герой, увешанный всевозможными цацками и со всеми льготами ветеранского положения, плюс к тому имеешь Бронзовую звезду и приличное звание. Я бы сказал, что не так уж много молодых людей в Америке настолько близки ко всему этому, как ты.

– Да, сэр,– в очередной раз произнес Донни.

– То, о чем говорит командер,– негромко добавил эснин Вебер,– может исчезнуть, как дым. От одного дуновения ветра. Стоит только подготовить приказ. Тебя могут вернуть во Вьетнам топтаться по колено в грязи на рисовых полях, и вокруг тебя снова будут летать пули и всякое дерьмо. Такие случаи уже бывали. Парень очень скоро замечает, что ему поручают самые опасные дела. Ладно, ты и сам знаешь все эти истории. Он получает приказ выйти на операцию и в первый же день погибает. Письма его матери, статьи в газетах, ужас, да и только... Бедному парню очень сильно не повезло. Но иногда все случается именно так.

В кабинете вновь повисла тишина.

Донни совсем не хотел возвращаться во Вьетнам. Он уже отбыл там свой срок, получил свои раны. Он помнил страх, который испытывал, буквально физически ощутимую, раздрающую легкие плотность этого чувства, которое в первое же свое появление начало сокрушать окружающий его мир. Он ненавидел мерзость запустения, жестокие убийства. Сейчас, когда нормальная жизнь была так близка, ему нисколько не хотелось, чтобы ее украли у него прямо из-под носа. Его прямо-таки взбесила мысль о том, что он больше никогда, ни при каких обстоятельствах не увидит Джулию. Он успел подумать о том, как какой-нибудь гражданский тупица станет утешать ее после того, как его не станет, и решил, что вряд ли у парня хватит сил, чтобы сделать это как следует.

Он очень коротко, почти незаметно кивнул.

– Вот и прекрасно,– отозвался Бонсон.– Вы приняли верное решение.

Глава 02

Донни стоял перед входом, испытывая идиотское чувство. Из-за двери доносились отрывистые звуки рок-музыки. А внутри было шумно, ярко, празднично, многолюдно. Он чувствовал себя круглым дураком.

Он обернулся. В «форде», стоявшем у тротуара на противоположной стороне С-стрит, сидел энсин Вебер. Вебер ободряюще кивнул и чуть заметно дернул головой в сторону, как будто хотел сказать: ну, валяй, заходи же, черт бы тебя побрал!

И вот теперь Донни стоял у входа в «Ястреб и голубь», одно из знаменитых питейных заведений Капитолийского холма, где молодые мужчины и женщины, направлявшие течение войны, боровшиеся против войны или описывавшие войну, по обыкновению собирались после шести часов, когда конторы официального Вашингтона закрывались и лишь некоторые старые зануды оставались торчать в наглухо закупоренных кабинетах, дожидаясь самых последних новостей об авиационных бомбовых ударах или несчастных случаях с многочисленными жертвами.

Стоял приятный вечер, нежаркий и умиротворяющий. Донни оделся в обрезанные выше колен джинсы, легкую яркую рубашку и теннисные туфли «Джек Перселл», точно так же, как и половина парней, вошедших в забегаловку за те минуты, пока он стоял перед нею. Единственное отличие между ним и остальными заключалось в том, что уши у него торчали да на макушке был лишь небольшой кружок коротко подстриженных волос – верная примета кувшиноголового.

Но было известно, что рядовой первого класса Кроу обычно ошивался именно в «Ястребе и голубе», и потому Донни тоже был послан именно в «Ястреб и голубь».

«Боже!» – снова произнес про себя Донни, еще раз взглянул на Вебера, и тот опять дернул головой.

Донни повернулся и нырнул в забегаловку.

Там, как он и ожидал, было темно, многолюдно и тесно. Рок-музыка гулко отдавалась от стен. Звучало что-то вроде «Буффало Спрингфилд»: «Там сидит парень с пушкой, ну а может, и не сидит...» – или что-то еще вроде этого; во всяком случае, Донни смутно припоминал слова и музыку.

Все до одного курили и безостановочно переходили с места на место. Молодежь в полумраке разглядывала друг друга – смазливенькие девушки с Холма, хрупкие юноши с Холма, – и казалось, что самый воздух пропитан сексом. Почти все парни имели на головах огромные копны волос, но все же иногда на глаза Донни попадались такие же «белые плечи», как у него самого, или короткие прически кадровых военных. Однако в отношении к ним большинства окружающих не чувствовалось особой напряженности, как будто все на время позабыли о вражде, оставили ее в удел могущественным объединениям своих единомышленников; молодые не считали необходимым что-либо доказывать здесь кровожадному старичью, управляющему миром.

Донни пробился к стойке, заказал, раскошелившись на доллар, кружку «Будвайзера» и вспомнил недавний разговор:

«Сохраняйте все чеки. Вы сможете потом предъявить их, и наша контора оплатит ваши расходы. Только не перестарайтесь. Если вы начнете горстями нюхать порошок, Бонсон просто взбесится».

«Я никогда даже и не пробовал порошка, – ответил Донни. – Хотя не исключено, что этой ночью придется попробовать».

«Это было бы крайне нежелательно», – кисло заметил Вебер.

Донни не спеша потягивал пиво. Рядом с ним какой-то парень, не умолкая, бранил девушку. Вся ссора происходила исключительно шепотом, но накал ее был очень силен.

– Ты идиотка,– чуть слышно бормотал парнишка.– Ты просто невероятная идиотка. Как ты могла дать ему? Ему! Как ты могла дать ему? Ты идиотка.

Девушка не мигая смотрела перед собой и молча курила.

Между тем время шло. Полученные инструкции были совершенно ясными. Ему не следовало первым приближаться к Кроу. Это было бы ошибкой. Рано или поздно Кроу заметит его и сам подвалит к нему, а затем все пойдет так, как пойдет. Если же он сам бросится к Кроу, то вся эта проклятая операция провалится.

Донни взял еще кружку пива и посмотрел на часы. Делать ему было просто нечего. Неподалеку крутилось несколько симпатичных цыпочек, но ни одна из них и в подметки не годилась Джулии, девушке, в которую он был влюблен. «Люди,– усмехнулся он про себя,– у меня есть кое-что получше».

Их отношения походили на банальный роман между героем-футболистом и капитаном группы поддержки, но на деле не были такими. Да, он и впрямь был героем футбольных матчей. Да, она действительно была капитаном группы поддержки. Но он никогда не любил футбол по-настоящему, а ей не доставляло большого удовольствия дирижировать поклонниками команды во время матчей. Если честно говорить, то они сблизилась не по своей воле, а под нажимом своих однокашников по школе округа Пима, однако вскоре обнаружили, что между ними нет настоящей любви, и разошлись. Но после разрыва, когда у них завязались отношения с другими людьми, они поняли, насколько скучают друг по другу. Однажды вечером они встретились вчетвером: он пришел с Пегги Мартин, лучшей подругой Джулии, а она – с Майком Уиллисом, его лучшим другом. И в эту ночь они по-настоящему нашли друг друга. До окончания школы оставался год. Война была в ту пору очень далеко, существовала только на экранах телевизоров. Перестрелки в Бьенхоа и Дранге (он и понятия не имел об этих городах), бочки с напалмом, вываливающиеся из «фантомов» и летящие, кувыркаясь, вниз, чтобы на земле расцвести ковром пляшущего пламени, покрывающим без единого промежутка огромные пространства джунглей,– все это ничего не значило. В том году Донни и Джулия всюду бывали вместе. Они стали неразлучны. Это было лучшее лето всей его жизни, но выпускной год оказался еще лучше. В тот год Донни задал жизни всей Лиге юго-западных округов, набирая в среднем по две сотни за игру. Он был большим и быстрым. А Джулия была очень красива, но при этом еще и очень мила. О, она была так мила! Она была... изумительна – вот единственное подходящее слово, хотя и оно не выражало всего.

– Господи!

Одновременно с этим возгласом на плечо Донни опустилась чья-то рука. Он обернулся.

– Какого черта тебя занесло сюда?

Конечно же, это был Кроу в джинсах и рабочей рубашке, выглядевший настоящим пролетарием. На голову он напялил полевую панаму армейского образца (интересно, где он ее раздобыл?), которая надежно скрывала бритую голову. В руке он держал кружку с пивом, а за спиной у него стояли еще трое молодых людей, почти неотлично похожих на него, если не считать того, что их длинные волосы были натуральными. Они напоминали трех Иисусов.

– А-а, Кроу,– безразличным тоном откликнулся Донни.

– Я и не знал, что ты бываешь в таких местах,– сказал Кроу.

– Такое же место, как и все остальные. Здесь есть пиво. Какого хрена мне еще может понадобиться? – ответил Донни.

– Это мой капрал,– сообщил Кроу своим приятелям.– Он самый настоящий герой из Корпуса морской пехоты. И по-настоящему убивал врагов. Но он хороший парень. Сегодня он заставил меня отжаться только двадцать пять раз вместо пятидесяти.

– Кроу, если бы ты выучил наконец свои хреновы движения, то тебе не пришлось бы отжиматься ни разу.

– Но это значило бы, что я стал сотрудничать.

– Ах вот оно что. Значит, обосрать воинские похороны – это часть твоей партизанской войны против убитых горем матерей Америки?

– Нет-нет, я просто пошутил. Но ты не поверишь, я ведь и в самом деле путаю правую и левую стороны. Честно говорю.

– В морской пехоте говорят: правый и левый галс, – поправил Донни.

– Ну так их я тоже путаю. Да ладно, плевать. Не хочешь присоединиться к нам? Рассказал бы этим ребятам о Вьетнаме.

– Вряд ли они захотят меня слушать.

– Нет, а правда, – вмешался один из спутников Кроу. – Дружище, там, наверное, чертовски страшно.

– Он получил Бронзовую звезду, – с неожиданной гордостью в голосе доложил Кроу. – Он был героем.

– Мне просто сильно повезло, что я не сгинул там попусту, – поправил его Донни. – Нет, никаких боевых историй. Так что извини.

– Послушай, мы идем на вечеринку. Мы хорошо знаем этого парня; у него всегда собирается много народу. Не хочешь пойти с нами, капрал?

– Кроу, когда мы не на службе, называй меня Донни. А тебя зовут Эд.

– Эдди и Донни!

– Совершенно верно.

– Правда, Донни, пойдём. Там будут отличные цыпочки. Это на С-стрит, совсем рядом с Верховным судом. Парень, у которого все это происходит, клерк, приятель моего старшего брата из Гарварда. Нет, ты только представь себе: в одном месте соберется столько милашек, сколько ты, может быть, в жизни не видел.

– Донни, почему бы тебе и впрямь не пойти? – подхватил один из мальчишек.

Донни подумал, что его репутация героя каким-то образом пробила брешь в неокрепших политических убеждениях этого свежее испеченного борца за мир, который всего несколько лет назад поклонялся героям Джона Уэйна⁸.

– Я помолвлен, – неубедительно возразил Донни.

– Но ведь ты же можешь смотреть, правда? Или она тебе и этого не позволяет?

– Наверное, позволяет, – ответил Донни. – Только мне бы очень не хотелось никаких восхвалений и прочего дерьма в честь Хо Ши Мина⁹. Хо Ши Мин пытался прикончить меня. И он совершенно не мой герой.

– Уверен, что там не будет ничего подобного, – пообещал Кроу.

– Он понравится Тригу, – заявил еще один из мальчишек.

– Триг сделает из него пацифиста, – пообещал другой.

– И кто же такой этот Триг? – поинтересовался Донни.

Идти действительно было совсем недалеко. Как только они вышли на улицу, один из мальчишек достал сигарету с травкой и закурил. Закрутку привычно передавали из рук в руки, и вскоре она дошла до Донни. Тот после секундного колебания затянулся, задержав дым в груди. Он чуть не пристрастился к зелью, пока был в 'Наме, но смог преодолеть привычку. Теперь знакомый сладковатый дымок проник в легкие, и в голове сразу же зашумело.

⁸ Уэйн Джон – американский киноактер, снимался главным образом в вестернах, приключенческих и военных фильмах.

⁹ Хо Ши Мин (1890-1969) – председатель ЦК Партии трудящихся Вьетнама, президент Демократической Республики Вьетнам.

Показалось, что мир заискрился разноцветным сиянием, что впереди открылось множество новых, доселе неведомых возможностей.

Донни с силой выдохнул. «Хватит,— подумал он.— Довольно с меня этого дерьма».

Капитолийский холм, густо усаженный деревьями с шелестевшей под вечерним бризом листвой, походил на маленький городок в штате Айова. Но стоило сделать несколько шагов, как впереди открылся Капитолий – сверкающий в ночи огромный белый купол, освещенный яркими дуговыми лампами.

– Тут они приносят девственниц в жертву богам войны,— с пафосом произнес один из юнцов.— Каждую ночь. Можно даже услышать их крики.

Вероятно, эти слова подсказала ему травка, но Донни все равно заставил себя улыбнуться. Девственниц на самом деле приносили в жертву, но вовсе не здесь. Это происходило в пятнадцати тысячах километров отсюда, на рисовых чеках, залитых бурой от буйволиного навоза водой.

– Донни,— подхватил Кроу.— Ты можешь вызвать артиллерию? Мы должны уничтожить это место, чтобы спасти его.

И это, скорее всего, говорил не он сам, а травка.

– Эй, Дробовик-зулу-три,— принялся импровизировать Донни.— У меня есть для вас огневая работенка, смотрите по координатной сетке: четыре ближе к девять-шесть, шесть-пять-четыре от Альфы-семь-ноль-два-пять. Нас сильно прижали очень уж поганые парни, просим «отель "Эхо"», огонь на поражение, заранее благодарны.

– Вот это круто! – восхитился один из юнцов.— А что такое «отель "Эхо"»?

– Бризантный заряд,— объяснил Донни.— В отличие от осколочного или белого фосфора.

– Круто, как дерьмо,— воскликнул парень.

Музыка известила о месте вечеринки гораздо раньше, чем поступило какое-либо визуальное подтверждение. Точно так же, как в «Ястребе и голубе», она вырывалась в ночь, тяжелый психоделический рок, заполняющий темноту и разносящийся чертовски далеко. Впрочем, то же самое он слушал и там; это было здорово. Молодые морские пехотинцы любили рок. Они непрерывно слушали его, и если бы не козни суровых сержантов, то не расставались бы с музыкой и во время патрулирования в джунглях.

– Интересно, Триг будет здесь? – спросил один из парней.

– Когда речь идет о Триге, то ничего нельзя сказать заранее,— ответил Кроу.

– Кто такой этот Триг? – снова спросил Донни.

Вечеринка вроде бы почти не отличалась от тех, на которых Донни бывал, когда учился в Аризонском университете, разве что волосы у парней были подлиннее. Мельтешили люди самого разного облика. Все выглядело точь-в-точь как в баре, только происходило в куда более тесных и душных комнатах. Воздух казался густым от сладковатого запаха травки. На стенах портреты Хо и Че. В ванной, куда Донни зашел, чтобы отлить, висел даже флаг Северного Вьетнама, хотя изготовлен он был не в Хайфоне, а в Скенектади¹⁰. У Донни даже мелькнула мысль незаметно поджечь его, но он решил, что это наверняка сорвет всю затею. И в конце концов, это же был всего лишь флаг.

Мужчины выглядели в основном его ровесниками, хотя попадались и немного моложе. Несколько человек средних лет слонялись по комнатам и оглядывали окружающих пристальными высокомерными взглядами, которые внушают такое почтение рядовым обывателям округа Колумбия. Судя по прическам, только он и Кроу представляли здесь морскую пехоту Соединенных Штатов, хотя Кроу вряд ли годился на должность представителя.

¹⁰ Скенектади – небольшой город неподалеку от восточного побережья США.

Кстати, тот уже рассказывал кому-то знакомую историю о том, как ему чуть не удалось отко- сить от призыва, прикинувшись психом.

– Ну так вот,– рассказывал он,– стою я голый, а на голове у меня ковбойская шляпа. Я очень вежлив, и все остальные тоже очень вежливы со мной – поначалу. Я делаю все, чего они от меня хотят: наклоняюсь и выпрямляюсь, ношу свое нижнее белье в маленьком пакете, улыбаюсь и называю всех сэрами. Я лишь отказываюсь снимать свою ковбойскую шляпу. «Э-э, сынок, ты не мог бы снять эту шляпу?» – «Я не могу,– объясняю я.– Если я сниму ков- бойскую шляпу, то умру». Понимаете, самое главное здесь – вести себя очень вежливо. Если ты начнешь психовать, то они сразу поймут, что ты косишь. Довольно скоро они собрали кучу майоров, и генералов, и полковников, и все они принялись орать на меня, требуя, чтобы я снял ковбойскую шляпу. Я стою голый в маленьком кабинетике перед всеми этими парнями и наотрез отказываюсь снять свою ковбойскую шляпу. Вот вам самый настоящий герой! Что там Джон Уэйн! Они орут, аж пена брызжет, а я так спокойненько им отвечаю: «Если я сниму свою ковбойскую шляпу, то умру».

– И тебя не забрали?

– Ну да, им это надоело, и меня вышвырнули. Потом они несколько недель возились с моими документами, а за это время мой дядя договорился с Большой шишкой о том, чтобы меня засунули в такую щель морской пехоты, из которой не выдергивают в 'Нам. Вы же понимаете, что, когда вся эта заваруха закончится, обо всех обвинениях забудут. Никому до них не будет никакого дела. Все просто-напросто спишется. Поэтому любой, кто позволит убить себя ни за что ни про что, просто слабоумный идиот. Ну скажите мне: за что поги- бать-то?

Хороший вопрос, подумал Донни. За что? Он попытался вспомнить ребят из своего взвода 1/3 «Браво», погибших на протяжении семи месяцев, которые он провел с ними. Это оказалось непростым делом. И потом: кого прикажете считать? Нужно ли включать в список парня, задавленного армейским грузовиком в Сайгоне? Может быть, он все равно стоял на очереди. Может быть, если бы он выбрался из Сайгона, то все равно получил бы пулю на перекрестке в Шебойгане. Нужно ли его считать? Этого Донни не знал.

Зато несомненно нужно считать того парня – как же его звали? нет, на самом деле, как его звали? – который наступил на «бетти» и был изрешечен осколками. Он первый из тех, кого помнил Донни. А сам Донни был тогда совсем лопухим салагой. Парень просто упал навзничь. Сколько было крови! Все столпились вокруг него, хотя этого нельзя было делать, а он казался таким спокойным перед смертью. Но никто потом не зачитывал никакого неотправленного им письма к матери, в котором он рассказывал о своем славном взводе и о том, как они доблестно сражаются за демократию. Просто положили его в пластиковый мешок и оставили на месте гибели. Донни помнил его лицо, но никак не мог восстановить в памяти имя. Этакий жирный тип. Рожа как блин, маленькие глазки. У него даже не росла щетина, и ему не нужно было бриться. Как же его звали?

Во второго угодила винтовочная пуля. Он бился, вопил, стонал, и никто не мог угово- рить его замолчать. Он задыхался от негодования. Это так несправедливо! Что ж, это дей- ствительно было несправедливо. Казалось, он хотел спросить своих друзей: почему меня, почему не вас? Он был стройным и поджарым парнем из Спокана. Мало разговаривал. Все- гда держал винтовку в порядке. Кривоногий. А как его звали? Донни не помнил.

Были у него и еще кое-какие воспоминания, но, впрочем, ничего из ряда вон выходя- щего. Донни не довелось принимать участие в каких-либо крупных сражениях или в серьез- ных операциях с драматическими кодированными названиями, о которых в газетах сооб- щали на первых полосах. Главным образом ему приходилось топтать пешком, постоянно опасаясь, что кто-нибудь выскочит из кустов, или ты обо что-нибудь споткнешься, или на тебя что-то свалится сверху и прибьет на месте. По большей части это было скучно, по боль-

шей части это было грязно, по большей части это было стыдно. Он не хотел возвращаться туда и знал это совершенно точно. «Дружище, если ты позволишь им послать тебя обратно сейчас, когда вся эта пакость уже близится к концу, когда подразделения то и дело возвращаются назад, потому что началось время, которое президент назвал "вьетнамизацией", если ты сейчас позволишь себе сгинуть ни за грош, то ты просто слабоумный идиот».

Внезапно кто-то с силой толкнул его.

– Виноват,– сказал Донни, отступая в сторону.

– Так оно и есть,– с угрозой произнес незнакомый голос.

Интересно, откуда они взялись? Их было трое, и габаритами они почти не уступали ему самому. Все с длинными волосами, с яркими повязками на головах, одетые в затертые джинсы и армейские рабочие рубахи.

– Ты говнюк из морской пехоты, верно? Кадровый?

– Да, я из морской пехоты,– признался Донни.– И возможно, говнюк. Но я не кадровый.

Все трое уставились на него. Было заметно, что глаза у них мутны с перепоею, но все равно они горели ненавистью. Тот, который толкнул Донни, судя по всему предводитель, сильно покачивался. В кулаке он сжимал горлышко бутылки с джином, причем явно намеревался воспользоваться ею как оружием.

– Вот из-за таких, как ты, дерьмовых вояк мой брат вернулся домой в пластиковом мешке! – выкрикнул он.

– Я очень сожалею о твоём брате,– ответил Донни.

– А этот кадровый козел получил подполковника.

– Подобные пакости случаются не так уж и редко. Какой-нибудь ловкач хочет получить еще одну нашивку и посылает своих парней на холм. Он получает нашивку, а парням достаются пластиковые мешки.

– Да, но случается это только потому, что говнюки вроде тебя это допускают, потому что в ваших долбанных душах нет ни грамма смелости, чтобы сказать Большому Брату «нет». Если бы у вас было хоть чуть-чуть мужества, то все это дело давным-давно прекратилось бы.

– А ты, значит, сказал Большому Брату «нет»?

– И без этого обошелся,– с гордостью заявил парень.– Я был первогодком, и меня эти игры не касались.

Донни захотелось сказать ему, что раз уж ты согласился вписаться в классификацию, то совершенно неважно, в какой разряд попал. Все равно ты подчинялся приказам и работал на Большого Брата. Просто некоторым парням отдавали более приятные приказы, чем другим. Но в этот момент парень шагнул к нему, его лицо перекосила злобная пьяная гримаса, и он еще крепче стиснул бутылку.

– Эй, я пришел сюда не затем, чтобы драться,– негромко сказал Донни.– Я просто гулял со знакомыми парнями.

Осмотревшись вокруг, он увидел, что оказался в центре круга уставившихся на него юношей. Даже музыка умолкла, и дым, казалось, клубился не так густо. Кроу, конечно, куда-то исчез.

– Значит, ты, подонок, забрел туда, куда не следовало,– рявкнул парень и напрягся, видимо намереваясь подойти еще на шаг.

Донни лихорадочно соображал, что же ему делать: то ли постараться вырубить дурака, то ли поскорее свалить отсюда и не ввязываться в потасовку.

Но внезапно между ним и его противником втиснулась чья-то фигура.

– Остановитесь,– сказал незнакомый человек.– Братья, братья мои, не теряйте своего священного хладнокровия.

– Да ведь это же поганый...– начал было агрессор.

– Он такой же парень, как и ты, и у тебя не больше оснований обвинять его в происходящем, чем себя самого или кого-нибудь другого. Ведь все дело в системе, разве ты этого не понимаешь? Помилуй боже, неужели ты так ничего и не понял?

– Да, но ведь надо же с чего-то начать!

– Джерри, остынь. Пойди, дружище, забей, что ли, косячок с кем-нибудь. Я не допущу, чтобы трое парней набрасывались с пустыми бутылками на несчастного солдата, который забрел сюда, не желая никаких приключений.

– Триг, я...

Но этот самый Триг положил ладонь на грудь Джерри, твердо посмотрел ему прямо в глаза – в этом взгляде, казалось, было столько огня, что можно было расплавить едва ли не все, что существует на свете, – и Джерри отступил, сглотнул и посмотрел на своих приятелей.

– Хрен с ним, – сказал он после продолжительной паузы. – Но все равно мы с тобой не согласны.

С этими словами троица резко повернулась и, расталкивая присутствующих, зашагала к двери.

Неожиданно снова загрела музыка – «Satisfaction» в исполнении «Роллинг стоунз», – и вечеринка вновь забурилась.

– Слушай, спасибо тебе, – спохватился Донни. – Мне меньше всего на свете хотелось драться.

– Пустяки, – откликнулся спаситель. – Кстати, меня зовут Триг Картер.

Он протянул Донни руку. У Трига было одно из тех удлинённых серьёзных лиц, на которых кожа туго обтягивает кости, а глаза кажутся одновременно и влажными и светящимися. Он очень напоминал киношного Иисуса. В его манере смотреть на собеседника было что-то очень притягательное. Он обладал редким даром с первого взгляда вызывать симпатию.

– Рад познакомиться, – ответил Донни, удивившись, что рукопожатие такого хрупкого с виду человека оказалось очень крепким. – А я Фенн. Донни Фенн.

– Я знаю. Ты тайный герой Кроу. Настоящий головоломщик.

– Господи боже, я никак не могу в него войти. Мне нужно дослужить свой срок, а потом я навсегда уберусь отсюда в страну кактусов и индейцев-навахо.

– Я там бывал. Траурные голуби, они ведь оттуда, верно? Маленькие белые птички, которые так быстро носятся по ложбинам и кустам, что их трудно рассмотреть.

– О да, – ответил Донни. – Мы с отцом любили на них охотиться. Нужно пользоваться самой легкой дробью – восьмеркой или девяткой. И все равно попасть очень непросто. Впрочем, ты, наверное, и сам это знаешь.

– Похоже, что это и впрямь забавно, – заметил Триг. – Но я-то охочусь на них не с ружьем, а с фотоаппаратом. А потом рисую их.

– Рисуешь? – переспросил Донни. Он никогда не видел большого смысла в этом занятии.

– Ну да. Картины. Вообще-то я художник-орнитолог. Мне довелось немало поехать по миру, рисуя портреты птиц.

– Здорово! – воскликнул Донни. – И за это платят?

– Кое-что. Я иллюстрировал книгу моего дяди, Роджера Прентиса Фуллера. «Птицы Северной Америки». Он зоолог из Йельского университета.

– Э-э... Пожалуй, никогда не слышал о нем.

– Когда-то он был охотником. В начале пятидесятых ездил на сафари вместе с Элмером Кейтом.

Это имя произвело на Донни впечатление. Кейт был прославленным стрелком из штата Айдахо, автором книг «Элмер Кейт и его шестизарядный револьвер» и «Элмер Кейт и большая ружейная охота».

– Вот это да! – воскликнул он. – Элмер Кейт!

– Роджер рассказывал, что Кейт был злобным крошечным человечком. Он ужасно обгорел в детстве и всю жизнь стремился отыграть за свои увечья. Они больше не общаются. Элмера интересовала только стрельба, и ничего больше. Он просто не мог увидеть никакого смысла в том, чтобы хоть как-то ограничить себя. А Роджер больше не стреляет.

– Думаю, что после 'Нама я тоже больше не буду стрелять, – сказал Донни.

– Для морского пехотинца сказано просто здорово, Донни. Кроу был прав насчет тебя. Может быть, когда закончишь службу, присоединишься к нам? – Триг улыбнулся, и его глаза вспыхнули, как у кинозвезды.

– Ну... – протянул Донни. Он представил себя борцом за мир – с длинными волосами, курящим дурь, размахивающим плакатами, распеваящим «К черту все, мы не пойдем» – и рассмеялся вслух.

– Триг! Когда ты появился?

Это был Кроу со своей свитой, к которой теперь присоединилось еще несколько девочек. Вся эта толпа каким-то образом закружилась вокруг Трига, как будто тот был средоточием поля, вроде электромагнитного. И спустя несколько секунд Триг исчез, словно смытый потоком восторженного поклонения, которого Донни никогда не понимал.

Он повернулся к стоявшей поблизости девушке.

– Эй, прошу прощения, – сказал он, – но кто все-таки такой этот Триг?

Она выпятила на него изумленные глаза, а затем возмущенно спросила:

– Слушай, парень, с какой планеты ты свалился? С этими словами она умчалась вслед за Тригом, и в ее глазах сияла любовь.

Глава 03

– Триг Картер! – воскликнул командер Бонсон.

– Да, совершенно верно. Я никак не мог вспомнить фамилию, – согласился Донни, который на самом деле помнил фамилию очень хорошо, но никак не мог заставить себя произнести ее вслух. – Мне показалось, что он очень симпатичный парень.

Бонсон занимал ничем не примечательный кабинет в одной из слепленных на скорую руку во время Второй мировой войны построек, все еще сохранившихся на территории Вашингтонской верфи военно-морского флота, которая находилась в полумиле от казарм «Восемь-один». Наутро Донни под каким-то благовидным предлогом отправили туда для отчета о первом дне его шпионской охоты.

– Вы видели вместе Трига Картера и Кроу. Так? Почему же Донни все это казалось таким гадким?

Он чувствовал себя грязным, будто его кто-то подслушивал. Скосив глаза, он оглядел кабинет. Президент Никсон сурово смотрел на него со стены сверху вниз, повелевая ему выполнить свои обязанности перед Богом и страной. Диплом Нью-Гемпширского университета придавал кабинету дополнительную торжественность. Несколько парадных фотографий лейтенанта-командера Бонсона в обществе различных высокопоставленных чиновников придавали обстановке завершенность. Если не считать этого, в помещении не было и следа какой-либо индивидуальности или даже ощущения присутствия человека. Оно было неестественно аккуратным: даже скрепки для бумаги в небольшой пластмассовой коробочке были аккуратно сложены, а не брошены кучей.

Лейтенант-командер Бонсон наклонился вперед, вперившись в Донни своим темным пристальным взглядом. Это был тощий темноволосый человек с гладко выбритыми сизыми щеками. Он производил впечатление глубочайшей сосредоточенности. В нем было нечто фанатическое, казалось, что ему самое место на кафедре проповедника, откуда он гневно обличал бы мини-юбки и «Битлз».

– Да, сэр, – собравшись с духом произнес Донни. – Они оба были там. И еще около сотни народу.

– Повторите еще раз, где это было.

– На вечеринке. Э-э... С-стрит, на Холме. Адреса я не заметил.

– Три сорок пять, С, Юго-восток, – сообщил энсин Вебер.

– Вебер, вы проверили этот дом?

– Да, сэр. Там проживает некий Джеймс К. Филлипс, клерк судьи Дугласа и, согласно данным ФБР, гомосексуалист.

– Скажите, Фенн, было ли большинство присутствовавших там гомосексуалистами? Была ли это сходка гомиков?

Донни не знал, что на это сказать. Сборище было самой обычной вашингтонской вечеринкой и, вероятно, ничем не отличалось от любой другой вечеринки в Вашингтоне. Там было много молодых людей, была травка, было пиво, музыка и атмосфера веселья и надежды.

– Не могу сказать ничего определенного, сэр.

Бонсон задумчиво откинулся на спинку стула. Мысль о сборище гомосексуалистов, похоже, застряла в его мозгу, и некоторое время он не мог от нее отделаться. Но вскоре он вновь вышел на след.

– Значит, вы видели их вместе?

– Не совсем так, сэр. В одной и той же толпе. Было ясно, что они знакомы друг с другом. Но мне не показалось, что за этим знакомством стоит нечто большее.

– Кроу мог передать ему какие-нибудь сведения о дислоцировании роты?

Донни чуть не рассмеялся, но Бонсон смотрел на него таким тяжелым взглядом, что было ясно: поддаваться этому порыву будет большой ошибкой.

– Я так не думаю, – сказал Донни. – Не в том смысле, что не видел. Я хочу сказать, у Кроу не может быть каких-то секретных сведений о планах действий роты. У меня, например, их не бывает. Откуда же они возьмутся у него?

На это Бонсон ничего не ответил. Он посмотрел на Вебера.

– Нам удалось подобраться вплотную, – сказал он. – Мы внедрили его в самую ячейку. Триг Картер. Подумать только!

– Запись, сэр. Может быть, мы могли бы записать его разговоры, – предложил Вебер.

«О Христос, – подумал Донни. – Мне только не хватало ходить с магнитофоном, прилепленным к животу скотчем».

– Нет, не имеет смысла, если мы не сможем сделать все это быстро. А он всегда очень подвижен, легок на ногу. Мы не сможем сделать запись, по крайней мере при этих обстоятельствах.

– Это было только предложение, сэр, – сказал Вебер.

– Ну что ж, Фенн, – вновь обратился к нему Бонсон, – вы взяли прекрасный старт. Но нам слишком часто приходилось видеть, как бегуны после хорошего старта еле-еле доползают до финиша. Теперь вам надо по-настоящему поднажать. Вы должны сделать Кроу своим приятелем, своим другом, понимаете? Он уже начал доверять вам; и таким образом вы сможете разломить всю скорлупу. Триг Картер! Нет, Вебер, вы когда-нибудь слышали что-то ужаснее?

– Сэр, могу ли я спросить: кто такой Триг Картер?

– Покажите ему, Вебер.

Вебер раскрыл папку, пролистал бумаги и пододвинул несколько листов по столу к Донни. Лежавшую сверху фотографию Донни узнал сразу: он видел ее, наверное, тысячу раз, но никогда не обращал на нее особого внимания. Она висела на стене в казарме, где он жил во время войны, рядом с еще несколькими впечатляющими картинками.

Это была обложка номера журнала «Тайм», вышедшего в конце горячего лета 1968 года: Чикаго, «зверства полиции» вечером последнего дня Национального съезда демократической партии. И на этой фотографии крупным планом был запечатлен Триг в рубашке с короткими рукавами и с лицом, залитым кровью, хлещущей из уродливого шрама на голове с коротко подстриженными волосами. Он сгибался под тяжестью какого-то другого парня, вытаскивая его из туманного облака слезоточивого газа подальше от расплывчатых пятен – чикагских полицейских, стрелявших во все, что можно было убить. Вид у Трига был невыносимо благородный и героический, он казался невероятно храбрым. Из зажмуренных глаз текли слезы от слезоточивого газа, он был покрыт кровью и потом, и жилы на шее вздулись от напряжения, с которым он вытаскивал потерявшего сознание окровавленного раненого мальчишку из зоны избиения. Он был очень похож на любого из дюжины тех безумно храбрых однополчан, которые на глазах у Донни тащили на себе точно такую же тяжесть, только делали это не среди копов, а под обстрелом трассирующими пулями, среди разрывов гранат и «бетти» в Дурной Земле; правда, ни один из них так и не удостоился чести попасть на обложку «Тайм».

«ДУХ СОПРОТИВЛЕНИЯ» – гласила надпись на обложке.

– Он их рыцарь Ланселот, – сказал Вебер. – Его избил в Селме государственная полиция Алабамы, он попал на обложку «Тайм» во время съезда шестьдесят восьмого года. С тех пор он оказывается повсюду, где только происходят акции движения. Один из первых уроков, помешавшихся на борьбе за мир, богатый отпрыск одного из старинных семейств Мэри-

ленда. Только что возвратился из Англии, где год учился рисованию в Оксфорде. Диплом Гарварда, какой-то художник, что ли?

– Художник-орнитолог. Это он мне сам сказал.

– Да. Птицы. Любит птиц. Очень странно, – заметил Бонсон.

– Очень способный юноша, – продолжал Вебер. – Но это, похоже, становится уже интересной особенностью. Кстати, в Англии тоже. Эти способные юнцы могут растолковать и объяснить все на свете. И после революции именно они окажутся элитой. Так или иначе, он один из вождей Народной коалиции за мир и справедливость, своего рода проповедник, кочующий посол и организатор. Живет здесь, в округе Колумбия, но работает, скитаясь по университетским городкам, всегда отправляется туда, где намечаются какие-то акции. ФБР следит за ним уже несколько лет. Именно таким должен быть человек, который задурил голову Кроу и сделал из него шпиона. Он подходит просто идеально. Несомненно, он тот, кого мы ищем. Фенн, по-моему, высказаться яснее, чем я это сделал, просто невозможно. У вас меньше двух недель до тех пор, пока не начнется весь этот бардак с первомайскими демонстрациями. На Кроу будут нажимать, требуя от него сведений о разворачивании ваших подразделений. Картер не слезет с него, пока не получит результатов. Вы должны самым тщательным образом следить за ними. Если вам не удастся сделать звукозапись или фотографии, то вам, скорее всего, придется свидетельствовать против них в открытом суде.

Донни почувствовал, как к горлу подкатывает тяжелый плотный ком. Перед его мысленным взором невольно возникла картина: он стоит на свидетельском месте и собственными руками надевает петлю на шею несчастному Кроу. От этого его затошнило.

– Я знаю, что из вас получится прекрасный свидетель, – продолжал Бонсон. – Так что начинайте тренировать свою память: запоминайте подробности, события, хронологию. Имеет смысл вести кодированный дневник, чтобы вы смогли лучше припомнить все происходившее. Точно запоминайте высказывания. Возьмите в привычку следить за временем, каждые несколько минут смотрите на часы. Если вы не хотите вести записи, то делайте это мысленно, так как это поможет вам упорядочить то, что вы запоминаете. Вы понимаете, что это очень важное дело?

– Э-э...

– Сомнения? Я, кажется, вижу у вас сомнения? Вы не имеете права сомневаться! – Бонсон наклонился вперед и придвинулся до тех пор, пока его худое лицо не заполнило собой весь мир. – Точно так же, как не может быть сомневающихся в стрелковом взводе, их не может быть и в контрразведывательной работе. Вы должны входить в команду, работать вместе с командой, быть единым с командой. Сомнения подрывают вашу дисциплину, затуманивают ваш разум, портят вашу память, Фенн. Никаких сомнений. Я требую, чтобы вы неукоснительно следовали этому совету.

– Да, сэр, – ответил Донни. Он люто ненавидел себя и ощущал, как на его молодые сильные плечи наваливается невыносимая тяжесть всемирной тоски.

На занятиях по подавлению массовых беспорядков, проводившихся около полудня, Кроу был как никогда плох.

– Донни, сегодня так жарко! Ну зачем эти противогазы! Разве мы не можем понарошку сделать вид, будто надели их?

– Кроу, если придется делать это по-настоящему, то ты будешь мечтать о том, как бы поскорее надеть противогаз, потому что слезоточивый газ за считанные секунды превратит тебя в рыдающего младенца. Надень маску, как и все остальные.

Ругаясь шепотом, Кроу натянул противогаз и криво напялил поверх него килограммовый стальной шлем в камуфляжном чехле.

– Взвод, слушай мою команду! Стано-о-вись! – рявкнул Донни, внимательно наблюдая, как его похоронная команда, к которой на сегодняшние учения по технике подавления народных волнений присоединили еще немало народу из той же роты «Браво», выстроилась в шеренгу.

Солдаты походили на армию насекомых: глаза у всех были скрыты за пластмассовыми линзами, а вместо ртов торчали похожие на мандибулы¹¹ отвратительные противогазовые коробки, отчего головы становились точь-в-точь как у каких-то жуков; поверх серо-зеленой формы все были навьючены амуницией 782-го комплекта, на поясах висели пистолеты, а за плечами – винтовки.

– Взвод... штыки... примкнуть!

И приклады, как один, стукнули в землю, с лезвий штык-ножей слетели ножны, руки отработанным механическим движением взлетели вверх, дружно клацнули замки, закрепившие штыки на дулах винтовок. Все штыки, кроме одного.

Штык Кроу валялся в стороне. Он уронил его.

– Кроу, ты что, совсем идиот? Ну-ка, исполни мне полсотни самых лучших отжиманий!

Из-под маски Кроу не было слышно ни звука, но вся его фигура прямо-таки излучала негодование. Положив на землю винтовку, он начал отжиматься.

– Вольно! – скомандовал Донни.

Солдаты расслабились.

– Раз, капрал, два, капрал, три, капрал, – глухо забубнил Кроу из-под маски.

Донни дал ему досчитать до пятнадцати, а затем смилостивился:

– Ладно, Кроу. Живо в строй. Попробуем еще раз.

Кроу метнул в него сердитый взгляд, поправил снаряжение и вернулся в шеренгу.

Донни снова и снова заставлял команду выполнять все положенные упражнения. День был очень жарким, но настроение у него было настолько гнусным, что он не жалел людей: выстраивал их в цепь, заставлял совершать фланговые перебежки с перестроением на ходу в клин (таким образом полагалось рассекать группы бунтовщиков), следил, чтобы все двигались в ногу единой группой, резко поворачивал отряд направо и налево, снова и снова заставлял людей отмыкать и примыкать штыки.

Он гонял солдат без перерыва, пока их рубахи не потемнели от пота. В конце концов к нему подошел взводный сержант.

– Ладно, капрал, – сказал он. – Можешь дать им передохнуть.

– Есть, сержант! – оглушительно выкрикнул Донни, так что даже сержант Рей Кейз, суровый служака из кадровых, но в общем-то вполне приличный парень, удивленно взглянул на него. – Разойдись! Можете курить, у кого есть. У кого нет – стрельните. А кому уже никто не дает, могут выйти в город и купить.

Сам Донни, вместо того чтобы, как обычно, присоединиться к обозленным потным солдатам, не спеша направился под стену казармы, в тень, решив, что никто ему не нужен. Пусть себе брюзжат.

Однако вскоре Кроу тоже отделился от остальных и нагнал его. Он держался довольно панибратски, что немало раздражало Донни, хотя он и старался этого не показать.

– Послушай, дружище, ну ты и заставил меня попотеть.

– Кроу, я заставил попотеть взвод, а не тебя. Возможно, нам уже в следующий уик-энд придется заниматься всей этой мерзостью по-настоящему.

– Проклятье, да ведь ни один из этих парней не пойдет со штыком на кучку мальцов с цветами в волосах и девчонок, хвастающих своими титьками. Мы наверняка будем торчать

¹¹ Ротовые органы хищных насекомых.

в казармах или же просидим целую ночь, а то и сутки в каком-нибудь поганом душном доме. Как ты думаешь, это снова будет Казначейство?

Донни помедлил, чтобы дать вопросу отложиться в памяти, и лишь после этого ответил:

– Кроу, я не знаю. Я просто иду туда, куда мне прикажут.

– Донни, знаешь, что мне сказал Триг? Они даже не станут входить в округ Колумбия. Весь шум будет около Пентагона. Так что со всем этим придется разбираться армии. Мы даже не выйдем из казарм.

– Ну, раз ты так говоришь...

– Я думал, что мы...

– Кроу, мне очень понравился вчерашний вечер. Но здесь, когда светит солнце, я все еще остаюсь капралом и командиром отделения, а ты – рядовым первого класса, так что тебе все равно придется играть по моим правилам. Никогда больше не называй меня Донни в присутствии других, пока идут занятия, ладно?

– Ладно, ладно, извини. Но так или иначе, кое-кто из нас собирается вечером к Тригу. Я подумал, что ты, может быть, тоже захочешь пойти. Ведь ты же сам сказал, что он интересный парень.

– Вполне приличный для пацифиста.

– Триг не такой, как все. Его избивали в Селме, он показал себя героем из героев в Чикаго. Слушай, дружище, говорят, что он двадцать пять раз кидался в самую схватку и вытаскивал мальчишек прямо из-под носа этих свиней. Он спас много жизней.

– Я не знал об этом, – неискренне ответил Донни.

– Все будет отлично. Тебе, капрал, нужно немного расслабиться.

Донни втайне надеялся, что этого приглашения не последует. Это было частью смутно складывающегося у него в голове плана: просто-напросто дать своему секретному заданию провалиться самому собой, погрязнув в массе ошибок и упущенных возможностей. Но сейчас ему, против его воли, подвернулся большой и волосатый шанс выполнить работу.

Триг, как оказалось, жил в начале Висконсин-авеню, за самым Джорджтауном, в террасном доме¹², столь же обшарпанном, как и его многочисленные соседи. Дом был переполнен; впрочем, иначе и быть не могло. Мебель выглядела потрепанной, к тому же ее было мало до аскетизма. Зато от зловонного дыма травки прямо-таки распирало стены; как только Донни вошел в дом, этот запах резко ударил ему в ноздри. Все было обычным, но в то же время и отличалось от того, что ему приходилось видеть прежде: множество книг, стена, сплошь уставленная конвертами с дисками (впрочем, там были, похоже, только классика и джаз; ни Джимми Х., ни Боба Д.¹³ Донни не заметил). Не наблюдалось также никаких плакатов, ни одного флага Северного Вьетнама, никаких эмблем комми. Вместо всего этого были птицы.

Иисусе, да этот парень был просто помешан на птицах. Часть картин была написана самим хозяином, и он обладал немалым талантом к передаче всего великолепия облика летящих птиц; все детали были тщательно проработаны, каждое перышко находилось именно там, где ему положено, цвета были чистыми, как в волшебном фонаре. Другие картины были старше и темнее; судя по поблекшим краскам, они принадлежали прошлому столетию.

Донни заговорил с какой-то девчонкой о птицах и признался ей, что он, э-э, охотился на них. Выяснилось, что говорить этого не следовало, так как она была одной из тех задиристых

¹² Террасный дом – многоквартирный дом, представляющий собой часть сплошного ряда домов, имеющих общие боковые стены.

¹³ Имеются в виду Джимми Хендрикс и Боб Дилан.

восточных штучек, которые ходят с распущенными прямыми волосами и всегда кажутся голодными.

– Ты убиваешь их? – осведомилась она. – Этих малюток?

– Ну, там, откуда я родом, они считаются хорошей едой.

– А у вас там, что, нет магазинов?

Начало вышло не слишком хорошим. Компания здесь была не столь многочисленной, как накануне, и, похоже, все были неплохо знакомы между собой. Донни ощущал себя одиноко и оглядывался, высматривая Кроу, потому что даже Кроу оказался бы сейчас для него долгожданным союзником. Но Кроу, естественно, куда-то исчез. И в довершение всего, Донни понимал, что неправильно оделся: он надел легкие брюки, яркую спортивную рубашку и теннисные туфли, а все остальные красовались в джинсах, рабочих рубашках, щеголяли длинными волосами, бородами и, казалось, состояли в каком-то индейском заговоре против того стиля в одежде, какого, по его мнению, следовало придерживаться молодым людям. От этого он чувствовал себя неловко.

Как и должен чувствовать себя шпион, подумал он.

– Не слишком мучай Донни, – сказал кто-то девушке, и это, разумеется, был Триг, обладавший особым талантом драматически возникать на сцене.

Сегодня Триг выглядел далеко не так вызывающе, как накануне. Волосы он собрал в «конский хвост», свисавший поверх голубой сорочки, застегнутой на все пуговицы. На нем были такие же брюки, как и на Донни. А обут он был в дорогие летние штиблеты экзотической яркой расцветки, украшенные затейливым узором из дырочек.

– Триг, он стреляет в маленьких зверюшек, – сразу же наябедничала собеседница Донни.

– Милая моя, люди охотятся на птиц и едят их уже добрый миллион лет. Но пока еще и птицы, и люди существуют на свете.

– А мне кажется, что это дикость.

Донни чуть не выпалил: «Нет, это и впрямь увлекательное занятие», но вовремя прикусил язык.

– Ну, – сказал Триг, отводя Донни в сторону, – я рад, что ты смог прийти. Я и сам не знаком с половиной этих парней. Сюда приходят все, кто ни пожелает. Они пьют мое пиво, курят травку, напиваются и накуриваются до одури, трахаются и снова пьют и курят. Я редко бываю здесь, так что меня это не особо тревожит. Но приятно, что ты пришел.

– Спасибо, хотя мне, в общем-то, просто нечем было заняться. Впрочем, я хотел поговорить с тобой.

– О! Ну что ж, давай.

– Это насчет Кроу. Знаешь, он на грани того, чтобы вылететь из парадной роты, и все равно продолжает свой пофигизм. Я знаю, что он хитрый парнишка. Но если его вышвырнут из роты, то никто не сможет поручиться за то, что его не зашлют в 'Нам. А мне кажется, что в мешке для переноски трупов у него будет не слишком привлекательный вид.

– Я поговорю с ним.

– Как он сам заметил, любой, кто позволит убить себя ни за что ни про что в этой никому не нужной войне, просто слабоумный идиот.

– Я напомню ему эти слова.

– Вот и отлично.

Триг и сам был отличным парнем. Донни вполне мог представить себе, насколько хорошо он держался бы под обстрелом, и был уверен, что, в то время как другие принялись бы прятаться или забились бы в истерику, он оказался бы первым из тех, кто вышел бы под пули и начал выволакивать людей в укрытие.

– А могу я задать тебе вопрос? – внезапно обратился к Донни Триг, устремив на его лицо свой теплый пронизательный взгляд. – Ты сам веришь в это или сомневаешься? Ты когда-нибудь задумываешься над тем, зачем это делается и стоит ли это такой цены? Или же целиком принимаешь все на веру?

– Черт возьми, конечно нет, – ответил Донни. – Естественно, я сомневаюсь во всем этом. Но мой отец сражался на войне, а до него – его отец, и я вырос, убежденный в том, что такую цену приходится платить за то, что живешь в великой стране. Поэтому... поэтому я пошел туда. Я сделал это и вернулся обратно, не знаю уж, к добру или к худу.

За разговором они прошли в кухню. Триг открыл холодильник и вынул две бутылки пива; одну протянул Донни, а вторую взял себе. Пиво было иностранное, «Хейникен» в темно-зеленых, сразу запотевших бутылках.

– Пойдем-ка сюда. Спрячемся от этих идиотов.

Триг открыл заднюю дверь и вывел Донни во дворик, где стояли два шезлонга. Донни с удивлением увидел, что они находятся на небольшом холме; перед ними открывался склон, и за скопищем убежавших вниз крыш виднелись сгрудившиеся здания Джорджтаунского университета, казавшиеся издали средневековыми постройками.

– Я начинаю забывать, какими бывают настоящие люди, – задумчиво проговорил Триг, – именно поэтому мне так приятно поговорить с тобой. Вряд ли можно найти больших лицемеров и свиней, чем милые мальчики и феи движения в защиту мира. Но я знаю, какое огромное значение могут иметь солдаты. Я был в Конго в шестьдесят четвертом году – поехал туда вместе с дядей рисовать в Верхнем Конго вилохвостых вертишек. Мы как раз находились в Стэнливилле, когда какой-то парень по имени Гбени объявил страну народной республикой, взял около тысячи европейцев и американцев в заложники и заявил, что начинает «чистку» населения от паразитов-империалистов. Повсюду были карательные отряды. Дружище, я видел там такие мерзости... Чего только люди не делают друг с другом. Ну так вот, сидим мы в лагере, конголезская армия пробивается все ближе и ближе, и тогда прошел слух, что мятежники собираются убить нас всех. Святое дерьмо, мы вот-вот умрем, и никто не даст за нас ни клочка дерьма. Такое вот простое дерьмо. Но когда дверь распаивается, внутрь вваливаются вовсе не мятежники. Это оказались татуированные с головы до ног, драчливые, хитрожопые бельгийские парашютисты. Они были, пожалуй, самыми погаными людишками из всех, кого я видел до тех пор, и я полюбил их так, что ты, пожалуй, не поверишь. Никто не мог устоять против бельгийских десантников. И они вывели оттуда всех белых людей. Если бы не они, то нас всех жестоко истребили бы. Так что я вовсе не из тех безмозглых ослов, которые говорят, что солдаты никому не нужны. Солдаты спасли мою жизнь.

– Вас понял, – отозвался Донни.

– Но, – продолжал Триг, словно не услышав его замечания, – пусть я и восхищаюсь их смелостью и воодушевлением, все равно необходимо определить некоторые различия. Между войной моральной и войной аморальной. Вторая мировая война – безусловно моральная. Убить Гитлера, прежде чем он убьет всех евреев. Убить Того¹⁴, прежде чем он превратит всех филиппинских женщин в шлюх. Война в Корее? Возможно, она и была моральной, не знаю. Не дать китайцам превратить Корею в свою провинцию... Я полагаю, что это морально. Я согласился бы участвовать в той войне.

– А как же Вьетнам? Аморально?

– Я не знаю. Это ты должен мне рассказать.

¹⁴ Того Шигенори (1882-1950) – японский политический деятель и дипломат.

Триг подался вперед. Еще один из его маленьких незаметных талантов – умение слушать. Он на самом деле хотел знать, что думает Донни, и не собирался заранее воспринимать Донни как убийцу младенцев и парня из похоронной команды.

Донни не мог и не хотел противиться этому искреннему вниманию.

– Что я видел? Отличных американских ребят, пытавшихся делать дело, которое они плохо понимали. Я видел парней, считавших, что они оказались в одном из кинофильмов Джона Уэйна, но очень скоро узнававших, что значит старинное выражение «лишить живота». Я как-то раз оказался в одном месте, в лесу или в бывшем лесу. Там не осталось ни одного листочка, но стволы деревьев все еще стояли. Только они ярко блестели. Было такое впечатление, будто они покрыты коркой льда. Это напомнило мне Вермонт. Я не был в Вермонте, но все равно это зрелище напомнило мне о нем.

– Кажется, я понимаю, к чему ты клонишь. Я видел то же самое, когда нас вывозили из Стэнливилля.

– Ну да, наверное, мы имеем в виду одно и то же. Только в том случае, о котором я рассказываю, мы заказали «отель "Эхо"» по отдельно стоящей роще, потому что заметили там движение и решили, что к нам подбирается отряд гуков¹⁵. Мы разделались с ними наилучшим образом. Это были их внутренности. Их расплыло, превратило в блестящий студень и размазало по стволам и веткам. Послушай, парень, я никогда не видел ничего подобного. Конечно же, это оказался взвод армейских саперов. Двадцать два парня просто так превратились в ничто. «Отель "Эхо"». Не могу сказать, чтобы это было так уж приятно.

– Донни, мне кажется, что в глубине души ты знаешь ответ на мой вопрос. Я чувствую, что ты подбираешься к нему. Ты думаешь об этом.

– Моя девушка уже ответила на него. Она участвует в Мирном караване и делает то же, что и остальные.

– Это просто прекрасно с ее стороны. Ты когда-нибудь разговаривал с нею об этом?

– Она говорит, что решила сделать все возможное, чтобы остановить войну, еще в те дни, когда навещала меня в военно-морском госпитале в Сан-Диего.

– Просто замечательно. Но... ты тоже с ними?

Донни не умел лгать. Он не имел к этому никакого таланта.

– Нет. Пока что нет. А возможно, и никогда не буду. Это только кажется неправильным. Ты должен делать то, что приказывает твоя страна. Ты должен внести свой вклад. Это твой долг.

Триг в этот момент походил на исповедника: его глаза светились сочувствием и без всякой навязчивости подбадривали Донни, побуждая его продолжить рассказ.

– Донни, я знаю, что ты никогда не изменишь долгу, не бросишь свой пост, не сделаешь ничего подобного. Я и не предлагаю тебе чего-либо в этом роде. Но все же подумай о том, чтобы присоединиться к нам после того, как уволишься из армии. Думаю, что тогда ты будешь чувствовать себя намного лучше. А я даже не могу передать тебе, как много это значило бы для нас. Меня мучает мысль о том, что мы – всего лишь кучка желторотых цыплят. А вот парень, который побывал там, сражался, заслужил медаль, а потом решил посвятить жизнь тому, чтобы положить этому конец и вернуть своих друзей домой... Это по-настоящему серьезно. Я бы гордился, если бы мне удалось приложить к этому руку.

– Я не знаю...

– Ты только подумай об этом. Поддерживай контакт со мной, будем иногда беседовать. Только и всего. Просто думай о том, что я тебе сказал.

– Боже мой, Донни! – раздался чей-то голос.

¹⁵ Гук – оскорбительное прозвище азиата (амер.).

Он повернул голову и увидел, что из кухонной двери к нему во двор снизошел сон наяву. Она была стройной, белокурой, спортивной, чуть ли не дочерна загоревшей сельской девушкой, идеал американской возлюбленной, с которой его разлучили, и он почувствовал себя беспомощным, как это бывало каждый раз, когда он ее видел.

Это была Джулия.

Глава 04

– Что случилось? – спросила она.
– Почему ты не звонила мне?
– Я звонила. И даже писала.
– Вот черт!
– Донни, давай уйдем. Отправимся куда-нибудь еще. Я не видела тебя с самого Рождества.

– Даже не знаю. Я пришел сюда с одним рядовым из моего отделения и вроде как обещал, э-э, ну, присматривать за ним. Я не могу его бросить.

– Донни!

– Я не могу сейчас объяснить! Это очень сложно. Он смотрел мимо нее в глубь дома, будто старался за чем-то следить.

– Знаешь что, дай-ка я схожу и предупрежу Кроу, что сматываюсь. Сейчас вернусь. И мы куда-нибудь отправимся.

И, не дожидаясь ответа, он скрылся за дверью. Джулия стояла посреди темного ночного Вашингтона во дворике на холме, возвышавшемся над Джорджтауном, и смотрела на машины, проезжавшие по Висконсин-авеню. Вскоре к ней присоединился Питер Фаррис. Питер, высокий бородатый аспирант-социолог из Аризонского университета, являлся главой Юго-Западного регионального отделения Народной коалиции за мир и справедливость и номинальным руководителем группы юнцов, которые под присмотром его и Джулии прибыли с Мирным караваном из Тусона.

– А где твой друг?

– Он сейчас вернется.

– Я так и знал, что он окажется примерно таким. Высокий, широкоплечий, красивый.

Как раз в этот момент Донни вернулся. Он не обратил на Питера никакого внимания.

– Ну вот, очень глупо, но Кроу намерен пойти на еще какую-то вечеринку, и мне придется отправиться вместе с ним. Я не могу... Это просто... Я свяжусь с тобой при первой...

Не закончив фразу, Донни оглянулся, лицо у него стало очень озабоченным, и прежде, чем Джулия успела произнести хоть слово, он выпалил:

– Вот проклятье, они уже уходят. Я свяжусь с тобой.

Он повернулся и выскочил за дверь, а девушка, которую он любил, осталась, растерянная, стоять посреди двора.

Донни проснулся в своей комнате в казарме чуть ли не за час до общего подъема в 5.30 и в первые мгновения совсем было решил отправиться к врачу. Это показалось ему единственным нормальным выходом, единственным спасением от навалившихся на него бед. Впрочем, он тут же понял, что от его бед не укроешься ни в каком лазарете.

Он помнил, что сегодня его отделение должно было дежурить на кладбище. Так что у него было чем заняться. Наскоро проглотив завтрак в общей столовой, он, вместо того чтобы заново отгладить китель и брюки, потратил добрых полчаса на чистку полуботинок. Это был ритуал, по своей значимости мало чем уступающий исповеди и покаянию.

Нужно как следует плюнуть в баночку с черным сапожным кремом и клочком тряпки смешать ваку и слюну в вязкую мазь. Затем немного – совсем немного! – нанести на обувь, а потом тереть, тереть и тереть. Нужно тереть так, будто ты всерьез надеешься вызвать джинна, который справился бы со всеми твоими бедами. Нужно тереть и тереть, размазывая каждый раз не больше одной крошечной порции мази, пока не покончишь с одним ботинком, а потом браться за второй. Нужно добиться того, чтобы оба ботинка покрывала тончайшая

матовая пленка мази, а затем, взяв другую тряпку, приступить к окончательному полированию и делать это так же яростно, как и воюешь, вжик-вжик! Это было уже почти утраченное военное искусство; ходили слухи, что вот-вот введут обувь из патентованного кожзамени-теля, потому что молодые морские пехотинцы не желали тратить целые часы на поддержа-ние обуви в порядке. Но Донни гордился своими сверкающими парадными полуботинками, поддерживал их поверхность в неизменном состоянии по несколько месяцев, а потом снова возвращал им идеальный вид, так что его обувь всегда могла своим сиянием соперничать с солнцем.

Как же это глупо, думал он на этот раз, привычными движениями растирая мазь.
Как смешно. Как бессмысленно.

Этот весенний день в Вашингтоне выдался столь же кошмарным, как и предыдущие. Погода стояла жаркая и душная – похоже, собирался дождь. Кизилловые деревья всюю цвели. Вокруг отведенного для похорон участка раскинулись пологие пригорки и ложбины Арлинг-тона, заполненные деревьями, сплошь покрытыми розовыми цветами, под которыми лежали мертвые юноши, а дальше, напоминая панораму Рима из кинофильма, виднелись сверкав-шие даже в мглистом свете белые здания столицы Америки. Донни видел и шпиль, и купол, и большой белый дом, и плачущего Линкольна, укрывшегося под своим мраморным порти-ком. Только симпатичный маленький бельведер Джефферсона оставался вне поля зрения, скрытый за одним из увенчанных цветущим кизилом и изрытых могилами холмов.

Очередные похороны подходили к концу. Хотя всеми владело какое-то озлобленное настроение, все шло хорошо. Даже Кроу в этот день почему-то очень старался, так что они без единого сбоя сняли ланс-капрала¹⁶ Майкла Ф. Андерсона с черной машины-катафалка и перенесли на траурную каталку, прошли медленным маршем, громко чеканя шаг, к могиле, сдернули с гроба флаг и четко сложили его. Донни вручил звездный треугольник убитой горем вдове, совсем молоденькой прыщавой девочке. Всегда лучше ничего не знать о парне, лежащем в ящике. Кем был этот ланс-капрал Андерсон? Пехотинцем, или писарем из интен-дантства, или членом экипажа вертолета, или военным журналистом, или фельдшером, или сапером? Отчего он погиб? От пули, или от взрыва, или от дизентерии, или от венерической болезни? Никто из них этого не знал; парень был мертв, и все тут, и Донни в своем голубом кителе с эмблемой морской пехоты, белых брюках и белой фуражке застыл в строгой позе, четко отдавая салют хлюпающей носом дрожащей девочке, пока барабаны выбивали дробь. Скорбь настолько уродлива. Это самая уродливая вещь из всего, что только есть на свете, и он за восемнадцать бесконечных месяцев обожрался ею до блевотины. У него разболелась голова.

Но наконец-то процедура закончилась. Девочку увели, и морские пехотинцы поспешно вернулись в автобус, чтобы немного покурить. Донни внимательно следил, чтобы они снимали перчатки, в противном случае материя обязательно пожелтела бы от никотина. Все с готовностью подчинялись, даже Кроу.

- Донни, хочешь сигарету?
- Я не курю.
- А стоило бы. Помогает расслабиться.
- Ладно, как-нибудь в другой раз.

Он посмотрел на часы, большие «Сейко» на плетеном металлическом браслете, куп-ленные за 12 долларов в магазине военно-морской базы в Дананге. До следующей работы нужно было ждать еще сорок минут.

¹⁶ Ланс-капрал – низшее унтер-офицерское звание в морской пехоте США.

– Можете снять кителя,– разрешил он.– Только, прежде чем выйти из автобуса, полностью оденьтесь и застегните все пуговицы. Запросто можно попасться на глаза кому-нибудь из штабных поганцев. Объявят в рапорте, и милости просим во Вьетнам. Вернетесь оттуда как раз для того, чтобы похоронная команда не скучала без дела. Только в коробке люди лежат поодиночке, верно, Кроу?

– Так точно, капрал, сэр,– пролаял Кроу, с немалым ехидством подражая молодому рьяному кадровому служаке, на которого, впрочем, он при всем старании никогда не смог бы походить.

– Мы любим наш корпус, верно, Кроу?

– Так точно, капрал, мы любим наш корпус!

– Отлично, Кроу,– похвалил он.

– Донни! – позвал водитель, от нечего делать поглядывавший в зеркальце заднего вида.– Приперлись какие-то флотские парни.

«Вот дерьмо»,– подумал Донни.

– Донни, ты переходишь в военно-морской флот? – осведомился Кроу.– Говорят, там можно сделать хорошее состояние, поставляя резиновые влагалища ребятам с ядерных подлодок. Ты мог бы...

Все расхохотались. Надо отдать Кроу должное, он умел позабавить.

– Ладно, Кроу,– ответил Донни,– у меня есть для тебя два предложения. Я могу или сообщить о тебе в рапорте, просто для забавы, или же поберечь бумагу и постараться выбить из тебя дерьмо. Так что пока я буду трепаться с этими парнями, возьмешь у каждого в рот. Учти, рядовой, это приказ.

– Есть, капрал, сэр,– отозвался Кроу, глубоко затягиваясь сигаретой.

Донни застегнул китель на все пуговицы, надвинул белую фуражку пониже на глаза и вышел из автобуса.

Там стоял Вебер, одетый в хаки.

– Доброе утро, сэр,– приветствовал его Донни.

– Доброе утро, капрал,– отозвался Вебер.– Не могли бы вы ненадолго отойти в сторону?

– Как прикажете, сэр,– сказал Донни.

Когда они отошли подальше от автобуса, Донни негромко сказал:

– Послушайте, приятель, какого черта? Я полагал, что это должно оставаться в тайне. А теперь все раскроется.

– Ладно, Фенн, поменьше пыли. Скажете им, что мы из Пентагона и проверяем ваш послужной список по Южному Вьетнаму перед увольнением из армии. Самая обычная бюрократия, ничего особенного.

Немного в стороне стоял оливковый правительственный «форд», на заднем сиденье которого восседал лейтенант-командер Бонсон и глядел сквозь темные очки прямо перед собой.

Донни влез в машину; двигатель был включен, и холодный воздух из кондиционера в первое мгновение прямо-таки обжег ему кожу.

– Доброе утро, Фенн,– сказал командер. Он сидел в напряженной позе – обычный штабной служака из кадровых офицеров.

– Сэр.

– Фенн, я собираюсь сегодня арестовать Кроу.

Донни сквозь зубы набрал полную грудь сухого, режущего горло воздуха.

– Прошу прощения, сэр?

– В шестнадцать ноль-ноль я приду в казармы с группой агентов разведслужбы в штатском. Мы отправим его в бригадную тюрьму военно-морской верфи.

– Разрешите спросить, в чем он обвиняется?

– Разглашение тайны. Военно-морской уголовный кодекс Министерства обороны, статья 69-455. Неправомочное владение засекреченной информацией. А также статья 77-56В, неправомочная передача или распространение засекреченной информации.

– И... на каком же основании?

– Ваши сведения, Фенн.

– Мои сведения, сэр?

– Да, ваши сведения.

– Но я ничего вам не сообщал. Он побывал на двух-трех вечеринках, где размахивали флагом Северного Вьетнама. Да такие флаги висят в каждой второй квартире в Вашингтоне! Я их повсюду вижу.

– Вы видели Кроу в обществе известного радикала-организатора.

– Но меня и самого видели в обществе этого парня! У меня нет никакой информации о том, что он каким-то образом вредил безопасности корпуса морской пехоты или передавал секретные сведения. Я видел, как он разговаривал с парнем, только и всего.

– Его видели в обществе Трига Картера. Вы же знаете, кто такой Триг Картер?

– Э-э... Ну, в общем, сэр, вы говорили...

– Расскажите ему, Вебер.

– Фенн, об этом говорилось сегодня утром на совещании Министерства обороны, нашей секретной службы и ФБР, – сказал Вебер. – Картер теперь подозревается в участии в действиях «Штормового подполья». Он не простой пацифист с плакатом и цветами в волосах, а крайний радикал и вполне может быть связан с бомбистами из «Штормового подполья».

Донни на мгновение лишился дара речи.

– Триг?

– Вы что, до сих пор ничего не понимаете, капрал? – рявкнул Бонсон. – Эти два милых мальчика намерены первого мая устроить нечто впечатляющее и кровавое. Мы должны остановить их. Если я посажу на цепь Кроу, этого, возможно, будет достаточно, чтобы спасти несколько жизней.

– Сэр, я не видел ничего такого, что могло бы...

– Да заткнитесь же вы наконец, капрал! – взревел Бонсон.

Он подался вперед, вперив в лицо Донни яростный горящий взгляд. Можно было подумать, что он ненавидит весь мир и считает Донни ответственным за все свои разочарования, за всех женщин, с которыми ему не удалось переспать, за студенческие организации, в которых он не состоял, за школы, в которых ему не довелось учиться.

– Ты, похоже, считаешь, что все это шуточки, капрал? Что все это тебя не касается? Хочешь отсидеться здесь, вдали от 'Нама, и изображаешь из себя такого умного и хладнокровного, надеясь, что твоя смазливая рожа и твое обаяние помогут тебе выйти сухим из воды? Не замарав рук, дело не сделаешь. Послушай, сегодня все это закончится. У тебя есть задание. Ты получил имеющий законную силу приказ, отданный вышестоящим штабом, переданный через все необходимые инстанции и утвержденный твоим непосредственным командиром. И ты его исполнишь. Так что хватит прятаться по кустам и прикидываться, будто это задевает твою честь. Ты выполнишь задание, и проникнешь внутрь организации, и достанешь оттуда все, что мне нужно, или же я, ей-богу, позабочусь о том, чтобы ты, единственный из всех морских пехотинцев, оказался в демилитаризованной зоне, когда Дядюшка Хо пошлет на юг свои танки, чтобы занять ее. Тебе дадут спрингфилдскую винтовку, зеленую панаму, и тогда посмотрим, какой ты крутой. Ты меня понял?

– Ясно и четко, – ответил Донни.

– Идите и выполняйте свое чертово задание,– ледяным тоном заявил Бонсон.– Я подожду еще день, возможно, два. Но вы должны проникнуть в организацию до первого мая, или же я запихну их всех в Портсмут, а вас – в 'Нам. Уловили?

– Уловил, сэр,– ответил Донни, весь красный после этой выволочки.

– Убирайтесь,– приказал Бонсон, взмахнув рукой в знак того, что аудиенция закончена.

– Что с тобой?

– Все отлично,– ответил Донни.

– У тебя вид какой-то вострапанный.

– Я в полном порядке,– повторил Донни.

– Кое-кто из наших отправляется сегодня вечером на вечеринку в Джорджтаун. Мне сказал Триг.

О Христос, подумал Донни, когда Кроу с заботливым видом обрисовался в комнатке на верхнем этаже казармы, где солдаты, собиравшиеся выйти с базы, переодевались после жаркого дня, проведенного на кладбище, и вешали форму во вместительные серые шкафы.

– Кроу, ты знаешь, что нас в любой момент могут сорвать по тревоге? Неужели твое снаряжение в полном порядке? А как насчет того, чтобы вычистить и отгладить китель, постирать грязные носки и потратить пару часов на то, чтобы отполировать ботинки, которые в последнее время слегка потускнели? Вот чем ты должен заниматься!

– Ну, в общем, поверь мне на слово,– сказал Кроу,– я знаю, что говорю. Никакой тревоги не будет до двадцати четырех ноль-ноль завтрашней ночи.

Донни хотел указать, что если говоришь «24.00», то вовсе не обязательно добавлять «ночи», но Кроу на такой крючок не попался бы.

– И все равно мы будем болтаться где-то здесь. Нас посадят в грузовики и, скорее всего в субботу, запихнут в одно из зданий поблизости от Белого дома. Но это ненадолго. Главные события произойдут на другой стороне реки. Весь смысл в том, чтобы собраться около Пентагона и окружить его со всех сторон. Это Триг мне сказал.

– Триг сказал? Он рассказывает тебе о наших планах развертывания? Парень, это же секретные сведения! Откуда он это знает?

– Не спрашивай меня, все равно не смогу ответить. Триг знает все. Нет места, куда он не мог бы проникнуть. Может быть, сейчас, пока мы с тобой болтаем, он попивает коктейли с самим Дж. Эдгаром. Между прочим, ты знаешь, что Гувер¹⁷ тот еще фрукт? Он чертов педик! Он весь в дерьме.

– Кроу, скажи честно, ты ничего не сообщал Тригу? Я имею в виду, что тебе это может казаться всего лишь шуткой, но из-за таких шуточек ты попадешь в крупную переделку.

– Дружище, что я могу знать? Малыш Эдди Кроу всего лишь простой солдат. Он не знает ничего.

– Кроу, я вовсе не шучу.

– Обо мне кто-нибудь расспрашивал?

– Так где будет эта вечеринка?

– Хочешь попытаться разыскать свою девушку? Когда ты вчера вечером показал ей спину и отвалил вместе с нами, у нее был не слишком счастливый вид. И если я хоть немного знаю моих озабоченных хиппи-пацифистов, то у бородатого парня, который цеплялся за ее подол, появился прекрасный повод уговорить ее потрахаться. Тебе придется вызывать на него артиллерийский огонь. «Отель "Эхо"».

– Никто о тебе ничего не спрашивал.

¹⁷ Гувер Джон Эдгар (1895-1972) – директор ФБР в 1924-1972 гг.

– На тот случай, если все-таки будут спрашивать, мой тебе совет: сдай меня, не задумываясь. Я всего лишь никчемное дерьмо. Seriously, Донни, не думай обо мне. Если дело дойдет до выбора, кого из нас двоих нужно спасать, спасай себя. Иначе будут одни неприятности.

– Эдди, ты просто кусок дерьма. Ну так где твоя вечеринка? Мне до смерти надо залить в глотку бочонок-другой пива.

– Может быть, Тригу удастся разыскать твою девушку.

– Может быть.

Они приняли душ, переоделись и получили увольнительные, причем дежурный сержант предупредил, что им следует каждые два часа звонить в роту и проверять, не объявлена ли тревога. Как и можно было ожидать, послушные приятели Кроу торчали прямо перед главными воротами базы, на Восьмой улице. Все втиснулись в старенький «корвейр».

– Здорово, Донни.

– Вот класс! Донни-герой!

Он едва припомнил их имена. У него страшно болела голова. Он солгал, солгал совершенно сознательно: «Никто о тебе ничего не спрашивал».

Но, черт побери, откуда Кроу мог так много знать? Почему он на днях спросил Донни, куда бросят их роту? И вообще, почему завязалась вся эта гадость? И как быть с Джулией? Она торчит в палаточном лагере на каком-то грязном пустыре в компании с этим нахалом, и он даже толком не поговорил с нею. А она не позвонила и не оставила ему номер телефона. Похоже, все стремительно летело в пропасть.

Но когда они прикатили туда, куда собирались, там уже находился Триг, и когда Кроу с порога рассказал ему о трудностях, с которыми столкнулся Донни, Триг ответил, что никаких трудностей нет.

– Совершенно точно, – заверил он. – Дайте-ка я пойду позвоню.

Он ушел, а Донни остался сидеть среди кучки исключенных из Джорджтаунского университета ребят, одетых в цвета молодых республиканцев, в то время как Кроу с ходу принялся обхаживать какую-то девушку, которая не собиралась отвечать ему взаимностью.

Вскоре вернулся Триг.

– Все в порядке, поехали, – сказал он.

– Ты нашел ее?

– Да нет, я просто выяснил, где находится лагерь Аризонского университета. Ведь она должна быть там, верно?

– Верно, – согласился Донни.

– Отлично. Я провожу тебя.

Донни на мгновение задумался. Вроде бы предполагалось, что он должен следить за Кроу. Однако при сложившихся обстоятельствах покажется очень странным, если он отклонит предложенную помощь и останется тут вместе с Кроу. Впрочем, он должен был наблюдать за Кроу и Тригом, верно? И если он находится вместе с Тригом, то Кроу не может передать тому никаких секретов. Именно так!

– Замечательно, – произнес Донни вслух.

– Только подожди, я возьму свою книгу, – сказал Триг. Он исчез на несколько секунд и возвратился с большим, страшно грязным и засаленным альбомом. Его можно было принять за фетиш душевнобольного. – Никогда и никуда не хожу без него: вдруг мне захочется полюбоваться восточной вилохвостой грязевой ласточкой. – Он рассмеялся над собой, показав белые зубы.

На улице Триг указал на свой неизменный «тригмобиль» – «Триумф TR-6», ярко-красный автомобиль с откинутым тентом.

– Крутая тачка, – похвалил Донни, впрыгнув в машину.

– Я недавно привез ее из Англии, – объяснил Триг. – Я почувствовал, что борьба за мир выжала из меня все соки без остатка, взял небольшой творческий отпуск, отправился в Лондон и ненадолго спрятался в Оксфорде. В художественной школе Рёскина. Там и купил эту малышку.

– Отвалил, наверное, кучу бабок?

– О, я думаю, что у моей семьи денег хватает. Не у отца; он за всю жизнь не сделал ни единого пенни. Он государственный чиновник, отвечает за крохотный кусочек войны: составляет планы экономической инфраструктуры провинции Куангтри. А чем занимается твой отец? – в свою очередь спросил Триг.

– Он разводил скот на своем ранчо. Вкалывал как проклятый, но так и не смог отложить хотя бы пенни. Он умер бедняком.

– Но он умер честным. Мы, в нашей семье, не работаем. Работают деньги. А мы играем. Самое лучшее – это работать ради чего-то, во что веришь. Это накладывает настоящую ответственность. А если такая работа еще и доставляет удовольствие, то это истинное чудо.

Донни промолчал. Он чувствовал, как вокруг него сгущается темное облако. Он находился здесь в качестве Иуды, разве нет? Он продавал Трига за тридцать сребреников или, вернее, за третью нашивку и избавление от возвращения в Дурную Землю. Он посмотрел на Трига. Рядом с ним сидел человек лишь немногим старше его самого; ветер отбрасывал назад его пышные волосы, и они развевались, словно капюшон плаща за спиной всадника. Триг носил дымчатые солнцезащитные очки, у него был высокий красивый лоб. Он был похож на молодого бога.

И этот парень входил в «Штормовое подполье»? Был одним из тех, кто швыряет бомбы, которые разрывают на части ни в чем не повинных людей? Это казалось невозможным. Никаким усилием воображения он не мог представить себе Трига заговорщиком. Для этого тот находился слишком близко к центру мироздания, слишком легко и слишком нетерпеливо отдавался ему мир.

– Ты мог бы убить кого-нибудь? – спросил Донни.

Триг снова рассмеялся, показав белые зубы.

– Ну и вопрос! Вау, меня еще никогда не спрашивали об этом!

– Я убил семь человек, – сообщил Донни.

– Наверное, если бы ты не убил их, то они убили бы тебя?

– Они пытались это сделать!

– Так что ты был вынужден к этому. Ты принял свое решение. А что касается меня... Нет, я не мог бы. Я просто не могу этого видеть. По-моему, смертей и так слишком много. Я предпочел бы погибнуть сам, нежели убить кого-нибудь. Уверен. Я уверен в этом с тех пор, как в Стэнливилле заглянул в один дом и увидел там двадцать пять парней, изрубленных на куски. Я не могу даже припомнить, за что их убили: то ли как мятежников, то ли как сторонников правительства. Возможно, они и сами этого не знали. Нет-нет, хватит убийств. Прекратите убийства. Именно об этом и говорят люди, мы все говорим: дайте миру шанс.

– Ну, не так-то просто это сделать, когда какой-нибудь парень хлещет по тебе очередями из АК-47.

Триг расхохотался.

– Да, тут ты меня уел, дружище, – весело воскликнул он. Но затем добавил, посерьезнев: – Несомненно, такое оправдание может найти себе любой. Но ты не стал бы стрелять по той траншее в Майлэй, как это делали те, кто там был. Ты прошел бы мимо. Горячая кровь, холодная кровь... Черт возьми, ты ковбой. Тебя обучили стрелять ради спасения собственной жизни. Твоя стрельба имела моральное оправдание.

Донни не знал, что на это ответить, и потому просто хмуро смотрел вперед. В сумрачном свете дня они мчались через центр города, мимо массивных правительственных зданий,

все еще озаренных тусклым светом клонившегося к закату солнца, вдоль окаймленной парками реки, пока наконец не добрались до парка Западный Потомак, находившегося сразу же за знаменитым памятником Джефферсону.

Добро пожаловать в Майскую трибу.

На одной стороне улицы стояло восемь или девять полицейских автомобилей, рядом с ними кучками стояли угрюмые полицейские округа Колумбия, облаченные в защитное снаряжение. С противоположной стороны с таким же угрюмым видом на них глазели молодые хиппи в джинсах, рабочих армейских рубашках и с цветами в волосах. Можно было подумать, что здесь играют в гляделки и никто пока не может взять верх.

Появление Трига было замечено сразу же. Юнцы расступились, на их лицах расцвели улыбки, и Триг торжественно проехал сквозь толпу по асфальтированной дорожке, ведущей к реке, на берегу которой высилось несколько деревьев и расстилались спортивные площадки. Все это напоминало скорее Шервудский лес, нежели университетский городок. На газонах кишмя кишели подростки. Мальчишки и юные девушки сидели в палатках, жгли костры, валялись пьяные или одуревшие от наркотиков, перекидывались друг с другом пластиковыми летающими тарелками, пели, курили, ели, раздевались, купались в реке в одних трусиках, невзирая на пол. Тут и там торчали ярко-синие вонючие переносные уборные.

– Сбор племен, – пробормотал Донни.

– Сбор нашего поколения, – поправил его Триг.

Находиться рядом с Тригом было все равно что прогуливаться в компании Мика Джаггера¹⁸. Он был знаком со всеми и за время своей недолгой поездки по меньшей мере три или четыре раза останавливал свой «триумф» и вылезал наружу, когда кто-нибудь из его многочисленных протезе бросался чуть ли не под колеса машины, чтобы обнять его, спросить совета, сообщить какую-нибудь новость или сплетню или просто чуть-чуть побыть с ним рядом. Удивительное дело: он помнил всех по имени. Всех! Он ни разу не задумался, ни разу не обошелся местоимением, ни разу не ошибся. Он, казалось, наполнялся любовью, которую изливали на него мальчишки и девчонки, мужчины и женщины, даже какой-то обутый в шлепанцы престарелый бородач – тоже радикал, который, судя по его облику, вполне мог участвовать еще в Первой мировой войне.

– Послушай, парень, да они тебя любят, – заметил Донни.

– Просто я варюсь в этом котле семь долгих лет. Нужно хорошо знать народ. Хотя я серьезно устал. После этого уик-энда хочу спрятаться на ферме одного моего друга в Джермантауне. Порисовать птиц, покурить травки. Просто остыть от всего этого. Ты должен приехать туда вместе с Джулией, если она все еще здесь и нам удастся ее найти. Тридцать пятое шоссе, к северу от Джермантауна. Уилсон, на почте скажут, как туда проехать. Ну вот, кажется, это она.

Донни увидел ее почти сразу. Она обрядилась в длинное, почти до земли, индейское платье. Ее волосы были собраны на затылке и сколоты серебряной брошью работы индейцев-навахо. Это Донни подарил ей эту брошь. Она обошлась ему в семьдесят пять долларов.

Этот проклятуший Фаррис оказался неподалеку от нее. Впрочем, он не разговаривал с нею, а лишь пристально смотрел на нее, словно пытался загипнотизировать.

– Эй! – крикнул Донни.

– Я доставил с Запада юного Лохинвара¹⁹, – объявил Триг.

– О Донни.

– Немного порадуйтесь жизни, – сказал Триг. – Скажешь мне, когда тебе нужно будет уехать. А я тем временем пойду послушаю жалобы Питера Фарриса.

¹⁸ Мик Джаггер – лидер группы «Роллинг стоунз».

¹⁹ Лохинвар – герой романтической поэмы «Мармион» Вальтера Скотта.

Но Донни уже не слышал его слов. Он, не отводя глаз, уставился на Джулию, и его сердце снова разрывалось. Каждый раз, увидев ее, он испытывал такое чувство, будто это происходит впервые. У него перехватило дыхание. Ощущая, как в нем разгорается яркий огонь, он обнял девушку.

– Прости, что я не сделал этого вчера. Я просто не мог поверить, что на самом деле вижу тебя. Ты же знаешь, как медленно я соображаю.

– Донни. Я звонила в казарму.

– Иногда они передают сообщения, а иногда и забывают. К тому же вчера я почитай что и не был в казарме.

– Что же случилось?

– Ну-у... Это слишком сложно, чтобы я смог так вот наскоро все объяснить. В общем, из тех вещей, с которыми я ничего не могу поделать. А как ты? Боже мой, любимая, до чего же хорошо снова тебя увидеть!

– О, я в полном порядке. Только вполне могла бы обойтись без этого лагеря. Мне необходимо как следует помыться под душем. Где здесь ближайший «Холидэй»?²⁰

– Когда все это закончится, не уезжай, пожалуйста, – вдруг выпалил он с таким видом, будто ему в голову наконец-то внезапно пришло нечто заслуживающее внимания. – Оставайся здесь, со мною. Мы поженимся.

– Донни! А как же роскошное венчание в церкви? И медовый месяц в сельской гостинице? И потом, нельзя же не пригласить всех подруг моей матери.

– Я...

С некоторым запозданием он понял, что она шутит, а она поняла, что он говорит совершенно серьезно.

– Я хочу, чтобы мы поженились, – сказал он. – Сейчас же.

– Донни, я так хочу, чтобы мы поженились, мне иногда кажется, что я умру, если этого вскоре не случится.

– Тогда мы это сделаем сразу же после того, как закончатся все безобразия этого уик-энда.

– Да. Как только все кончится, я выйду за тебя замуж. Я сниму квартиру. Я найду работу. Я...

– Нет, мне бы хотелось, чтобы ты после этого вернулась домой и закончила обучение. Возможно, меня демобилизуют досрочно и я тоже приеду домой. Мне выплатят выходное пособие. Кое-что есть на счету. Я смогу найти работу на неполный день. Получим квартиру в доме для женатых студентов. Это будет так здорово! А матери скажи, что мы устроим все полагающиеся приемы и вечеринки, так что она тоже сможет повеселиться.

– А что это тебя вдруг ударило?

– Ничего. Я просто понял, как много ты значишь для меня. И не хочу, чтобы ты и это понимание когда-нибудь меня покинули. Вчера вечером я был чертовым ослом. Я хочу, чтобы мы с тобой вместе – ты и я – были важнее всего на свете. Когда я уйду из армии, то даже буду помогать тебе во всех этих пацифистских заморочках. Мы остановим войну. Ты и я. Это будет просто грандиозно.

Они немного погуляли среди ребятишек. Впрочем, эти ребятишки были их ровесниками, но только вели себя глупо и дико, как будто праздновали осознание смысла своих жизней, проявившегося в том, что они участвуют в большом веселом приключении в Вашингтоне, округ Колумбия, останавливают войну, напиваются допьяна и запасают в себе на будущее тот же самый порыв. Донни чувствовал себя ужасно далеким от них, и уж конечно

²⁰ «Холидэй-инн» – американская система стандартных гостиниц, как правило, трех-четырёхзвездочных.

он не был частью этой толпы. Но и частью корпуса морской пехоты он себя тоже больше не ощущал.

– Ладно,– сказал он в конце концов,– мне пора возвращаться. Нас могут поднять по тревоге. Если ничего не случится, можно я подойду завтра?

– Я тоже постараюсь вырваться завтра, если здесь не будет никаких происшествий. Мы даже сами не знаем, что должно произойти. Говорят, что мы пойдем маршем к Пентагону и будем торчать там до конца недели. Очередное театральное представление.

– Пожалуйста, будь осторожна.

– Я постараюсь.

– Я разужнаю, что нужно сделать, чтобы пожениться по всем правилам. Только лучше будет, если в корпусе об этом пока не узнают. Они все такие говнюки. А после того как дело будет сделано, бумажки нам пригодятся.

– Донни, я люблю тебя. С тех самых пор, когда ты был с Пегги Мартин и я поняла, что ненавижу ее за то, что она гуляет с тобой. С тех самых пор.

– Мы проживем замечательную жизнь. Я тебе обещаю.

В этот момент он увидел, что к ним кто-то быстро приближается. Это был Триг, а следом за ним торопились Питер Фаррис и еще несколько человек.

– Эй, ребята,– крикнул Триг.– Только что сообщили по радио: военный округ Вашингтона объявил общую тревогу и всем военнослужащим приказано немедленно прибыть к месту службы.

– Вот сволочи,– выругался Донни.

– Началось...– сказала Джулия.

Глава 05

В ночной тьме метались и мигали световые вспышки. Забава получалась отличная, и настроение у всех было соответствующее – приподнятое и даже авантюрное. Все это походило на огромный ночной пикник или на слет бойскаутов. Кто отвечал за происходящее? Никто. Кто принимал решения? Никто. События просто происходили чуть ли не чудесным образом, благодаря обильному присутствию в толпе представителей Майской трибы.

Под стенами Пентагона почти ничего не происходило. Все это, похоже, и впрямь было просто театром. К тому времени, когда Джулия, Питер и все возглавляемое ими войско аризонских крестоносцев на самом деле вторглись на правительственную территорию, по толпе демонстрантов пролетел слух, что армия и полиция не собираются никого арестовывать и что они могут стоять на траве перед огромным зданием военного министерства хоть до скончания века без всякого результата. Кому-то пришло в голову, что Пентагон сам по себе не является настоящей болевой точкой и потому будет гораздо больше толку, если они до начала утреннего часа пик займут мосты и таким образом парализуют весь город и правительство. И раз уж такое дело, часть демонстрантов возьмет в осаду Министерство юстиции.

Поэтому, оставив справа огромный «Мэрриот-отель», они пошли дальше, к находившемуся впереди мосту Четырнадцатой улицы. Джулия никогда не видела ничего подобного: все напоминало ей сразу и кинофильм, и веселую игру в войну, и театральное шоу, и сборища болельщиков, и футбольные матчи, на которых ей когда-то доводилось бывать. Сырой воздух был наполнен тревожным ожиданием; над головами стрекотали полицейские и армейские вертолеты.

– Боже мой, ты когда-нибудь видел что-либо подобное? – возбужденно обратилась она к Питеру.

– Ты не можешь выйти за него, – невпопад ответил тот.

– О Питер.

– Не можешь. Просто не можешь.

– Я собираюсь выйти за него замуж на следующей неделе.

– На следующей неделе ты, возможно, выйдешь из тюрьмы.

– Тогда мы с ним поженимся через неделю.

– Ему не разрешат.

– Мы сделаем это тайно.

– У нас слишком много других, куда более важных дел.

Растянувшейся, пожалуй, на полмили колонной по полсотни человек в ряд толпа молодежи миновала «Мэрриот». Кто их направлял? Шествовавшая впереди с рупорами кучка людей из Народной коалиции за мир и справедливость? Скорее всего они шли, подчиняясь собственным инстинктам. Профессиональные организаторы всего лишь слегка направляли и до поры до времени обуздывали энергию молодого поколения. А тем временем воздух все сильнее наполнялся запахом травки, все громче звучал смех; время от времени из темного неба возникал вертолет агентства новостей, зависал над колонной и заливал ее ярким светом прожектора. А демонстранты приплясывали, взявшись за руки, и скандировали:

Раз, два, три, четыре, пять,
На вашу войну нам всем насрать!

Или же:

Хо, Хо, Хо Ши Мин,

Вьетконг²¹ непобедим!

Или же:

Хватит стрелять,
Прекратите воевать!

Тогда-то и была предпринята первая атака слезоточивым газом.

Газ был едким и режущим и обладал могучей силой, лишая людей способности сообщать и нормально ориентироваться. В глазах Джулии потемнело от боли, и весь мир вокруг нее внезапно начал вращаться. Самый воздух превратился во врага. Все громче слышались крики и иные звуки, свидетельствовавшие о нарастающей растерянности, от которой лишь один шаг до паники. Джулия рухнула на колени, ее тело сотрясало от кашля. Целую секунду для нее не существовало ничего, кроме боли, от которой горели легкие, и огромной сокрушающей силы газа.

Но она осталась на месте с несколькими своими спутниками, хотя Питер куда-то исчез. Воздух был насыщен отравой, и глаза демонстрантов застилали слезы. Но она повторяла про себя: «Я не уйду отсюда. Они не заставят меня отступить».

Внезапно появился какой-то человек с ведром, наполненным мокрыми белыми тряпками.

– Дышите сквозь тряпки,– крикнул он,– и вам сразу полегчает. Если мы не сдадимся, они отступят. Вперед, мужайтесь, сохраняйте веру.

Кое-кто из юнцов все же подался назад, но большая часть оставалась на месте, следуя совету опытного ветерана движения. А кто-то – никто и никогда не смог бы сказать, кто или почему,– первым сделал несколько шагов. К нему присоединился второй, третий, остальные, а потом даже и те, кто оробел на первых порах. Людская масса двинулась вперед, не для нападения и, конечно, не для того, чтобы покарать тех, кто пытался преградить ей путь, а исключительно из уверенности в том, что никто не сможет удержать молодежь, потому что ее силам нет предела.

Пройдя немного дальше, Джулия увидела впереди заграждение из полицейских автомобилей, стоявших с зажженными фарами и беснующимися мигалками, а за ними множество людей в военной форме; вероятно, это были те самые семь с половиной тысяч национальных гвардейцев, вызванных по случаю беспрецедентных массовых беспорядков, о которых сообщали газеты. Они были похожи на насекомых: черные, с гигантскими глазами и вытянутыми мордами, снабженными внизу утолщениями вроде мощных мандибул. Маски, поняла она. Они надели противогазы, все до одного. Это привело ее в бешенство.

– Предлагаем вам разойтись! – загремел усиленный мегафоном голос.– Предлагаем немедленно разойтись. Те, кто не подчинится, будут арестованы. У вас нет разрешения на шествие.

– Ах вот, оказывается, в чем дело,– со смехом выкрикнул кто-то.– Знал бы, что у нас нет разрешения, нипочем не вышел бы из дома!

Над головами все так же стрекотал вертолет. Направо, за Потомаком, показалось солнце. Джулия взглянула на часы. Почти шесть.

– Не останавливайтесь! – скомандовал кто-то из демонстрантов.– Раз, два, три, четыре, пять, на вашу войну нам всем насрать!

Джулия терпеть не могла ругани, ее прямо-таки корбило, когда Донни случалось выругаться при ней, но сейчас, когда она была стиснута в толпе, обоняла едкий запах рассе-

²¹ Вьетконг – партизанская армия Фронта освобождения Южного Вьетнама.

ивавшегося газа, из глаз текли слезы, а сердце гневно колотилось, она сама не задумываясь выкрикивала бранные слова вместе со всеми остальными.

Раз, два, три, четыре, пять,
На вашу войну нам всем насрать!

Эти незатейливые слова звучали как гимн, как боевой клич, вливали новые силы в души замаявшихся было на месте ребят, и те двинулись быстрее. Освещенные мигающим светом мигалок полицейских автомобилей, скачущими лучами прожекторов вертолетов, они сплошным потоком неслись вперед. Те, кто на первых порах поддались страху, вновь обрели утраченную храбрость, прекратили отступление и, вдохновленные примером тех, кто не покинул шествие, снова влились в колонну.

Пум! Пум! Пум!

Еще один залп донесся из-за ограждения, маленькие гранатки, злобно шипя, упали на асфальт в самой людской гуще и принялись извергать густые облака отравы. Но юнцы теперь знали, что этот яд не может убить их и что ветер через считанные секунды унесет ядовитое облако прочь.

Раз, два, три, четыре, пять,
На вашу войну нам всем насрать!

Джулия кричала во все горло. Она кричала от имени несчастного бледного Донни, лежавшего на больничной койке с подвешенным над ним мешком плазмы, с ввалившимися щеками, с глазами, только-только освободившимися от страха смерти, которая лишь немного промахнулась. Она кричала от имени других мальчиков, оказавшихся в этом ужасном месте, оставшихся покалеченными и утративших надежды – лишившихся лиц, лишившихся ног, лишившихся пенисов; она кричала от имени знакомых девочек, которым суждено всю жизнь горевать, потому что их женихи, или братья, или мужья вернулись домой в пластиковых мешках, заколоченных в деревянные ящики; она кричала от имени своего отца, который проповедовал «чувство долга», но сам на протяжении всей Второй мировой войны сколачивал состояние, продавая страховки; она кричала от имени всех детей, избитых во время всех демонстраций, которые проводились в течение последних семи лет; она кричала от имени насмерть перепуганной голой маленькой девочки, пытающейся убежать от напалмового облака; она кричала от имени низкорослого человека со связанными за спиной руками, которому выстрелили в голову и он упал на землю, залив ее кровью.

Раз, два, три, четыре, пять,
На вашу войну нам всем насрать!

Теперь уже они все шли вперед – сотни, тысячи. Вот они поравнялись с полицейскими автомобилями, вот они миновали полицейские автомобили, вот разбежалась полиция, вот разбежалась Национальная гвардия.

– Держитесь! Держитесь, черт бы вас подрал! – надсадно завопил кто-то, когда мимолетная стычка закончилась.

Перед демонстрантами теперь лежал пустой мост, выходивший напрямик к памятнику Джефферсону. Впереди возвышался в утреннем свете Капитолий, из-за деревьев выглядывал памятник Вашингтону, а справа торчали кварталы Альфавилля и новое здание Министерства здравоохранения, образования и социальной защиты. И нигде не было видно ни одного полицейского автомобиля, ни единого копа.

– Мы это сделали,– сказал кто-то неподалеку.– Сделали!

Да, так оно и было. Они захватили мост, одержали великую победу. Они заставили государство уступить. Они провозгласили мост Четырнадцатой улицы принадлежащим Коалиции за мир и справедливость.

– Мы это сделали,– повторил кто-то совсем рядом с нею.
Это был Питер.

– Сержанты и командиры отделений, выйти вперед для получения задания! Сержанты и командиры отделений, выйти вперед для получения задания!

Люди разбрелись по широкой эспланаде закрытого для проезда Девяносто пятого шоссе. Они находились в глубине округа Колумбия, примерно в полумиле от моста Четырнадцатой улицы, за барьером, составленным из джипов, полицейских автомобилей и военных грузовиков. С «левого борта» за военными наблюдал укрывшийся за мраморными колоннами и цветущими кизилковыми деревьями блестящий мраморный Джефферсон. Над головой простиралось окрашенное в бледно-лимонный цвет рассветное небо, в котором суетились вертолеты, производившие гораздо больше шума, чем можно было ожидать, глядя на их изящные силуэты. Все происходившее напоминало один из тех кинофильмов пятидесятых годов, в которых на город нападает какое-нибудь чудовище, полиция с военными наскоро сооружают баррикады, чтобы воспрепятствовать монстру, а в это время в неведомой лаборатории множество людей, облаченных в белые халаты, самоотверженно трудятся, создавая секретное оружие, которое сможет уничтожить монстра.

– Напалм,– наставительно произнес Кроу.– Я обязательно воспользовался бы напалмом. Убить тысячи две ребятишек. Дать им хорошенько прожариться и со вкусом позавтракать. И устроить в Кенте²² хорошенький пикник. Мальчик, война закончится завтра же.

– Неужели ты считаешь, что вояки об этом не думали? – через плечо бросил Донни, направляясь на совещание командиров.

Он проскользнул через третье отделение, пробрался мимо других отделений и взводов, состоявших из молодых людей, комично разодетых в боевое снаряжение – точно так же, как и он,– и чувствовавших себя одинаково глупо из-за огромных кастрюль, болтавшихся на головах. Со шлемами вообще было странное дело: когда в шлеме нет нужды, он кажется прямо-таки чудовищно смешным, но когда без него не обойтись, к нему относишься как к божьему дару. Но сегодня, конечно, был первый случай.

Донни добрался до места конклава. Там находился комендант базы, а рядом с ним стояли трое мужчин в десантных комбинезонах с надписью на спине «Министерство юстиции» и несколько гражданских чиновников, полицейских, пожарных, а также какие то сконфуженные офицеры Национальной гвардии. Уже успел пронестись слух, что они запаниковали и сбежали вместе со своими людьми с заслона перед мостом.

– Ну ладно, все в порядке,– громко сказал полковник.– Сержант-майор, все собрались?

Сержант-майор провел быструю переключку своих сержантов; каждый кивнул, подтверждая тем самым присутствие своего подразделения. Переключка была выполнена в высшей степени профессионально и заняла не более тридцати секунд.

– Все в сборе, сэр.

– Отлично,– похвалил полковник.

Он поднялся в открытый джип, чтобы подчиненные могли лучше его видеть, и заговорил громким четким командирским голосом.

– Ну что ж. Как вы знаете, в четыре ноль-ноль большая масса демонстрантов ворвалась с правой стороны на мост Четырнадцатой улицы и полностью заблокировала его. Движение

²² Кент – район Вашингтона.

остановлено аж до самой Александрии. Другие мосты к настоящему времени уже расчищены, но здесь сложилась тяжелая ситуация. Министерство юстиции обратилось к корпусу морской пехоты за помощью в расчистке моста, и наше командование приказало нам выполнить это задание. А теперь я хочу разъяснить вам, что это значит: мы очистим мост, сделаем это быстро и профессионально, с минимальным применением силы и по возможности без нанесения телесных повреждений. Понятно?

– Так точно, сэр, – послышалось со всех сторон.

– Я хочу, чтобы рота А и рота Б выстроились в шеренги поотделенно, а штабная рота двигалась сзади в качестве резерва. Мы не имеем полномочий для ареста, и я не хочу, чтобы кого-нибудь арестовывали. Мы будем двигаться с примкнутыми штыками под прикрытием слезоточивого газа умеренной концентрации. Ножны не снимать. Ни при каких обстоятельствах не пускать штыки в ход. Не должно пролиться ни капли крови. Мы возьмем не силой, а твердым порядком и высоким профессионализмом. За нами будет следовать подразделение полиции округа Колумбия, специально предназначенное для производства массовых арестов. Вот они-то и будут забирать тех демонстрантов, которые не пожелают рассеяться. Предельная дистанция нашего продвижения – дальний конец моста.

– Резиновые пули, сэр?

– Ответ отрицательный. Повторяю, отрицательный. Никаких резиновых пуль. Ни одного выстрела сегодня сделано не будет. Перед нами американские дети, а не вьетконговцы. Начало движения в девять ноль-ноль. Командиры рот и старшие сержанты, я хочу, чтобы вы посоветовались между собой и выставили вперед, на линию контакта, свои лучшие подразделения. Рассматривайте операцию как стандартные учения по подавлению массовых беспорядков. Ну что ж, вам осталось проявить свой высокий профессионализм.

– Разойдись!

Донни вернулся к своему отделению; другие командиры поспешили к своим. Точно так же, как потягивается просыпающееся могучее животное, часть морской пехоты на глазах обретала подтянутость, по мере того как приказания доходили до самых мелких подразделений. Слышались негромкие шутки, в которых отчетливо улавливалось осознание двусмысленности положения, однако все говорило о том, что морские пехотинцы везде и всегда предпочитают делать хоть что-нибудь, чем не делать ничего.

– Мы пойдем клином повзводно, – объяснил Донни солдатам. – Сержант-майор будет задавать ритм.

– Штыки?

– Примкнуть, но надеть ножны. Как можно меньше применяйте силу. Мы должны вытеснить этих людей с моста одним лишь своим видом. Никакой стрельбы, никаких прикладов – только твердая уверенность. Понятно?

– Противогазы?

– Я уже сказал: в противогазах. Кроу, ты что, не слышал? Нам подкинут немного слезогонки.

Донни оглянулся. Сержант-майор уже стоял в сотне метров от грузовиков, и морские пехотинцы уже сбегались к нему для построения перед выходом на задание. Донни посмотрел на часы. Они показывали 8.50.

– Ладно, давайте собираться и пойдем на позиции. Ста-но-вись! Равнение на меня!

Солдаты молниеносно рассыпались по привычным местам, и отделение рысцой подбежало к колонне, формировавшейся на широком белом полотне пустого шоссе.

Питер держал Джулию за руку. Он был бледен, но настроен решительно; по лицу все еще текли слезы после газа.

– Все будет хорошо, – продолжал повторять он, хотя было заметно, что он успокаивает скорее самого себя, чем ее. Он был как-то особенно печален, и у Джулии даже мелькнуло желание прижать его к себе и приласкать.

– Внимание! – прогремел усиленный мегафоном голос. – У агентства новостей есть камеры на вертолетах, и нам только что сообщили, что морская пехота выстроилась и направляется сюда, чтоб выгнать нас.

– О, похоже, здесь скоро станет совсем весело, – пробормотал Питер. – Морская пехота...

– Хочу дать всем совет. Не пытайтесь сопротивляться, не то вас могут избить или вовсе искалечить. Не кричите на них, не ругайте их. Просто медленно идите вперед. Помните, это ваш мост, а не их. Мы освободили его. Мы владеем им. К черту все, мы не уйдем.

– К черту все, мы не уйдем, – повторил Питер.

– Какая гнусность, – горестно сказала Джулия. – Они не идут сюда сами, эти парни из высоких кабинетов, из-за которых творятся все эти гадости. Они посылают сюда Донни, которому приходится выполнять свою работу. И именно он оказывается крайним.

Но Питер ее не слушал.

– Вот и они, – сказал он, рассмотрев слезящимися глазами надвигающуюся четкую фалангу людей, одетых в камуфляжную форму. Корпус морской пехоты Соединенных Штатов приближался неспешной рысцой; солдаты держали винтовки наперевес, на них были даже каски, что вместе с противогазами превращало людей в насекомых или в роботов.

«К черту все, мы не уйдем!» – негромко, но твердо скандировала толпа. «Морская пехота, иди домой!» И снова: «К черту все, мы не уйдем!»

Подразделение морской пехоты двигалось вперед, подчиняясь голосу сержант-майора: «Ать-два-три-четыре, ать-два-три-четыре», и отделение Донни, сохраняя четкий порядок, бежало вместе со всеми немного левее острия клина – построения для разгона толпы.

На бегу Донни даже чувствовал себя немного лучше; он влился в устойчивый ритм, и тяжелая амуниция свободно ерзала по телу. Шлем, погромыхивая, болтался на голове, эластичные ремни мягко натягивались. Он чувствовал, как по его лицу под маской противогаза течет пот, скапливается на ресницах, щиплет веки и протекает в глаза. Но это не имело никакого значения.

Через линзы маски мир казался каким-то грязноватым. Перед собой он мог разглядеть массу демонстрантов, усевшихся на мосту и яростно смотревших на приближавшихся солдат.

«К черту все, мы не уйдем!» чередовалось с «Морская пехота, иди домой! Морская пехота, иди домой!» Эти крики гулко разносились в воздухе, но звучали наивно и глупо. Их уже отделяло от толпы не более пятидесяти метров, когда сержант-майор отчаянно завопил:

– На месте! Стой!

На мосту сошлись две молодые Америки. С одной стороны было около двух тысяч молодых людей от четырнадцати до, наверное, тридцати лет, хотя в основном двадцатилетних, Америка колледжей, Америка нонконформизма, выражавшегося через полный конформизм: все были одинаково одеты в джинсы и футболки, все носили длинные, развевавшиеся на слабом ветерке красивые волосы, все были бледны, эксцентричны, все пребывали под влиянием травки или ханжеских лозунгов; они стояли здесь, черпая силу друг у друга, а над головами у них колыбался целый лес плакатов: «НАРОДНАЯ КОАЛИЦИЯ ЗА МИР И СПРАВЕДЛИВОСТЬ», «АРМЕЙСКИЕ ЗАСРАНЦЫ, ИДИТЕ С НАМИ», «ПРЕКРАТИТЕ ВОЙНУ», «К ЧЕРТУ ВОЙНУ», «МОРСКАЯ ПЕХОТА ДОЛЖНА УЙТИ».

Другую Америку представляли шестьсот пятьдесят сильных, одетых в зеленую диагональную полевую форму мужчин, три роты морских пехотинцев, средний возраст которых составлял те же двадцать лет, вооруженных незаряженными винтовками и штыками в

ножах. Их серьезные лица, скрытые каучуком и пластмассой противогазовых масок, были чисто выбриты, волосы коротко острижены, и все же они были тоже растеряны и напуганы, как и те дети, которые стояли перед ними, только немного по-иному. Они и сами были, по существу, такими же самыми детьми, но никто не желал обращать на это внимание. За их спинами находились полицейские автомобили, санитарные кареты, пожарные машины, фургоны для арестованных, командиры их собственного корпуса, репортеры агентств новостей, чиновники Министерства юстиции. Но впереди шли все-таки они.

Из-за спин остановившихся солдат вышел облаченный в синий комбинезон человек из Министерства юстиции. В руках у него был мегафон.

– Это незаконное шествие. У вас нет разрешения на его проведение. Приказываю вам разойтись. Если вы не разойдетесь, мы очистим мост. Повторяю, приказываю разойтись!

– К черту все, мы не уйдем! – раздался многоголосый ответ.

Выждав, пока крики стихнут, чиновник повторил свое требование и добавил:

– Через две минуты мы произведем атаку слезоточивым газом, а морская пехота начнет вытеснять вас. Повторяю, вам приказано разойтись!

Последовала недолгая тишина, а потом вперед выскочил молодой человек. С криком:

– Вот тебе твое сраное разрешение!

Он спустил джинсы, пригнулся и показал наступавшим бледную задницу.

– Боже ты мой, какой хорошенький! – пропищал Кроу. Он говорил громко, и, несмотря на противогаз, его было хорошо слышно. – Я его хочу!

– Кроу, заткнись, – приказал Донни.

Человек из Министерства юстиции отступил за цепь. Солнце поднялось уже высоко, стало жарко и душно. Наверху кружили вертолеты, и лишь их винты немного шевелили воздух.

Раздался другой усиленный мегафоном голос, на сей раз со стороны демонстрантов. Кто-то из ветеранов наставлял молодежь:

– Не пытайтесь подбирать и отбрасывать газовые гранаты, как только они упадут. Они очень горячие. Не бойтесь. Газ очень быстро улетучится.

– Газ! – раздалась команда.

Шесть мягких хлопков известили о выстреле шести газовых пушек, принадлежавших полиции округа Колумбия. Снаряды, извергая белый пар, скользнули по мостовой. Они подпрыгивали, крутились и металась из стороны в сторону. Смысл такой стрельбы заключался в том, что газовые бомбы влетали в толпу на малой скорости, тогда как при стрельбе поверху они набирают большую скорость и вполне могут кого-нибудь убить.

– Газ! – снова донеслась команда, и в толпу полетели еще шесть газовых бомб.

Затем воздух сотряс крик сержант-майора:

– Ружья на руку!

И в следующее мгновение винтовки, находившиеся в походном положении на груди, мелькнули в воздухе справа от каждого солдата, каждый приклад оказался накрепко прижат к телу локтем правой руки, каждый ствол с примкнутым штыком в ножнах торчал вперед под углом сорок пять градусов по отношению к земле.

– Приготовиться к движению! – раздалась следующая команда.

Только у одного Кроу винтовка дрожала, вероятно от волнения, но у всех остальных штыки грозно торчали вперед. Донни прямо-таки чувствовал, как толпа демонстрантов подалась было назад, затем все же собралась и укрепилась в своем упорстве. Среди людей плавали облачка слезоточивого газа. Это была всего лишь толпа, отдельные лица расплывались, сливались в единое пятно в мути линз и газовой дымке. Неужели Джулия тоже находится там?

– Шагом... марш! – прогремела заключительная команда, и морские пехотинцы затопали вперед.

Ну, была не была, подумал Донни.

Наверное, именно так должны были выглядеть казаки. Зеленая цепь солдат расходилась под углом в обе стороны от острия стрелы, образованной безжалостными мальчишками в шлемах, с лицами, спрятанными за масками.

Джулия попыталась слезящимися глазами найти среди них Донни, но у нее ничего не вышло. Все морские пехотинцы казались одинаковыми – верные защитники чего бы то ни было, одетые в грубую униформу с касками, а теперь еще и с ружьями, угрожающе торчавшими вперед. Ее окутало облако слезоточивого газа, глаза снова резануло острой болью, она закашлялась, чувствуя, как по лицу горячим потоком хлынули слезы, размазала их рукой, потом нагнулась, нащупала свою влажную тряпку и старательно стерла отраву с лица.

– Подонки! – горько сказал Питер, с ненавистью глядя на приближавшихся к нему солдат. Он дрожал с такой силой, что еле-еле держался на ногах, его колени явственно тряслись. Но он не собирался отступать. – Подонки! – повторил он, глядя на приближавшихся ровным шагом морских пехотинцев.

Донни двигался во главе отделения. Он был крепок как скала, и Кроу, шедший следом за ним, чуть левее, казался таким же сильным. Они тяжело шагали вперед, подчиняясь устойчивому ритму, заданному сержант-майором, и Донни видел через подрагивающие стекла грязных линз, как толпа все приближалась и приближалась. Отчет сержант-майора действовал на солдат как магическое заклинание, помогая им продвигаться вперед; в толпе клубились облачка слезоточивого газа, медленно пролетевший низко над толпой вертолет поднял маленькую бурю, заставившую газ закрутиться в вихри и смерчи, а потом газовое облако опустилось и растеклось по мосту, как вода.

– Тверже шаг! – кричал сержант-майор.

Внезапно Донни начал различать детали: лица испуганных детей, какие они худые, бледные и физически слабые, сколько среди них девушек, как хладнокровно наставляет их через рупор их предводитель. И в конце концов наступил самый отвратительный момент, когда две группы столкнулись.

– Тверже шаг! – снова выкрикнул сержант-майор.

Может быть, это в чем-то напоминало одно из сражений древности – легионеров против вестготов²³, шумеров против ассирийцев, – но, когда противоборствующие стороны сошлись, Донни ощутил, как через тела прошел мгновенный выплеск огромной физической силы и силы воли. Никто не наносил никаких ударов, ни один из морских пехотинцев не взял винтовку за ствол и не начал орудовать прикладом, ни один штык не был вынут из ножен и не прикоснулся к человеческой плоти. Произошло столкновение двух масс, стремившихся навстречу одна другой; это было больше похоже не на войну, а на американский футбол в тот момент, когда линии команд сталкиваются между собой и вокруг тебя происходит дюжина соревнований в силе, а ты сам вкладываешь все ресурсы своего тела и духа в единоборство с кем-то еще и надеешься, что сможешь, используя весь свой вес, оторвать противника от земли и сбить с ног.

Впрочем, противником Донни оказался вовсе не вражеский форвард и не вестготский воин, а девочка лет четырнадцати с рыжими вьющимися волосами, веснушчатый лицом и, насколько он смог разглядеть, скобками для исправления прикуса на зубах. На голове у нее

²³ Вестготы – германское племя, обитавшее в III-IV вв. к западу от Днепра и в IV-V вв. участвовавшее в Великом переселении народов, во время которого вело ожесточенные бои с римскими легионами.

была бандана, на плоскогрудой фигурке мешковато висела футболка, вручную окрашенная в бесформенные пятна, и вся она производила впечатление полнейшей невинности. Но ненависти на ее лице было куда больше, чем у любого вестгота; она изо всех своих силенок ударила Донни по голове плакатом, надпись на котором, как он успел заметить, гласила: «ДОВОЛЬНО ВОЕВАТЬ!»

От удара о шлем тонкое древко сломалось, плакат смялся и отлетел в сторону. Донни почувствовал, как его тело столкнулось с тельцем девочки, а затем она исчезла из поля зрения, то ли отлетела в сторону, то ли упала и другие солдаты переступили через нее. Он надеялся, что она осталась невредима; ну какого черта она не могла просто удрать?

Над мостом растекалась новая порция слезоточивого газа. Крики стали громче. Везде возникали стычки; они начинались там, где демонстранты особенно упорно пытались отразить натиск морских пехотинцев, которые в ответ еще больше усиливали нажим. Можно было чуть ли не физически ощутить напряжение, с которым две силы противостояли одна другой, пытаясь ввергнуть противника в панику.

Впрочем, на самом деле все это продолжалось считанные секунды; очень скоро демонстранты дрогнули и бросились наутек. Донни провожал их взглядом, пока они бегом покидали мост, оставляя за собой переносные уборные, сандалии, растоптанные банки из-под пива и воды, опрокинутые ведра, валявшиеся в лужах воды, – жалкие трофеи, брошенные на поле боя разгромленной армией. Судя по всему, преследовать побежденных было бессмысленно.

– Морская пехота, стой! – надрывался сержант-майор. – Вольно! Снять противогазы!

Зачпокали срываемые маски, и стриженные мальчишки принялись жадно глотать воздух.

– Хорошая работа, просто отличная! – в свою очередь, завопил полковник. – Есть пострадавшие?

Но прежде чем кто-нибудь успел ответить, слева донесся какой-то гвалт. Возле перил моста столпились полицейские, и очень скоро морские пехотинцы узнали, что во время их приближения и атаки кто-то на самом деле впал в панику. Над самой водой кружился полицейский вертолет, примчалась машина «скорой помощи», и из нее поспешно высыпали медики. По рации уже вызвали полицейские катера. Впрочем, хватило всего лишь нескольких минут для того, чтобы убедиться, что этот кто-то уже мертв.

Глава 06

Скандал развивался именно так, как и можно было ожидать. Естественно, его освещение целиком и полностью зависело от позиции, занятой той или иной газетой.

«СЕМНАДЦАТИЛЕТНЯЯ ДЕВУШКА ПОГИБЛА ВО ВРЕМЯ ДЕМОНСТРАЦИИ» – гласил заголовок в «Пост». Более консервативная «Стар» сообщала: «ДЕМОНСТРАНТ ПОГИБ ВО ВРЕМЯ БЕСПОРЯДКОВ НА МОСТУ». «МОРСКИЕ ПЕХОТИНЦЫ УБИЛИ СЕМНАДЦАТИЛЕТНЮЮ ДЕВУШКУ» – обвиняла «Вашингтон-сити пэйпер».

В любом случае для Корпуса морской пехоты эта новость была хуже некуда. Семь либеральных членов палаты потребовали расследования обстоятельств гибели Эми Розенцвейг, семнадцати лет, из Гленко, штат Иллинойс, которая, судя по всему, впала в панику от атаки слезоточивым газом и при виде морских пехотинцев забралась на перила моста. Прежде чем кому-либо удалось дотянуться до нее – несколько молодых морских пехотинцев сразу же кинулись к ней, – она свалилась. Уолтеру Кронкайту удалось выдавить из левого глаза скупую слезу. У Гордона Петерсена из агентства новостей дрожал голос, когда он обсуждал инцидент со своим коллегой-ведущим Максом Робинсоном.

«ПОЧЕМУ МОРСКИЕ ПЕХОТИНЦЫ?» – интересовалась «Пост» в опубликованной двумя днями позже передовой статье.

Морская пехота США является едва ли не самой уважаемой из всех существующих военных сил, ее заслуженно боятся враги во всем мире. Морские пехотинцы – это элита вооруженных сил США, начиная с 1776 года они достойно служат своей стране, смиряя враждебное окружение. Но что они делали на мосту Четырнадцатой улицы 1 мая?

Несомненно, если принять во внимание присущий этому роду войск высокий боевой дух и непрерывную теоретическую и практическую подготовку к ведению военных действий в самых страшных и малопригодных для жизни уголках земли, обращение к ним оказалось наилучшим вариантом из всех, какими располагало Министерство юстиции, выбирая силы, которые оно могло бы развернуть против мирных демонстрантов, предпринявших ненасильственный «захват» моста, явившийся проявлением нашей давней и драгоценной традиции свободы гражданского протеста.

Полицейские силы округа Колумбия, дорожная полиция и даже местные гвардейцы – все они обучены приемам борьбы с беспорядками, все имеют немалый опыт различного взаимодействия с демонстрациями, и, конечно, было бы гораздо предпочтительнее использовать именно эти силы, а не боевых солдат, у которых сложилась тенденция воспринимать любые конфронтации как бой не на жизнь, а на смерть.

Место морских пехотинцев – на полях битвы, разбросанных по всему миру, на плацу казарм «Восемь-один», а не на улицах Америки. Если трагедия Эми Розенцвейг и должна на что-то открыть нам глаза, то в первую очередь именно на это.

Что касается морских пехотинцев из «Восемь-один», то самым первым результатом случившегося для них оказалась немедленная доставка обратно в казармы, где они еще два дня оставались в состоянии повышенной боевой готовности и, следовательно, в полной изоляции от окружающего мира. Команды из ФБР, местной полиции и дорожной полиции США неустанно терзали солдат из второго отделения второго взвода роты «Альфа», находившихся на самом краю левого фланга клина и видевших тщетные попытки девушки сохранить свою жизнь. Трое из них просто-напросто бросили винтовки, сорвали противогазы и ринулись к ней на помощь, но за мгновение до того, как они смогли дотянуться до нее, она закрыла глаза и, вверив свою душу Богу, качнулась назад. Солдаты оказались возле перил как раз вовремя для того, чтобы увидеть, как она упала в воду с высоты в десять метров; через несколько

секунд была вызвана полиция округа Колумбия, еще через несколько минут появился спасательный катер. Будь у них веревка, они сами тут же спустились бы в реку, но немедленно оказавшийся на месте взводный сержант категорически запретил своим подчиненным прыгать с моста и предпринимать какие-либо спасательные действия. Просто-напросто здесь было слишком высоко. К тому же, как очень скоро выяснилось, никакие, даже самые геройские, прыжки все равно ничего не дали бы. Когда через тринадцать минут Эми вытащили из воды, сразу стало ясно, что девушка сломала себе шею, ударившись об воду. Сделанные позже заявления реабилитировали морских пехотинцев и объяснили, что по отношению к Эми не применялось никакого физического воздействия. Морские пехотинцы сказали, что она сама решила принять мученический венец, а средства массовой информации утверждали, что ее убили морские пехотинцы. Но кому было известно, как обстояли дела на самом деле?

На третий день арестовали Кроу.

Четверо вооруженных винтовками солдат из военно-морской полиции, возглавляемых двумя офицерами, лейтенант-коммандером Бонсоном и энсином Вебером, вошли в казарму, где, согласно тревожному распорядку, коротала время рота «Б», и надели на Кроу наручники. За происходящим наблюдали капитан Догвуд и полковник, командовавший батальоном.

А затем лейтенант-коммандер Бонсон подошел к Донни и громко объявил:

– Отличная работа, капрал Фенн. Чертовски хорошая работа.

– Прекрасная работа, Фенн, – подхватил Вебер. – Вы нашли нашего человека.

Донни показалось, что мир вокруг него разверзся. Он буквально физически ощутил, что воздух в пространстве, отделявшем его от солдат его отделения и от всего взвода, от самой земли до верхних пределов атмосферы внезапно сменился полным вакуумом. Никто не смотрел ему в глаза. Некоторые искоса испуганно поглядывали на него. А многие просто поспешно отошли подальше, в отсеки других отделений, или же вышли во двор, где стояли грузовики.

– Что все это значит? – спросил взводный сержант Кейз.

– Э-э, сержант, я понятия не имею, – ответил Донни. – Не представляю себе, что они имели в виду.

– У тебя были контакты с секретной службой?

– Они разговаривали со мной.

– О чем?

– Ну ладно, – Донни сглотнул слюну, – у них были какие-то проблемы по поводу безопасности, и я получил...

– Дай-ка, Фенн, я кое о чем тебе напомню. Если в моем взводе что-то случается, ты обязан явиться ко мне и сообщить об этом! Какие-то сраные вояки вызвали тебя для какого-то сраного задания? Так вот, ты расскажешь мне обо всем, Фенн, или, клянусь Богом, тебе придется очень пожалеть, что ты родился на свет!

Брызги слюны изо рта разъяренного сержанта летели прямо в лицо Донни, его глаза горели, как сигнальные ракеты. На лбу вздулась вена.

– Сержант, они сказали мне...

– Я и обезьяньего члена не дам за то, что они сказали тебе, Фенн. Если в моем взводе что-то случается, я обязан знать об этом, иначе ты для меня хуже пороссячьего дерьма. Усек, капрал?

– Да, сержант.

– Нам с тобой, парень, предстоит очень и очень серьезный разговор.

Донни снова сглотнул.

– Да, сержант.

– А теперь хватит им всем просиживать задницы. Я не собираюсь смотреть, как они сидят здесь весь этот чертов день, словно только что выиграли какую-то сраную войну. Зай-

мись с ними строевой, что ли, вздрючь их как следует, одним словом, что-нибудь делай с ними.

– Есть, сержант.

– А с тобой мы поговорим позже.

– Да, сержант.

Как только сержант Кейз вышел – его движения больше напоминали старт реактивного истребителя, чем выход командира из казармы, – Донни повернулся к своим подчиненным.

– Ну что ж, – сказал он солдатам, – давайте выйдем на воздух и потренируем кое-какие приемы работы во время уличных волнений. Нет смысла сидеть здесь просто так.

Но никто не пошевелился.

– Ладно, парни, пойдем. Это не моя собственная заморочка. Вы слышали сержанта. У нас есть приказ.

Они просто смотрели на него: одни – с отвращением и обидой, а другие – с презрением.

– Я ничего не сделал, – сказал Донни. – Всего лишь поговорил с несколькими офицерами из ВМФ, только и всего.

– Донни, а если я зайду в бар к пацифистам, ты сдашь меня секретной службе? – спросил кто-то.

– Ладно, на хрен все это дерьмо! – взревел Донни. – Я не обязан никому ничего объяснять, но, если это потребует, я докажу, что никого не продавал. А теперь надевайте снаряжение и валите на плац, не то Кейз оставит всех нас в наряде по казарме аж до завтрашнего утра!

Люди поднялись, но медлительные и неохотные движения отчетливо выдавали их горечь.

– Кто займет место Кроу? – слышался чей-то голос.

Все промолчали.

В тот же день, ровно в четыре часа пополудни, Джулия была освобождена из-под ареста. Вместе с несколькими сотнями самых упорных демонстрантов она провела сорок восемь часов в вашингтонском «Колизее». По крайней мере, в физическом отношении это время прошло чуть ли не приятно: полицейские вели себя осторожно, никто из арестованных не отказывался давать показания, и все шло очень спокойно. Она провела две ночи на раскладушке посреди поля, на котором во время сезона тренировались «Вашингтон редскинз». Возвышавшиеся вокруг трибуны старого обветшавшего стадиона чем-то напоминали о проводившихся в двадцатые годы массовых собраниях пятидесятников; к арестованным юнцам никто не приставал, и за их времяпрепровождением не слишком-то следили. Травки было в избытке, переносные уборные были куда чище, чем те, что стояли в парке Потомак. Душой было много, с лихвой хватало на всех, и Джулия впервые после отъезда из Аризоны с Мирным караваном смогла хорошо помыться. Кое-кто из мальчиков развлекался игрой в футбол, выдавая фантастические пасы в зону защиты.

Но от Донни она не имела никаких известий. Был ли он на мосту? Этого она не знала. Она пыталась высматривать его, но как раз тогда на мост пустили новую порцию газа и все расплылось у нее перед глазами от неудержимо хлынувших слез. Она помнила, как отчаянно терла глаза кулаками, пока газ не рассеялся, а потом последовал удар морских пехотинцев, и тогда она поймала себя на том, что всматривается в глаза парня – вернее, ребенка, большого и рослого ребенка – за стеклами маски; она видела в них страх или, по крайней мере, такую же растерянность, какую чувствовала сама; а в следующий момент он миновал ее вместе со всей цепью морских пехотинцев, и ей оставалось только смотреть, как отряды полицейских хватают демонстрантов, оказавшихся позади цепи, и ведут их к автобусам. Все это было сделано очень просто и не доставило полиции никаких хлопот.

Только позже, уже находясь под арестом, она услышала о том, что одна девочка каким-то образом погибла. Джулия пыталась понять, как это могло случиться, но у нее ничего не получалось. Морские пехотинцы, как ей показалось, вели себя крайне сдержанно; нет, там не было ничего подобного тому, что случилось в Кенте. И все равно это ужасно угнетало. Девочка была мертва, и чего ради? Неужели это было необходимо? На стадионе были телевизоры, и с экранов почти все время смотрело юное нежное веснушчатое личико Эми Розенцвейг, обрамленное рыжеватыми кудряшками. Эми напоминала Джулии одну девочку, вместе с которой она росла. Хотя она никак не могла вспомнить, видела ли она Эми в толпе, это ее нисколько не удивляло: ведь там были тысячи и тысячи людей и царила такая неразбериха...

Ее выпустили, и она вернулась в прежний лагерь в парке Потомак. Он походил на опустевший воинский бивак Гражданской войны после битвы при Геттисберге²⁴. Боевая неделя закончилась, и дети возвратились в свои университетские городки, а профессиональные революционеры – к своим тайным интригам и подготовке следующей вспышки войны против войны. Повсюду валялись кучи мусора, зато полицейских почти не осталось. Несколько палаток все еще стояли, но ощущение концентрации новой молодежной культуры исчезло. Не было больше никакой музыки и никаких костров. Мирный караван отбыл. Остался один только Питер.

– О, привет!

– Привет! Как дела?

– В полном порядке. Я остался. Назад автобус доведут Джефф и Сюзи. Все уехали с ними. Там не о чем беспокоиться. А я решил остаться на тот случай, если тебе что-нибудь понадобится.

– Обо мне можно не беспокоиться. Да, кстати, Питер, ты не видел Донни?

– Его? Господи, ты знаешь, что они сделали с этой девочкой, и все равно хочешь знать, где он?

– Донни ничего ей не делал. Кроме того, я читала, что морские пехотинцы пытались спасти ее.

– Если бы там вообще не было морских пехотинцев, Эми теперь была бы здесь, – упрямо заявил Питер.

Какое-то время они просто смотрели друг на друга, потом Питер притянул ее к себе и обнял, и она тоже обняла его.

– Спасибо тебе, Питер, что ты решил подождать меня.

– А-а, не стоит. Как там, в «Колизее»?

– Нормально. Совсем неплохо. Они в конце концов отказались от обвинения в незаконном шествии. И сегодня нас всех выпустили.

– Ладно, – сказал Питер. – Раз ты хочешь, чтобы я отвез тебя к казармам морской пехоты, я отвезу. Куда захочешь. Один парень одолжил мне «фольксваген». Так что с транспортом нет никаких проблем.

– Я намереваюсь на этой неделе выйти замуж.

– Это прекрасно. Это просто круто. Счастья тебе, и да благословит тебя Бог. Надеюсь, ты скажешь, если я смогу тебе чем-нибудь помочь?

– Думаю, что мне нужно оставаться здесь, пока я не получу известий от Донни. Я понятия не имею, что с ним случилось.

– Конечно, – сказал Питер. – Это прекрасная идея.

²⁴ Победа, одержанная северянами в битве при Геттисберге (1-3 июля 1863 г.), в значительной степени предопределила их победу в Гражданской войне 1861-1865 гг.

К радости и облегчению солдат, боевая готовность была отменена в 16.00 того же дня. На полный отбой потребовалось еще около часа: нужно было вернуть винтовки в оружейные комнаты, разобрать и снова упаковать боевое снаряжение и уложить его в определенное место в личный шкафчик, сложить грязное белье для стирки, побриться и помыться. Но в 17.00 со всеми делами было наконец покончено, и капитан распустил своих людей. Женатые могли отправиться домой, а все остальные – расслабиться в городе или отдохнуть на базе, если им так хотелось. В казармах оставалось только несколько человек – дежурные сержанты и часовые при оружейных комнатах.

Правда, к Донни это не относилось.

Все так же находясь в кольце всеобщего отчуждения, он покончил с делами и наконец-то переоделся в гражданское – джинсы и белую рубашку, когда из штаба явился курьер и сообщил, что его срочно требуют туда. Нет, переодеться в форму совсем не обязательно.

Донни пошел в кабинет капитана Догвуда, где его поджидали Бонсон и Вебер.

– Капитан, мы можем забрать его к себе. Или вы позволите воспользоваться вашим кабинетом?

– Конечно, сэр, прошу вас, – ответил Догвуд, которому тоже хотелось поскорее попасть домой, чтобы увидеть жену и детей. – Оставайтесь здесь, если хотите. Когда закончите, дежурный сержант запрет дверь.

– Благодарю вас, капитан, – сказал Бонсон.

В результате Донни остался с ними один. Оба офицера были на сей раз в гражданской одежде. Вебер походил на члена общества «Сигма Нью», в которое он, несомненно, входил, будучи в Небраске, а строгий Бонсон был облачен в слаксы и черную рубашку спортивного стиля, застегнутую на все пуговицы. Он казался похожим на священника неведомой церкви.

– Кофе?

– Нет, сэр.

– О, да сядьте же вы, Фенн. Вам совсем не обязательно стоять.

– Есть, сэр. Спасибо, сэр.

Донни послушно сел.

– Мы хотим быстренько обсудить с вами ваши показания. Завтра в офисе главного военного прокурора при Военно-морской верфи будет оглашено обвинение. Никакого подробного рассмотрения дела. Это будет просто дознание и предварительное обвинительное заключение. Ровно в десять. Мы пришлем машину. Лучше будет, если вы наденете парадную форму; я договорился с капитаном Догвудом, что вы будете свободны от любых нарядов. А после этого, я думаю, мы дадим вам внеочередной отпуск. Скажем, на две недели? Ко времени вашего возвращения уже успеют утрясти все формальности насчет ваших новых нашивок. Сержант Фенн. Хорошо звучит?

– Ну, я...

– Фенн, завтра не будет никаких трудностей, уверяю вас. Вы будете приведены к присяге, а затем доложите, как, согласно моей инструкции, завязали дружбу с Кроу и вместе с ним посетили множество собраний участников пацифистского движения. Вы сообщите, что видели его в обществе стратегов движения в защиту мира, таких как Триг Картер. Вы видели, что они вели серьезные беседы, оживленно разговаривали между собой. Вам не придется говорить, что вы подслушивали эти разговоры и слышали, как он выдает секретные сведения о развертывании войск гарнизона. Расскажите лишь о том, что видели, и предоставьте обвинителю от военной прокуратуры сделать все остальное. Этого вполне хватит для обвинительного заключения. Кроу будет иметь адвоката от военной прокуратуры, который задаст вам несколько формальных вопросов. На этом все закончится, и вы будете свободны.

Бонсон улыбнулся.

– Все ясно и просто, – добавил Вебер.

– Сэр, я... я не знаю, что смогу им сообщить. На этих вечеринках толкались сотни людей. Я не заметил никаких признаков того, что они затевают что-то втайне, или обсуждают будущее развертывание частей, или...

– Вот что, Донни, – сказал Бонсон, наклоняясь вперед и пытаясь улыбнуться. – Я знаю, что вам трудно и вы в растерянности. Но доверьтесь мне. Вы оказываете своей стране большую услугу. Вы делаете большую услугу морским пехотинцам.

– Но я...

– Донни, – вмешался Вебер, – они знали. Знали.

– Что знали?

– Знали, что мы направили Третий пехотный в Вирджинию, что Национальная гвардия округа Колумбия ни на что не годна, что Сто первый воздушно-десантный не мог отойти от Министерства юстиции, а Восемьдесят второй блокирует Ключевой Мост и что полицейские вымотаны до предела после восьмидесяти часов бессменного дежурства. Это была сложная шахматная партия: они кидаются куда-то, мы делаем ответный ход, – и ее смысл для них заключался в том, чтобы прорваться именно к тому мосту, где перед ними стояли бы морские пехотинцы Соединенных Штатов, где были наибольшие шансы на серьезное столкновение, которое выигрышно выглядело бы на телеэкранах. И в общем-то они этого добились. Еще один мученик. Еще одна катастрофа. Министерство юстиции опозорено. Колоссальная пропагандистская победа. Они уже маршируют с портретами Эми в Лондоне и Париже. Следует отдать им должное: это была очень хорошо продуманная кампания.

– Да, сэр, но ведь мы пытались спасти ее. Девчонка просто запаниковала. Мы не имели к этому никакого отношения.

– Зато это имело прямое отношение к вам, – ответил Бонсон. – Они хотели, чтобы она упала с моста и чтобы в ее падении обвинили морских пехотинцев. Посудите сами, насколько это выгоднее, чем обвинять вашингтонскую столичную полицию или какое-нибудь третьеразрядное подразделение Национальной гвардии. Да половина Национальной гвардии сама пойдет на эти демонстрации, только дай им волю. Нет, они стремились устроить большой скандал именно вокруг морских пехотинцев, и это им удалось! А все возможности им дал Кроу. Теперь необходимо раскрыть всю эту кухню перед публикой, объяснить, что нас предали изнутри, и стремительно действовать, чтобы восстановить доверие в системе, устранив измену. И я не могу представить более впечатляющего контраста для американской публики, чем между Кроу, вышвырнутым из Лиги плюща, с его странными связями, и вами, заслуженным боевым ветераном из маленького городка на Западе, достойно выполняющим свои обязанности. Это будет очень поучительно!

– Да, сэр, – сказал Донни.

– Отлично, отлично. Десять ноль-ноль. Гляди веселей, капрал. Ты наверняка произведешь хорошее впечатление на офицеров из военной прокуратуры. Тебе предстоит большое будущее, – будущее, которое мы с тобой делаем сейчас вместе.

– Да, сэр, – сказал Донни.

Офицеры поднялись, и Донни вскочил вместе с ними.

– Ладно, Вебер, здесь мы все закончили. Можете отдыхать, Фенн. Завтра у вас большой день, начало вашей будущей жизни.

– Я вызову автомобиль, сэр, – предложил Вебер.

– Нет, я сам его вызову. А ты... Знаешь что, расскажи-ка ему, какая у нас варится каша.

– Хорошо, сэр.

Бонсон вышел, оставив молодых людей наедине.

– Теперь послушай меня, Фенн. Я поганый коп. И хочу сообщить тебе плохие новости. Я сфотографировал тебя, когда ты курил травку вместе с Кроу, усек? Дружище, с этими фотографиями они в любой момент смогут распять тебя на кресте. Я имею в виду больших

шишек. Я уже говорил тебе, что этот парень, Бонсон, серьезный человек. Так вот, он очень серьезный человек, тебе понятно? Так что отдай ему то, что он хочет,— скальп еще одного плохого мальчика, чтобы он мог повесить его в своем вигваме. Он уже послал толпу народа в 'Нам и собирается послать еще больше. Я не знаю, зачем он это делает и почему, но твердо знаю одно: он пнет тебя в задницу, и ты снова улетишь в Дурную Землю, а он никогда больше даже не вспомнит о тебе. У тебя очень простой выбор. Или ты, или Кроу. Дружище, не стоит понапрасну отказываться от жизни. Въехал?

– Да, сэр.

– Ты умный парень, Фенн. Я знал, что ты все поймешь правильно.

В 23.00 Донни не спеша вышел из казармы через парадные двери. Кто мог остановить его? Дежурным был в ту ночь какой-то капрал из первого взвода; он сидел в каморке первого сержанта и, когда Донни проходил мимо, что-то писал в дежурном журнале.

Донни вразвалочку подошел к главным воротам базы и помахал рукой часовому. Тот махнул в ответ. Согласно правилам, парень должен был проверить увольнительную, но после тревоги о таких тонкостях гарнизонного устава морской пехоты никто не вспоминал. Так же не спеша Донни перешел через Первую улицу, прошел немного вперед, свернул в переулок налево и обнаружил свой «форд-импала» 1963 года точно на том месте, где оставил его. Он сел в машину, включил зажигание и тронулся с места.

Чтобы добраться до парка Потомак, совсем недавно покинутого Майской трибой, ему потребовалось совсем немного времени. Там все еще стояло несколько палаток, горело несколько костров. Донни оставил автомобиль у обочины, дошел до лагеря, задал несколько вопросов и вскоре нашел нужную палатку.

– Джулия! – негромко крикнул он.

Но на его зов вылез Питер.

– Она спит,— сказал он.

– Я должен увидеться с нею.

– Будет лучше, если она поспит. Я дежурю за нее.

Двое молодых людей стояли лицом к лицу, оба носили джинсы и теннисные туфли фирмы «Джек Перселл». Но туфли Донни были белыми, потому что он мыл их не реже раза в неделю. А обувь Питера выглядела так, будто он не мыл ее по меньшей мере с пятидесятих годов. Донни был одет в застегнутую до ворота пеструю рубашку с короткими рукавами, а на Питере была свисавшая чуть ли не до колен, мешковатая как парашют футболка, пестревшая разноцветными бесформенными пятнами. Волосы Донни были острижены ненормально коротко и лишь на макушке торчали коротким ежиком; укрытые повязкой нечесанные волосы Питера были ненормально длинны, во все стороны торчали взлохмаченные курчавые пряди. Донни был гладко выбрит; лицо Питера обрамляла неопрятная щетинистая рыжеватая бородка.

– Это замечательно,— сказал Донни.— Но я должен увидеть ее. Она мне нужна.

– Мне она тоже нужна.

– Ну, знаешь ли, тебе она ничего не обещала. А мне отдала свою любовь.

– А я хочу, чтобы она отдала свою любовь мне.

– Тебе придется подождать.

– Я устал ждать.

– Послушай, это просто смешно. Убрался бы ты, что ли.

– Я не оставлю ее одну.

– Ты что, считаешь меня каким-нибудь насильником или убийцей? Я ее жених. Я собираюсь на ней жениться.

– Питер,— сказала Джулия, выходя из палатки,— все в порядке. На самом деле.

– Ты уверена?

У Джулии был усталый вид, но она оставалась все той же прекрасной юной женщиной с волосами цвета спелой соломы, стройным худощавым телом и огоньком в глубине ярко-голубых глаз. Оба юноши уставились на нее, молча умоляя ее предпочесть его другому.

– Ты в порядке? – спросил Донни.

– Я была под арестом в «Колизее».

– О Христос!

– Нет, там не было ничего плохого.

– Вы убили девочку, – сказал Питер.

– Мы никого не убивали. Это вы убили ее, внушив ей, что ее присутствие на этом мосту очень важно, а мы все – насильники и убийцы. Вы напугали ее, и она запаниковала. Вы заставили ее прыгнуть вниз. А мы пытались спасти ее.

– Ты, чертова задница! Это вы убили ее! Ты здоровый тренированный парень, и ты можешь излупить меня так, что из меня посыплется дерьмо, но это вы убили ее!

– Хватит визжать. Я никогда не убивал никого, кто не держал бы в руках винтовку и не пытался бы убить меня самого или моих корешей.

– Питер, все в порядке. Ты должен оставить нас одних.

– Ради Христа, Джулия!

– Ты должен оставить нас одних.

– А-а-а Ну ладно. Но что ни говори, в любом случае, Фенн, ты счастливчик. На самом деле.

Питер повернулся и чуть ли не бегом скрылся в темноте.

– Я никогда не замечала за ним такой смелости, – заметила Джулия.

– Он влюблен в тебя без памяти.

– Он просто мой друг.

– Прости, что я не смог выбраться сюда раньше. Мы сидели взаперти по тревожному расписанию. Из-за Эми случилось столько всякого дерьма. Мне очень жаль Эми, но мы к этому никак не причастны.

– О Донни...

– Я хочу жениться на тебе. Я люблю тебя. Мне ужасно тебя не хватает.

– Тогда давай поженимся.

– А вот тут-то и есть загвоздка, – сказал Донни.

– Загвоздка?

– Да. Между прочим, я почти дезертир. Я в самоволке. Без разрешения покинул территорию части. Завтра обо мне доложат на утреннем разводе. Вероятно, со мной что-то сделают. Но я должен был увидеться с тобой.

– Донни?

– Дай-ка я расскажу тебе все по порядку.

И он рассказал ей все начиная с момента его вербовки, рассказал о том, что он делал, чтобы завязать предательскую дружбу с Кроу, о том, как он бывал на вечеринках, объяснил, почему он так странно вел себя той ночью, об операции на мосту, об аресте Кроу и наконец о том, что ему предстояло сделать завтра.

– Ради всего святого, Донни, мне так тебя жаль! Это так ужасно!

Джулия прижалась к нему, и, ощутив ее тепло, он на секунду забыл обо всех своих проблемах и снова стал Донни Фенном из округа Пима, героем футбольных матчей, на которого все глядят снизу вверх, который пробегает сорок метров за четыре и семь, выжимает, лежа, двести пятьдесят килограммов и при этом заслуженно гордится высокими результатами тестирования умственного развития и тем, что прилично относился к самым последним жабам и червякам, которые были в его школе, и никогда никого не унижал и не обижал,

потому что это было недостойно его. Но тут он моргнул и вернулся в темный парк, где не было никого, кроме Джулии с ее теплом, ее ароматом, ее сладостью, и когда он выпустил ее из объятий, на него тут же снова навалились все беды и тревоги последних дней.

– Донни, разве ты не сделал для них уже достаточно? Я хочу сказать, ведь ты же был ранен, шесть месяцев пролежал в этом ужасном госпитале, потом вернулся и исполнял все, что тебе приказывали. Когда же все это кончится?

– Все кончится, когда я сниму форму. Я не ненавижу Корпус. Это не его дела. Это устроили парни из военно-морской разведки, эти суперпатриоты, у которых все вычислено и предусмотрено.

– О Донни, как ужасно!

– Меня это не устраивает. И совершенно не нравится. Такие игры вовсе не для меня.

– А разве ты не можешь с кем-нибудь поговорить? Например, со священником, или адвокатом, или кем-нибудь еще? И вообще, разве у них есть право устраивать с тобой такие вещи?

– Ну, насколько я понимаю, это вовсе не незаконный приказ. Это приказ вполне законный. Они же не требуют от меня делать что-нибудь недопустимое, например расстреливать детей в траншеях. Я не знаю, с кем я мог бы поговорить, кто не ответил бы мне: «Просто исполняйте свой долг».

– А если ты откажешься давать показания, то тебя снова пошлют во Вьетнам?

– В этом-то все и дело.

– О боже! – воскликнула Джулия.

Она отвернулась от Донни и отошла на два шага в сторону. За дорожкой струились воды Потомака, а за ними лежал темный берег, Вирджиния. Над головой раскинулся плотный небесный ковер, густо усеянный звездами.

– Донни, – произнесла она после долгого молчания, – есть только один ответ.

– Да, я знаю.

– Возвращайся. Сделай то, что от тебя требуют. Ты должен сделать это, чтобы спасти себя.

– Но ведь я вовсе не уверен, что он в чем-то виновен. Возможно, он не заслуживает того, чтобы его жизнь была исковеркана лишь потому, что...

– Донни, просто сделай это. Ты же сам считал, что этот Кроу ничемный человек.

– Ты права, – откликнулся Донни после продолжительной паузы. – Я вернусь, я сделаю это и покончу со всей этой гадостью. Мне остается одиннадцать месяцев и несколько дней, так что не пройдет и года, как меня отпустят и мы заживем своей жизнью. Вот и все, что для этого требуется. Это прекрасно, это замечательно. Я решил.

– Нет, ты не решил, – ответила она. – Я точно знаю, когда ты лжешь. Нет, мне ты никогда не лгал. Ты лжешь самому себе.

– Я должен с кем-нибудь поговорить. Мне необходима поддержка.

– А я для этого не гожусь?

– Если ты любишь меня, о чем я молюсь и на что надеюсь, то не можешь рассуждать беспристрастно.

– Ну ладно, тогда с кем же?

Действительно, с кем?

На самом деле ответ был только один. Не со священником или юристом из военной прокуратуры, не со взводным сержантом Кейзом, или первым сержантом, или сержант-майором, или полковником, или даже командующим Корпусом морской пехоты.

– Триг. Триг должен знать, что делать. Мы поедем к Тригу.

Питер издали с горечью наблюдал за ними. Они обнимались, они разговаривали, потом вроде бы ссорились. Она отошла в сторону. Он последовал за нею. Питера убивало ощущение близости, существовавшей между ними. Донни олицетворял все, что он ненавидел в мире: сильный, красивый, уверенный в себе блондин, спокойно берущий то, что считает своим, и ничего не оставляющий другим.

Он, не отрываясь, следил за ними, пока наконец они не направились к старому автомобилю Донни и не сели в него. Питер весь кипел от гнева, в его мозгу складывались различные козни, его переполняла энергия.

Не думая о том, что делает, он рысцой подбежал к «фольксвагену», который одолжил ему Ларри Френкель. Он включил зажигание, не дав мотору прогреться, рванул рычаг переключения скоростей и устремился следом за ними. Питер не знал, зачем он это делает, не думал, что в этом может быть какой-то смысл, но чувствовал, что не способен ни на что другое, кроме как следовать за ними.

Глава 07

Питер чуть не потерял их. Он едва успел подняться на пригорок, как увидел, что фары другого автомобиля осветили холм и грунтовую дорогу, тянущуюся за воротами, и погасли. Сам он ехал с выключенными фарами, но в ярком лунном свете достаточно ясно видел дорогу перед собой. Он медленно подъехал к воротам, но не увидел ничего, что имело бы для него хоть какой-нибудь смысл, если не считать белого почтового ящика, на котором черными буквами была написана фамилия владельца: Уилсон. Он находился на 35-м шоссе примерно в восьми километрах к северу от Джермантауна.

Какого черта их сюда принесло? Что им известно? Что вообще происходит?

Он решил отъехать на сотню метров и немного подождать. А то ведь могло получиться и так, что, въехав туда, они без задержки отправятся обратно и столкнутся с ним на дороге. Ничего более постыдного просто нельзя было себе представить.

Поэтому Питер решил просто смотреть и ждать.

Поднявшись на вершину холма, они выключили мотор. Внизу лежала ферма непонятной специализации: дом неопишемого вида, двор, сарай. Можно было разглядеть валяющиеся газовые баллоны и ржавеющие остовы тракторов, но не было никаких признаков присутствия животных. Ферма больше всего походила на заброшенное поселение из Даст-Боул²⁵.

Но все же что-то там происходило.

Через двор протянулись две полосы света, и Донни с его необыкновенно острым зрением сумел разглядеть автофургон с включенными фарами, клубившиеся облака пыли и двух мужчин, которые в свете фар перетаскивали из сарая в машину какие-то тяжелые мешки.

– Кажется, это Триг, – сказал Донни. – А второго парня вижу в первый раз.

– Мы спустимся к ним?

Донни внезапно почувствовал неуверенность.

– Я не знаю, – сказал он. – Не могу понять, что за чертовщина там происходит.

– Он помогает своему другу грузить машину.

– Темной ночью?

– Ну, ведь всем известно, что он необычный парень. Конечно, он живет не по часам.

На эти слова возразить было нечего: Трига и впрямь никак нельзя было отнести к числу людей, ведущих размеренный образ жизни.

– Ладно, – решил Донни, – мы спустимся туда. Только ты держись сзади. Сначала я разберусь, что к чему. Не нужно, чтобы тебя видели, пока не выяснится, что происходит. Когда будет можно, я позову тебя, ладно? Просто мне это не слишком нравится.

– Твои слова слегка пахивают паранойей.

Так оно и было на самом деле. Какое-то ощущение опасности прямо-таки висело в воздухе, но Донни не мог понять, почему оно появилось. Возможно, это ощущение было порождено странностью всего происходившего и не имело никакого смысла. А может быть, повинна во всем усталость, навалившаяся на него после многих часов боевой готовности.

Они начали спускаться с холма, обошли дом и в конце концов оказались в тылу у грузчиков. Теперь Донни мог как следует разглядеть их. Оба работали в джинсах и хлопчатобумажных рубашках. Они наваливали на тачку неаккуратные мешки с удобрениями, подвозили к фургону и очень плотно укладывали туда. На каждом мешке можно было разглядеть надпись «Аммиачная селитра». Колесо тачки поднимало с земли клубы пыли; освещенная

²⁵ Даст-Боул (Пыльная чаша) – регион на севере центральной части США, опустошенный и заброшенный после необыкновенно сильных пыльных бурь, случившихся в 1930-х гг.

яркими лучами фар и желтоватым светом, выбивавшимся из раскрытой двери сарая, пыль сплошным мерцающим облаком плавала в воздухе и оседала на всем, что было поблизости,— на грузовике, на людях и на всем остальном. У Трига и у его напарника рты и носы были завязаны красными платками.

Жестом приказав Джулии отступить во тьму, Донни зашагал вперед. Пыль сразу же набилась ему в рот, в нос и в легкие, и он закашлялся. Впрочем, никто его пока что не замечал.

– Триг! – позвал он.

Услышав свое имя, Триг сразу же повернулся, но второй человек отреагировал гораздо быстрее: безошибочно повернувшись лицом к Донни, он вперил в него пристальный взгляд темных глаз. Его голову украшала пышная шапка спутавшихся белокурых волос, куда более густая, чем у Трига, он был крупным и мощным. Триг рядом со своим напарником напоминал поэта, вздумавшего водить дружбу с портовым грузчиком.

– Триг, это я, Донни. Донни Фенн.— Он нерешительно шагнул вперед.

– Донни, ради Христа, я не ожидал тебя сегодня.

– Ну, ты же приглашал меня приехать сюда.

– Да, конечно. Донни, познакомься, это Роберт Фицпатрик, мой старый друг из Оксфорда.

– Привет,— сказал Роберт. Он снял свою повязку и улыбнулся, продемонстрировав полный рот безупречных зубов; такой улыбке могли бы позавидовать многие голливудские кинозвезды.— Так это ты и есть герой войны, а? Знаешь ли, мы очень надеемся на тебя! Нам для нашего движения очень нужны такие парни. Мы остановим эту проклятую бойню и засыплем западные поля конским навозом и селитрой, если только я хоть что-нибудь понимаю в жизни. Засучи-ка рукава, мой мальчик, и присоединяйся к нам. Нам очень пригодилась бы крепкая спина. Мой распроклятый погрузчик намертво сломался, и я вдвоем с этим слабаком должен вручную таскать удобрения для разбрасывателя. Приходится заниматься этим по ночам, чтобы не так страдать от жары.

– Роберт, он семьдесят два часа торчал на боевом дежурстве,— прервал его Триг.— Ему сейчас не стоит слишком надрываться.

– Нет, я...

– К тому же мы уже почти закончили, так что не о чем беспокоиться.

– Ты так неожиданно исчез.

– А, просто еще одна демонстрация. Я совершенно выдохся. И что мы всем этим доказали? Я утратил всякое желание заниматься движением.

– Желание к тебе скоро вернется, сынок,— тепло сказал гигант Фицпатрик.— Схожу-ка я принесу пива перед последним натиском. Подожди здесь, Донни Фенн.

– Нет-нет, мне просто нужно было обсудить с Тригом одну вещь.

– О, Триг наставит тебя на путь истинный, не сомневайся.— В голосе Фицпатрика прозвучали нотки истинного веселья.— Так что я все-таки схожу и притащу что-нибудь, чтобы промочить горло. А вы, парни, пока что поболтайте.

С этими словами он повернулся и направился к дому.

– Ну, Донни, так что же случилось?

– Это насчет Кроу... Его арестовали. Нарушение Единого кодекса военной юстиции. Предполагается, что я буду свидетельствовать против него через... — Донни посмотрел на часы,— примерно через семь часов.

– Понимаю.

– Наверное, не очень. Мне поручили шпионить за ним. Это было мое задание. Вот почему я сошелся с ним. Я должен был докладывать обо всем, что он делает за пределами базы, и следить за его встречами с известными участниками пацифистских групп. Вот

почему я оказался вместе с ним на вечеринке. Вот почему на следующий день пришел на вечеринку к тебе. Мне было приказано шпионить.

Триг некоторое время молча смотрел на него, а потом сделал совершенно неожиданную вещь – засмеялся.

– Так это и есть твоя великая тайна? Дружище, на самом деле? – Теперь он уже хохотал в голос. – Донни, раскинь мозгами. Ты служишь у них. Они могут поручить тебе заняться этим. Стоит им так сказать, как это становится твоей обязанностью. В Вашингтоне в последнее время все увлекаются этой игрой. Каждый следит за каждым. У каждого есть мнение, представление, идея, что все пытаются делать какие-нибудь гадости или что-то продавать. Я и думать об этом не хочу.

– Да нет, дело похуже. Им взбрело в головы, что тыходишь в руководство «Штормового подполья» и что именно ты стоишь за всеми этими событиями. Можно ли придумать что-нибудь глупее? Дескать, он снабжал тебя секретными сведениями и поэтому Майская триба смогла так унижить Корпус.

– Дружок, чтобы удивить меня, их воображения все равно не хватит!

– Так что же мне все-таки делать, Триг? Я приехал специально для того, чтобы спросить тебя об этом. Насчет Кроу. Нужно мне давать показания?

– А что произойдет, если ты откажешься?

– У них есть фотографии, на которых я курю дурь. Забавно, я уже давно не прикасаюсь к ней, а вот сейчас покурил, чтобы сойтись с ними. Меня могут послать в Портсмут. Или, что вероятнее, в 'Нам. Они вполне могут отправить меня туда при ближайшей смене состава, хотя у меня уже не хватает срока.

– Выходит, что они самые настоящие подонки, верно?

– Ну да.

– Но сейчас это нам совершенно неважно. В смысле, что это за люди. Речь не о них. Мы и так знаем, кто они такие. Дело касается тебя. Ну, тут все гораздо проще.

– Как это проще?

– Вот так. Давай свои показания. По одной-единственной причине: ты не должен позволить им убить тебя. Смертью ничего не докажешь. Кому может быть выгодна смерть Лохинвара? Кто побеждает, когда погибает Ланселот²⁶?

– Триг, но я-то всего лишь простой парень.

– Не опускай руки. Обязательно кто-то выступит с другой стороны и расскажет, как все происходило на самом деле.

– Но, – повторил Донни, – но я лишь простой парень.

Окружающие постоянно убеждали Донни в том, что он представляет собой нечто большее, чем казалось ему самому, что он является в чем-то исключительной личностью. Сам он никогда не мог в это поверить. Причиной такого мнения было только то, что ему посчастливилось уродиться красивым, но в глубине души он был таким же напуганным, таким же бестолковым простофилей, каких двенадцать на дюжину, что бы там ни говорил Триг.

– Я не знаю, – неуверенно протянул Донни. – Все-таки виноват он или нет? Это много значит.

– Это ничего не значит. А значение имеет только одно, кого отдать: либо тебя, либо его. Вот проблема, которую тебе необходимо разрешить. Ты или он! Я голосую против него. При любой погоде я голосую против него.

– Но все-таки виновен он или нет?

– Я больше не вхожу во внутренний круг. Я нечто вроде странствующего посла. Так что не могу точно сказать.

²⁶ Ланселот – непобедимый рыцарь из цикла легенд о короле Артуре.

– О, ты должен знать. Должен. Виновен он или нет?

Триг помолчал.

– Ладно, – сказал он после продолжительной паузы. – Мне очень хотелось соврать тебе. Но, черт возьми, нет, он не виновен. У тех, кто сидит на самом вершине, имеется какой-то совершенно сверхъестественный источник информации, но до меня доходят только отдельные обрывки сведений. Нет, я не думаю, что это Кроу. Но говорю тебе чистую правду: это не имеет значения. Ты должен позволить угробить его и продолжать свою жизнь. Пусть даже он не виновен в том, в чем его обвиняют; за ним множество всяких других серьезных грехов.

Донни молча смотрел на Трига. А тот прислонился к радиатору автомобиля, взял картонный пакет из-под молока, полный воды, и вылил себе на голову. Струйки воды хлынули на землю, промыв бороздки в пыли, которая густо облепила его красивое лицо. Триг помотал влажными волосами, разбрасывая в стороны капли, а затем вновь повернулся к Донни.

– Донни, ради Христа. Спасай свою собственную жизнь!

У Питера был не такой уж большой запас терпения, и долгое ожидание давалось ему с большим трудом. Он вылез из автомобиля и принялся прогуливаться по шоссе. Вокруг было совершенно темно и тихо – обстановка, абсолютно незнакомая молодому человеку, проводящему почти всю свою жизнь на городском асфальте. Временами до него доносилось стрекотание сверчков, над головой уходило в бесконечность полное звездное ночное небо, но его не интересовали ни звезды, ни насекомые. Ничего не видя и не слыша вокруг себя, он дошел до ворот, немного постоял, а потом перелез через них. Дальше начинался небольшой пригорок, на который взбегала грунтовая дорога. Питер знал, что автомобиль перевалил через этот пригорок и, когда те, кого он выслеживал, поедут обратно, он окажется прямо на их пути, в свете фар. Поэтому он отошел в сторону от дороги и только оттуда начал подниматься на пригорок, чтобы, когда Донни и Джулия будут возвращаться, упасть на землю и остаться незамеченным.

Он не спеша поднялся на холмик, ощущая себя таким же одиноким, как и тот парень, который гулял по поверхности Луны. Оттуда Питер увидел ферму. Джулии нигде не было видно, зато он отчетливо видел Трига и Донни; они стояли бок о бок, опершись на капот грузовика, застывшего с включенными фарами посреди двора между домом и сараями, и о чем-то оживленно разговаривали. Не было заметно ни малейших признаков опасности, вообще ничего необычного – просто два приятеля, которым сдуру пришлось в головы поболтать среди ночи.

Затем его начали одолевать сомнения. Чем это Триг мог здесь так самозабвенно заниматься? Что это было за место? Вообще, что здесь происходило? Все это никак не складывалось с тем, что Питер знал о Триге.

Ощущая, как его все больше и больше охватывает растерянность, он шагнул вперед и чуть не упал, споткнувшись обо что-то невидимое.

С земли перед ним поднялись две человеческие фигуры.

Вот проклятье, подумал он, разглядев, что оба незнакомца одеты в аккуратные костюмы и один из них держит в руке фотоаппарат с длиннофокусным объективом.

Это могли быть только агенты, шпионившие за Тригом.

У них была характерная внешность агентов ФБР: невыразительные бульдожьи лица и стрижка ежиком. Впрочем, на голове одного из них красовалась шляпа. Похоже, они не пришли в восторг оттого, что их обнаружили.

– К-к-кто вы т-т-такие? – спросил Питер дрожащим голосом. – Ч-ч-что вы т-т-тут делаете?

– Нет, не думаю, что я смогу вот так продать его, – сказал Донни.

– Донни, это не вестерн. Здесь не будет хороших парней. Ты меня слышишь? Это настоящая жизнь, и здесь не бывает чудесного спасения. Или ты, или Кроу; тебе нет смысла отдавать свою жизнь ради Кроу.

– Полагаю, что это был бы красивый жест, – заметил Донни.

– Ну так вот, – продолжал Триг, как будто не слышал его последней реплики. – Я пытаюсь облегчить тебе решение. Все, что тебе нужно делать, это сотрудничать с ними. А потом, когда война закончится, ему скостят срок. Может быть, ему даже не придется прослужить ни одного дня. Власти что-то решат, он выйдет и нормально проживет остаток жизни. Он даже не будет сильно расстраиваться.

Донни не забыл, что недавно даже сам Кроу дал ему тот же самый совет: «Донни, если до этого дойдет, сдавай меня, не задумываясь». Кроу откуда-то знал, что так случится.

– Ладно, – сказал он после очередной паузы.

– Исполни свой долг, Донни. Но думай, чего это тебе стоит. Ладно? Думай о том, каково тебе сейчас приходится. А потом, когда тебя отпустят из армии, окажи мне одну услугу, хорошо? Независимо от того, что со мной к тому времени случится, пообещай мне одну вещь.

Триг зажмурился, как будто у него заболели глаза от ослепительного света фар, хотя ему просто что-то попало в глаз. Он показался Донни очень знакомым и близким человеком: это напряженное лицо, его выражение, ясность взгляда... И... И что же еще?

– Будь спокоен, – заверил Донни.

– Больше шевели мозгами. Думай о том, что возможность распределять обязанности между людьми – это власть над жизнью и смертью. И если люди налагают на тебя какие-то обязанности, то не исключено, что они делают это не в твоих интересах и не в интересах страны, а только исходя из каких-то собственных соображений. Ладно, Донни? Заставляй себя думать о мире, в котором каждый человек выполнял бы свои собственные обязанности и никто никому не указывал бы, что делать, в котором единственным законом были бы Десять Заповедей.

– Я... – выдавил из себя Донни и запнулся.

– Вот что, – сказал Триг. – У меня для тебя кое-что есть. Я собирался послать это тебе из Балтимора, но ты дал мне возможность сэкономить на марках и избавил от лишней беготни. Это так, мелочь.

Он шагнул в сторону, присел над лежавшим на земле густо покрытым пылью рюкзаком, пошарил внутри и вытащил папку. Раскрыв ее, он достал оттуда лист плотной бумаги.

– Иногда, – сказал он, – когда мной руководит дух, я бываю очень даже ничего себе. Конечно, птицы удаются мне намного лучше, но это у меня тоже неплохо получилось. Впрочем, пустяк.

Донни всмотрелся в подарок: это был лист кремовой бумаги, вырезанный из того альбома, который Триг всегда носил с собой. На нем очень тонкими чернильными штрихами были изображены он сам и Джулия, увлеченные разговором среди деревьев в парке Потомак.

В рисунке было нечто особое: художник запечатлел их, возможно, не так точно, как это сделала бы фотокамера, зато он смог каким-то образом передать их любовь, то, как они смотрели друг на друга, то безоговорочное доверие, которое они имели друг к другу.

– Вау! – воскликнул Донни.

– Сам ты вау. Я набросал это той же ночью в моей тетради. Это было так красиво – вы двое рядом. Ко мне даже вернулась надежда, что у человечества еще может быть лучшее будущее. А теперь проваливай, убирайся отсюда ко всем чертям, выполняй свой долг!

Триг подтянул его к себе, и Донни почувствовал тепло его тела, крепость его поджарых мышц и, пожалуй, что-то еще: страсть, обращенную на непривычные ему объекты, но все же подлинную и впечатляющую. Похоже, что Триг плакал.

Из-за спин агентов ФБР Питер видел, как Донни и Триг обнялись, а затем Донни вышел из полосы света и исчез. Конечно, он направился к своей машине, которая, как теперь видел Питер, стояла всего лишь метрах в пятидесяти от него. Как же он промахнулся! Донни, конечно, увидит его здесь вместе с двумя шпионами, которые, судя по всему, не намеревались никуда уходить, и выставит его полнейшим дураком.

Он почувствовал, что его охватывает отчаяние.

– Я должен идти, – сказал он более крупному из двоих офицеров в штатском.

– Нет, – отрезал тот, и второй агент тут же шагнул ближе и схватил Питера, как будто собирался повалить его.

Питер попытался было вырваться, но его схватили еще крепче, и через несколько секунд он и впрямь оказался на земле. Двое мужчин наклонились над ним.

– Это просто смешно, – с трудом проговорил он.

Похоже, что они были согласны с ним. Они озадаченно смотрели друг на друга, словно не знали, что делать дальше, но в следующий момент один из них резко обернулся.

Мотор автомобиля Донни ожил; вспыхнули фары.

Человек с фотоаппаратом отпустил Питера, оставив второго, повыше ростом, следить за ним, и, пригибаясь, побежал к воротам.

– Ну что, помог он тебе? – спросила Джулия, пока они, не торопясь, шли по темной дороге.

– Да, – ответил Донни. – Он мне помог. По-настоящему. Теперь я знаю, что делать.

– Может быть, мне стоит пойти поздороваться с ним?

– Нет, он в каком-то очень странном настроении. Я плохо понимаю, что здесь происходит. Так что давай просто уберемся отсюда. Мне нужно еще кое-что сделать.

– А что он тебе дал?

– Это картина. Очень хорошая. Я потом покажу ее тебе.

Они поднялись на темный пригорок. Донни уже различал впереди очертания автомобиля. Но внезапно он почувствовал волнение: они были здесь не одни. Это было странное чувство, которое могло бы пригодиться в стране, населенной враждебными индейцами, – ощущение чьего-то взгляда. Он взгляделся в темноту, пытаясь рассмотреть опасность, но не увидел ничего, никакого движения. Одни только поля, слабо освещенные луной.

– А кто был этот блондин? – поинтересовалась Джулия.

– Фицпатрик, его приятель. Этаким здоровенный ирландец. Они грузили удобрения для разбрасывателя.

– Странно.

– Он сказал, что они решили заняться погрузкой ночью, чтобы не таскать мешки по жаре. Черт возьми, ведь это всего-навсего удобрения. Кто знает?

– Что же все-таки происходило с Тригом?

– Не знаю. Он был, м-м-м, странный, вот и все, что я могу сказать. У него было то же самое выражение, что и на фотографии в «Тайм», где он спасает окровавленного парнишку от полицейских в Чикаго и у него самого из головы хлещет кровь. Он был очень упорным, настойчивым, но можно было почувствовать за всем этим большое эмоциональное напряжение. Можно было подумать, что он готовился к смерти или чему-то еще в таком роде. Я не знаю, почему и как. Это немного меня напугало.

– Бедняжка Триг. Возможно, даже у богатых мальчиков есть свои демоны.

– Он изо всех сил обнял меня. Он плакал. Может быть, в этом было что-то от извращения. Я чувствовал, как его пальцы стискивали мои мышцы, и чувствовал, что он был счастлив, обнимая меня. Я не знаю. Все это очень непонятно.

Они дошли до автомобиля, Донни включил мотор и зажег фары. Подав задом прямо в траву, он развернулся и поехал по дороге к воротам.

– Господи! – вдруг воскликнул он. – Пригнись!

И в тот же момент из кювета появилась незнакомая фигура. Одетый в костюм человек находился слишком далеко для того, чтобы можно было что-то предпринять. В свете фар мелькнул фотоаппарат. Донни вздрогнул, когда перед ним вспыхнула лампа-вспышка, полностью ослепив его привыкшие к темноте глаза. Перед ним заплясали огненные круги, вызывавшие в памяти ночной обстрел с применением «отеля "Эхо"», он с силой нажал на газ, машина рванулась вперед, выскочила на дорогу, повернула направо, и вот тут-то он по-настоящему разогнался.

– Бог ты мой, они нас сфотографировали, – сказал он. – Шпики. Этот парень наверняка был из ФБР! Святой Христос!

– Я отвернулась, – сообщила Джулия.

– Значит, с тобой все в порядке. Не думаю, что он разглядел номер машины: фонарь номерного знака у меня давно разбит. Ему досталась только моя рожа. Очень она им пригодится! Шпики! Не-ет, все это очень странно.

– Я все думаю, что это может значить? – сказала она.

– А то, что Трига вот-вот арестуют. Трига и этого парня, Фицпатрика. Нам повезло, что мы вовремя убрались оттуда. Я находился в двух шагах от военной тюрьмы.

– Бедняжка Триг, – сказала Джулия.

– Да, – согласился Донни. – Бедняжка Триг.

Агент выпустил Питера. Тот встал и отряхнулся.

– Я ничего не сделал, – объяснил Питер. – Я приехал навестить моих друзей. Вы не имеете никакого права задерживать меня, понимаете? Я ничего не сделал.

Агент угрюмо взглянул на него и промолчал.

– Я пойду. Это вас совершенно не касается, – сказал Питер.

Он повернулся и пошел прочь. Агент, как ему показалось, был совершенно растерян. Питер шел вперед, ожидая, что его вот-вот окликнут, но оклика не последовало. Он сделал еще шаг и окончательно преисполнился уверенностью, но он не видел и, вероятно, даже не почувствовал мастерски нанесенного удара дзюдо, сломавшего ему позвоночник, и он, в расцвете своей прекрасной юности, преисполненный любви к своему поколению, преданный благородной идее мира, умер, не успев опуститься на землю.

Глава 08

Донни и Джулия въехали в округ Колумбия около четырех часов утра и зарегистрировались в мотеле на Нью-Йорк-авеню, в населенной туристами зоне, окаймляющей центр города. Они были слишком утомлены для секса, любви или хотя бы простых разговоров.

Донни поставил дешевый будильник на 8.00 и крепко спал, пока громкий дребезжащий звон не заставил его раскрыть глаза.

– Донни! – тревожно окликнула его тоже проснувшаяся Джулия.

– Милая, сейчас мне необходимо кое-чем заняться. Ты оставайся здесь, выпишь как следует. Я заплатил за две ночи. Я позволю тебе, как только смогу, и мы решим, что делать дальше.

– О Донни.

Она захлопала ресницами, отгоняя сон. Даже спросонья, с немного опухшим лицом и волосами, спутанными, как крысиное гнездо, она казалась ему несравненной красавицей. Донни наклонился и поцеловал ее.

– Только не делай чего-нибудь слишком глупого и не старайся проявить благородство, – предупредила Джулия. – Они убьют тебя.

– Обо мне не беспокойся, – уверенно ответил Донни. – Со мной ничего не случится.

Он быстро оделся, сел в машину, проехал полтора километра через район города, именованный Юго-восток, миновал Юнион-стейшн, свернул налево на холм, пересек огромную тень купола Капитолия, повернул на Пенсильвания-авеню и в конце концов оказался на Восьмой улице. Он нашел место для стоянки перед магазинами напротив базы, запер автомобиль и направился прямо к главным воротам.

С противоположной стороны Восьмой улицы маленький форпост морской элегантности казался совершенно безмятежным. Выстроившиеся вдоль улицы дома офицеров выглядели величественными и роскошными. В просветах между ними Донни видел толпившихся на «парадной палубе» людей в форменках; они занимались своей бесконечной строевой подготовкой, стремясь безукоризненно овладеть непостижимыми для всех непосвященных требованиями воинских ритуалов. Оттуда доносилась грубая, точная и требовательная брань младших командиров. Трава, которую пестовали отряжаемые в наряд специально для этой цели молодые люди, была, несмотря на удручающе жаркую весну, темно-зеленой, упругой и чистой, как ни в одном другом месте Вашингтона.

Он вразвалочку перешел улицу и оказался возле ворот, откуда за ним уже давно наблюдал дежуривший по проходной рядовой первого класса.

– Капрал Фенн, на разводе вас объявили в самовольной отлучке, – сообщил он.

– Я знаю. С этим я разберусь.

– Мне приказано доложить о вашем прибытии командиру вашей роты.

– Выполняйте приказание, рядовой. Будете вызывать береговой патруль?

– Насчет этого мне ничего не говорили. Но капитану Догвуду я сейчас позвоню.

– Валяй. А я пойду переоденусь в форму.

– Хорошо, капрал.

Донни миновал главные ворота, пересек вымощенную брусчаткой площадку для стоянки автомобилей и, повернув налево, направился по Солдатской аллее к казармам.

На ходу он обратил внимание на странный феномен: мир вокруг него как будто замер, по крайней мере мир Корпуса морской пехоты. Казалось, что марширующие взводы как один останавливаются и все солдаты провожают его глазами. Он чувствовал устремленные на него сотни взглядов; лающие команды, постоянно заглушающие одна другую, внезапно стихли.

Донни вошел в здание и поднялся по лестнице точно так же, как делал это уже сотни раз. Оказавшись на втором этаже – второй палубе, как было принято говорить, – повернул налево и, миновав кубрик отделения, вошел в свою комнатку.

Он отпер шкафчик, разделся, обул шлепанцы-вьетнамки, завернулся в полотенце и прошествовал в душ, где как следует обдал себя кипятком и густо намылился дезинфицирующим мылом. Вымывшись, он вытерся, вернулся в свою комнату, натянул свежие трусы и вытащил полуботинки.

Вид у них мог быть и получше. В течение следующих десяти минут он полностью сосредоточился на своей обуви, приводя ее в соответствие с извечной модой Корпуса морской пехоты, и в конце концов она засверкала, как новое зеркало. Как только он покончил с ботинками, в двери возникла идеально прямая, как и подобало кадровому военному, фигура взводного сержанта Кейза.

– Мне пришлось объявить тебя в самовольной отлучке, Фенн, – сообщил он тем особым, присущим только кадровым унтер-офицерам морской пехоты голосом, скрипевшим, словно наждачная бумага на меди. – Может быть, ты хочешь, чтобы я надрал твою молодую задницу пятнадцатой статьей?

– Застрял в городе. Были личные дела. Так что прошу извинить.

– Нарядов у тебя сегодня нет. Сказали, что у тебя ровно в десять важное дело по судебной части.

– Да, сержант. На Военно-морской верфи.

– Ладно, в таком случае я исключу тебя из рапорта. Сегодня ты делаешь то, что нужно, морпех. Ты меня слышишь?

– Да, сержант.

Кейз, удовлетворенный ответом, покинул его.

Хотя ему этого и не приказывали – он даже не знал, какая форма назначена сегодня приказом по базе, – он решил надеть парадную форму «синяя А». Натянул носки, подвязал их на икрах, чтобы они ни при каких обстоятельствах не сползли, снял с вешалки пару темно-синих брюк с красными лампасами и надел их. Зашнуровал свои сияющие полуботинки. Поверх свежей футболки надел идеально выглаженный синий форменный китель с горящими ярким блеском пуговицами и красными выпушками, застегнув его на все пуговицы до стоячего воротничка, украшенного рельефно вытканными золотом орлом, глобусом и якорем, подпоясался белым летним ремнем, туго затянув его, отчего его торс сделался похожим на торс молодого Ахиллеса, прогуливающегося под стенами Трои. Белые летние перчатки и белая летняя фуражка придали его облику полную завершенность.

На груди виднелись ленточки медалей – ничего бросающегося в глаза, потому что морские пехотинцы – суровые воины, не делающие ничего напоказ. Красная полоска напоминала о, пожалуй, самом горячем дне, когда он брел по грудь в густой от буйволиного навоза воде рисовой плантации, выволакивая обратно в мир живых, в мир новых шансов раненого рядового, а чуть ли не полмира одиночными выстрелами и очередями садили по нему пули. Лиловая ленточка²⁷ говорила о пуле, которая через несколько недель пробила ему грудь. Все остальное было в общем-то чепухой: ленточки медали Национальной обороны, медали за службу в Южном Вьетнаме, ленточка за упоминание в президентском приказе (в приказе было упомянуто все III десантное соединение морской пехоты, действующее в Дурной Земле), вьетнамский «Крест за храбрость» и знак стрелка-снайпера из винтовки и пистолета с подвесками повторного подтверждения. При взгляде на этот китель ни у кого не могло бы возникнуть ассоциаций с фруктовым салатом, зато каждому стало бы ясно, что перед ним

²⁷ Лиловая ленточка – знак медали «Пурпурное сердце», которой в США награждают военнослужащих, получивших тяжелые ранения во время боевых действий.

морской пехотинец, участвовавший в настоящих боях и получивший ранение, человек, ставший выполнить свой долг.

Донни поправил белую летнюю фуражку, чтобы козырек низко нависал над его синими глазами, вышел из комнаты и отправился на встречу с командером Бонсоном.

Он вышел из казармы и зашагал к кабинету капитана, откуда его должны были вызвать. Навстречу попался дежурный офицер, и Донни четко отдал ему честь.

– Фенн, я что-то не помню, чтобы на сегодня объявлялась такая форма.

– Сэр, для того места, куда я должен явиться, она в самый раз.

– Фенн... Выше голову. Будь молодцом.

– Спасибо, сэр.

Двое сержантов, в том числе Кейз, проводили его взглядами. К тому моменту когда он дошел до Солдатской аллеи, благодаря какой-то сверхъестественной вибрации воздуха все уже знали, что он надел полную парадно-строевую форму. Люди, облаченные в повседневное обмундирование, смотрели на него с подозрением, возможно, с некоторой враждебностью, но прежде всего с любопытством. Парадная форма, естественно, не была сегодня объявлена в приказе по гарнизону, и то, что морской пехотинец вызывающе, прямо-таки мятежно расхаживает в таком виде, было чрезвычайно странно. Вероятно, если бы Донни вышел из казармы голышом, он и то не произвел бы подобного фурора.

Донни шагал по Солдатской аллее, полностью отдавая себе отчет в том, что за ним следят все больше и больше глаз. Краем глаза он замечал, что люди подбегают поближе, чтобы хотя бы мельком взглянуть на его шествие. А когда он проходил мимо Центрального дома, где проживали не имеющие семей молодые офицеры, пара свободных от службы первых лейтенантов в бермудах и футболках вышла из подъезда, чтобы тоже посмотреть, как он проходит мимо.

Он вышел на стоянку, где уже стоял неподалеку от лестницы, негромко гудя включенным мотором, коричневый правительственный «форд», свернул налево, поднялся по ступенькам и вошел в комнату первого сержанта, через которую нужно было пройти, чтобы попасть в кабинет капитана Догвуда. Первый сержант, державший в руке украшенную надпись «Semper fi»²⁸ фарфоровую чашку с кофе, кивнул ему, а всегда толпившиеся здесь посыльные и ординарцы поспешно расступились, освобождая Донни дорогу.

– Тебя ждут, Фенн.

– Да, первый сержант, – ответил Донни.

Он вошел в кабинет.

Капитан Догвуд сидел за своим столом, а Бонсон и Вебер, оба облаченные в летнюю защитную форму, сидели напротив него.

– Сэр, капрал Фенн по вашему приказанию прибыл, сэр, – доложил Донни.

– А, Фенн, очень хорошо, – сказал Догвуд. – Вы что, забыли, какая на сегодня объявлена форма? Я...

– Сэр, никак нет, сэр, – ответил Донни. – Сэр, разрешите обратиться, сэр.

Наступила пауза.

– Фенн, – сказал капитан, – я должен как следует разобраться, прежде...

– Дайте ему сказать, – перебил Бонсон, очень неприветливо посмотрев на Донни.

Донни повернулся, чтобы смотреть ему прямо в лицо.

– Сэр, капрал желает заявить категорически, что он не станет свидетельствовать против такого же морского пехотинца, как и он сам, в обвинении, по которому не имеет никакой персональной информации. Он не станет давать ложных показаний под присягой и не будет

²⁸ «Semper fidelis» (лат.) – «Всегда верен» – девиз морских пехотинцев США.

принимать участие ни в каких слушаниях, касающихся Единого кодекса военной юстиции. Сэр!

– Фенн, что вы несете? – зловеще спросил Вебер. – Ведь мы же договорились.

– Сэр, мы никогда ни о чем не договаривались. Вы дали мне приказ вести расследование, что я и делал вопреки моим принципам, вопреки имеющимся у меня моральным убеждениям. Я выполнил свою обязанность. Мое расследование дало отрицательный результат. Сэр, вот и все, что я имею сказать по этому поводу, сэр!

– Фенн, – сказал Бонсон, вперив в него злобный взгляд, – вы и понятия не имеете, с какими силами взялись играть и к чему это может вас привести. Это вовсе не игра, это серьезное дело, это защита безопасности нашей нации.

– Сэр, я сражался за нашу нацию и проливал кровь за нашу нацию. Ни один человек, кто всего этого не прошел, не имеет права указывать мне, как нужно защищать нашу нацию, какое бы звание он ни имел, сэр! И еще, сэр, я хотел бы высказаться до конца, сэр. Вы дерьмо, подонок и червяк, и вы ничего не сделали для Соединенных Штатов Америки, и если вы хотите поговорить со мной с глазу на глаз, то давайте выйдем. И захватите с собой Вебера. Ему я тоже напинаю задницу!

– Фенн! – воскликнул лишившийся было дара речи Догвуд.

– Ладно, капитан Догвуд, – сказал Бонсон. – Я теперь вижу, какие морские пехотинцы служат у вас в «Восемь-один». Я очень разочарован. Это обязательно отразится и на вашей судьбе, капитан. Я подробно изложу все это в моем рапорте. Фенн, на вашем месте я пошел бы укладывать вещи. Не забудьте ботинки для джунглей.

Он повернулся и не спеша покинул кабинет.

– Это было глупо, Фенн, – сказал Вебер.

– Да пошел ты, Вебер, поганый жополиз.

Вебер ничего не ответил и повернулся к Догвуду:

– Посадите его под домашний арест. К четырем часам на него поступит приказ.

С этими словами он вышел следом за своим командиром.

Догвуд потянулся к телефону, негромко сказал кому-то несколько фраз и повесил трубку.

– Садись, Фенн, – сказал он, повернувшись к Донни. – Ты куришь?

– Нет, сэр.

– Ну а я курю. – После секундного колебания он закурил «Мальборо» и подошел к двери. – Уэлч, зайди ко мне!

Уэлч влетел в кабинет.

– Слушаю, сэр.

– Уэлч, ты должен до четырех часов получить отпускные бумаги для капрала Фенна и привезти их сюда, чтобы я завизировал. На семьдесят два часа. Если нужно будет обратиться к людям из Хендерсон-холла, то возьми мой автомобиль и шофера. И не стоять на перекрестках! Понятно?

– Э-э, конечно, сэр, только это очень необычно, я не...

– Ты слышал, что я сказал, Уэлч, – прервал его капитан. – Так что не трати время, действуй.

Он снова повернулся к Донни:

– Ладно, Фенн, я не могу помешать отправить тебя во Вьетнам, но, по крайней мере, в моих силах предоставить тебе немного свободного времени перед отъездом, если только мне удастся протолкнуть приказы, прежде чем ты попадешь в бумажную мясорубку Бонсона.

– Да, сэр.

– А теперь иди, переоденься в гражданское. Будь готов смыться при первой возможности.

– Есть, сэр. Я... Спасибо вам, сэр.

– О, еще минуточку. А, вот и она.

В кабинет вошла женщина лет под тридцать, приятной наружности. Донни узнал ее – это была жена капитана, изображенная на фотографии, стоявшей на столе Догвуда.

– Я принесла, Морт, – сказала она, протягивая конверт, а затем повернулась к Донни. – Вы, наверное, очень глупый молодой человек. Или очень смелый.

– Я не знаю, мэм.

– Держи, Фенн. Здесь шестьсот долларов. Больше у нас дома не нашлось. На эти деньги ты сможешь на несколько дней куда-нибудь уехать со своей подружкой.

– Сэр, я...

– Нет-нет, сынок, бери и молчи. Повеселись немного. Вернешь, когда будет возможность. А когда попадешь в 'Нам, не поднимай задницу от земли. Эта поганая дыра не стоит жизни ни одного морского пехотинца. Ни единого. А теперь ступай. Ступай, ступай, сынок. Удачи тебе.

ЧАСТЬ 2

СНАЙПЕРСКАЯ КОМАНДА «СЬЕРРА-БРАВО-4»

Республика Южный Вьетнам, 1 -й корпус, февраль – май 1 972 г.

Глава 09

Первый корпус морской пехоты непрерывно полоскался под проливным дождем. Стоял конец дождливого сезона, а дождливый сезон нигде не бывает дождливее, чем в республике Южный Вьетнам. Дананг, столица этой умирающей империи, был залит водой, но в сотне с небольшим километров от него, где было еще мокрее, стояла укрепленная полевая база, которую немногочисленные морские пехотинцы, еще остававшиеся в Дурной Земле, называли Додж-сити в честь знаменитого пограничного форта на реке Арканзас: обветшавшие валы из мешков с песком, 105-миллиметровые гаубицы, склады, ограждения из колючей проволоки и омерзительные дощатые нужники на четыре очка. Это было жалкое охвостье проигранной войны, и никто не хотел погибнуть зазря, прежде чем придет приказ о том, что эти печальные мальчики тоже могут вернуться домой.

Но морские пехотинцы еще оставались даже за пределами Додж-сити, в индейской стране²⁹. Двое из них прятались в рощице низкорослых деревьев подле вершины холма, обозначенного на картах только высотой в метрах – высота 519. Они, съевшись, сидели под дождем и смотрели, как капли собираются на полях их широкополых шляп, образуют лужицы и в конце концов проливаются ручейками, в то время как дождь выбивает барабанную дробь по плащ-накидкам, которыми они укрывались сами и защищали свое снаряжение.

Один из них грезил о доме. Это был ланс-капрал Донни Фенн, он уже дослуживал свой срок. В мае истекал его четырехлетний срок, и ему предстояло вернуться домой. Он совершенно точно знал свой ПСВОСР (предположительный срок возвращения по окончании службы за рубежом), как, впрочем, и любой человек, попавший во Вьетнам, начиная с тех, кто первыми прибыли туда в 1965 году, и заканчивая теми, кто все еще торчал там. У Донни этот срок приходился на 7 мая 1972 года. У парня это была уже вторая ходка сюда, он был награжден «Пурпурным сердцем» и Бронзовой звездой, и, хотя больше не верил в войну, он верил, страстно, неистово верил, что вернется домой. Он должен был вернуться.

Этим промозглым дождливым утром Донни мечтал о радостях сухой жизни. Ему представлялись родные пустыни округа Пима, что в Аризоне, городок Ахо и сверкающий знойными миражами сухой, как дыхание дьявола, воздух, сквозь который можно разглядеть причудливо искажающиеся Сонорские горы далеко в Мексике. Он мечтал о том, чтобы как следует прожариться на солнце в этих местах, а потом вернуться в колледж, на свой юридический факультет. Он мечтал о доме, о семье, о работе. А больше всего он мечтал о своей молодой жене, от которой только что получил письмо, и сейчас, когда он сидел под проливным дождем, ее слова явственно представляли перед его мысленным взором: «Крепись, держись веселее, морской пехотинец! Я знаю, что ты вернешься, и молюсь о том, чтобы этот день скорее наступил. Ты – самое лучшее, что у меня есть и когда-либо было, так что, если

²⁹ Индейская страна – так в США во времена войн против североамериканских индейцев называли любую территорию, где можно было встретить враждебно настроенных индейцев.

ты позволишь убить себя, я очень рассержусь! Я так на тебя обижусь, что никогда больше не стану с тобой разговаривать».

Он написал ей ответ перед тем, как отправиться на эту ничемную вылазку: «О моя сладкая, мне так тебя не хватает. Здесь все прямо-таки прекрасно. Я никогда раньше не знал, что пауки могут быть большими, как омары, или что дождь может лить непрерывно на протяжении трех месяцев, но это полезные знания, и когда-нибудь в мирной жизни они могут очень пригодиться. Но сержант намерен оставить меня в живых, потому что он самый классный из всех морских пехотинцев, которые когда-либо жили на свете, и он сказал, что если я сгину понапрасну, то ему будет некого шпынять и у него не останется вообще никаких развлечений!»

Под подкладкой его шляпы была спрятана завернутая в целлофан фотография Джулии. Она миновала свое увлечение хиппи и теперь работала в тусонском госпитале для ветеранов, среди людей, раненных на другой войне, и даже подумывала о карьере медицинской сестры. Красота Джулии на этой фотографии действовала на него, как луч света среди непроглядной ночи на заблудившегося и изголодавшегося человека.

По хребту Донни бегали мурашки от всепроникающего нескончаемого холода. Окружающий мир превратился в полужидкую субстанцию: грязь, туман или дождь – кроме них не существовало ничего. Это был сумрачный мир, тусклое освещение которого не давало возможности хотя бы приблизительно угадать время. Просто пар все время клубился в серой мгле – своего рода универсальное олицетворение безысходного несчастья.

Под накидкой он ощущал холодное прикосновение своей винтовки М-14 – таких во Вьетнаме к этому времени оставалось совсем немного; двадцатизарядный магазин упирался ему в ногу, и оружие можно было мгновенно пустить в ход в том случае, если «Сьерра-браво-четыре» подвергнется нападению, но этого ни в коем случае не могло произойти, потому что сержант обладал величайшим опытом по части выбора укрытий.

С собой у Донни было две фляги, рюкзак М-782, набитый сухими пайками – это были главным образом банки с жареной свиной, четыре гранаты М-26, автоматический кольт калибра 0,45, корректировочная труба М-49, кинжал с черным вороненым клинком, десять запасных двадцатизарядных магазинов с 7,62-миллиметровыми патронами натовского стандарта, перевязь с тремя клейморовскими противопехотными осколочными минами, одна электрическая подрывная машинка М-57, брезентовая сумка, набитая сигнальными ракетами, поверх которых лежала ракетница, и главный враг его жизни, отравы его существования, самая ненавистная из всех вещей, существующих на земле, – рация РРС-77, шесть килограммов радиодеталей, являвшихся для них единственной связью с Додж-сити.

– Пора свистнуть нашим, – сказал сержант; он сидел в нескольких метрах от Донни и пристально вглядывался в казавшийся размытым за струями дождя пейзаж, состоявший из мокрой листвы, плотно укрывавшей равнины, прогалины, джунгли и невысокие, тоже как бы оплывшие холмы. – Берись за дудку, Свинина.

– Проклятье, – пробурчал Донни, ведь для того, чтобы развернуть рацию, нужно было двигаться, а двигаться означало потревожить тонкую пленку испарившейся влаги, образовавшуюся на плащ-накидке вокруг его шеи, а это значило, что на теплую еще спину хлынет целый холодный водопад. В мире не было более холодного места, чем Вьетнам; впрочем, более горячего места тоже не было.

Донни заерзал под прикрытием своей накидки, извлек «прик-77» и, зная, что частота установлена совершенно точно, умудрился все-таки не вытаскивать рацию под дождь, а аккуратно наклонил ее вперед, выдвинув наружу, в наполненный сыростью воздух, только стодвадцатисантиметровую антенну.

Затем он вытащил из-под накидки наушник, прижал его к уху и щелкнул тумблером, перекинув его в положение «включено» И тут струя холодной воды, словно ледяное лезвие,

проникла под его тропический камуфляжный костюм и побежала между лопатками. Донни вздрогнул всем телом, чуть слышно выругался сквозь зубы и продолжил сражение с рацией.

Главным недостатком «приков» были не столько их ограниченный радиус действия и немалый вес, из-за чего они могли обеспечить надежную связь только в пределах прямой видимости, сколько – и это было самым главным – большой расход заряда батарей. Поэтому патрульные использовали их как можно экономнее, на заранее выставленных частотах, связываясь с базой только для кратких докладов. Донни нажал кнопку «передача»:

– «Фокстрот-сэндмэн-шесть», это «Сьерра-браво-четыре», перехожу на прием.

Но, нажав «прием», он услышал только громкий треск, вой и шипение. Ничего удивительного в этом не было: низкая облачность, дождь да еще и собственные причуды ландшафта. Иногда радиоволны проходили, а иногда и не проходили.

Он попробовал еще раз:

– «Фокстрот-сэндмэн-шесть», это «Сьерра-браво-четыре», вы меня слышите? Эй, кто-нибудь есть дома? Тук-тук-тук, откройте, пожалуйста, дверь.

Ответ оказался тем же самым.

– Может быть, они все спят?

– Не-а,– отозвался сержант со своим подчеркнутым южным протяжным акцентом,– сейчас уже слишком поздно, чтобы дрыхнуть с похмелья, и слишком рано для того, чтобы снова нажраться. Это как раз тот волшебный час, когда детки скорее всего продрали глазки. Продолжай долбить.

Донни снова нажал «прием» и еще пару раз повторил вызов, так же безрезультатно.

– Пожалуй, я попробую резервную частоту,– в конце концов сказал он.

Сержант кивнул.

Донни расправил накидку, чтобы можно было добраться до шкалы. Два диска с ухмылкой глядели на него, рядом с ними находились два переключателя: один для мегагерц, другой для килогерц. Он принялся вращать диск, разыскивая частоту 79,92, на которую Додж-сити иногда переходил без предупреждения, если нарушались условия прохождения радиоволн или были сильные атмосферные помехи. По мере вращения регулятора его рация продиралась через бесчисленное множество переговоров, которые велись над Вьетнамом в начале 1972 года, в сверхъестественной реальности улавливая такие станции, до которых ни при каких условиях не могла бы дотянуться.

Они слышали заблудившегося водителя грузовика, пытавшегося вернуться на 1-е шоссе, пилота, разыскивавшего свой авианосец, штабного писаря, уточнявшего какие-то данные; все это было хрипло, отрывочно и не слишком разборчиво, потому что радиоволны имели различную мощность, угасали и уходили.

Часть переговоров шла по-вьетнамски, потому что армия Южного Вьетнама пользовалась тем же самым диапазоном; часть вели армейцы, которых оставалось здесь гораздо больше, чем морских пехотинцев,– пятьдесят с лишним тысяч; часть относилась к Специальным силам, у которых все еще оставалось несколько крупных авиабаз на севере и на западе. Были здесь и призывы оказать огневую поддержку, и просьбы разрешить закончить поиск, и требования прислать побольше пива и говядины.

В конце концов Донни нашел то, что ему требовалось.

– Эй, «Фокстрот-сэндмэн-шесть», это «Сьерра-браво-четыре», слышите меня?

– «Сьерра-браво-четыре, я «Фокстрот-сэндмэн-шесть», да, мы вас слышим. Как ваша вахта, закончилась?

– Скажи им, что мы вот-вот утонем,– велел сержант.

– «Фокстрот-сэндмэн-шесть», мы промокли до костей. Здесь никакого движения. Ничего живого. «Фокстрот», прием.

– «Сьерра-браво-четыре», Свэггер что, хочет аварийно свернуть работу? Прием.

– Они хотят знать, не хочешь ли ты потребовать аварийного отзыва?

Патрулирование следопытов-убийц должно было продолжаться еще двадцать четыре часа, прежде чем охотников эвакуируют по воздуху, но сержант, похоже, совсем не надеялся на встречу с противником в такое время.

– Подтверждаю, – сказал он. – Нигде нет ни одного плохого парня. Они слишком умны для того, чтобы вылезать в такую погоду. Скажите им, чтобы нас как можно скорее выволокли отсюда ко всем чертям.

– «Фокстрот-сэндмэн-шесть», мы подтверждаем. Запросите воздушную эвакуацию.

– «Сьерра-браво-четыре», наши птички на приколе. Вам придется погулять, прежде чем мы снова замашем крылышками.

– Вот пакость, – сказал Донни, – они там завязли.

– Ладно, скажи им, что мы будем сидеть, не сходя с места, и ждать перемены погоды, но наверняка не принесем домой ни одного скальпа.

Донни нажал «передачу».

– «Фокстрот», вас понял. Мы сидим на месте и вернемся к вам, как только выглянет солнышко. Прием.

– «Сьерра-браво-четыре», ваше сообщение принял. Закрываю связь.

В наушниках раздалось потрескивание.

– Ну вот, – сказал Донни. – Как насчет того, чтобы закрыть коробочку?

– Да... – протянул сержант с легким вопросительным оттенком. – Послушай-ка, Свирина, – сказал он, помолчав пару секунд. – Ты ничего не заметил, пока шарил по резервному диапазону? Ничего не показалось странным?

Сержант был в чем-то схож с полицейским, обученным понимать и расшифровывать самую быструю морзянку или же отдельные, казалось бы, совершенно невразумительные частицы радиопереговоров.

– Нет, я не слышал ничего особого, – ответил Донни. – Так, болтовня, ну, ты знаешь, обычная мешанина.

– Ладно, Свирина, тогда сделай мне одолжение.

Он всегда называл Донни Свириной. Он называл Свириной всех своих корректировщиков. Донни был у него уже четвертым корректировщиком.

– Свирина, пробегись-ка еще раз по этому диапазону, только теперь медленно и очень внимательно. Мне показалось, что я слышал слог, который прозвучал, как «стре».

– Стре? Как «стре-лковый батальон»?

– Нет, как «бы-стре-е».

Пальцы Донни медленно щелкнули переключателями, он взялся за диск, и в его уши влились сотни различных сигналов и переговоров на исковерканном военном языке, который становился еще непонятнее благодаря сокращениям, кодовым названиям и позывным: «Альфа-четыре-дельта», «Дельта-шесть-альфа», «Виски-фокстрот-от девятки», «Железное дерево-три», «Скважина-зулу-шесть», «Тан Сан Нут, даю настройку», и так далее, и тому подобное. «Доброе утро, Вьетнам. Как поживаете? Погода сегодня будет дождливой». Все это не имело никакого значения.

Но сержант всем телом подался вперед, застыл, напряженно вслушиваясь, даже перестал дрожать от холода; в его напряжении проглядывало нечто нечеловеческое. Он был тощим как палка человеком двадцати шести лет от роду с подстриженными ежиком белокурыми волосами; загар так глубоко вьелся в его кожу, что трудно было с первого взгляда узнать в нем белого человека, из-под кожи выпирали острые скулы, серые глаза были всегда прищурены, как у профессионального охотника на белок. Ни дать ни взять стопроцентный американский краснокожий, да еще и с акцентом, который давал основания отнести его к самым нижним слоям населения какой-нибудь слаборазвитой общины, далекой от премуд-

ростей современной жизни. Но при всем этом он обладал некой своеобразной привлекательностью и определенными дарованиями.

Он-то ни о чем не мечтал, ни о пустыне, ни о ферме, ни о городе, ни о доме, ни о семейном очаге. Он был самым настоящим профессиональным головорезом, морским пехотинцем до мозга костей, кадровым сержантом, и если он о чем-то и мечтал, то лишь о своем жестоком и яростном паршивом Долге, которому он никогда не изменял, которому был глубоко предан и выполнял его уже на протяжении третьей ходки. Первый раз он побывал здесь взводным сержантом в шестьдесят пятом, а во второй раз участвовал в глубоком патрулировании вдоль демилитаризованной зоны. Если он и имел какую-то внутреннюю жизнь, то никому и никогда не раскрывал ее. Поговаривали, что он как-то раз одержал победу в крупных гражданских соревнованиях по стрельбе, кто-то рассказывал, что его отец тоже был морским пехотинцем во время Второй мировой войны и даже заслужил Почетную медаль Конгресса³⁰, но сержант сам никогда не упоминал ни о чем подобном, и уж конечно, ни у кого не хватало смелости прямо спросить его об этом. У него не было семьи, не было жены или подруги, не было дома – ничего, кроме Корпуса морской пехоты да ощущения того, что он являлся порождением бурных и тяжелых времен, о которых предпочитал молчать, что ему приходилось переносить страдания, которые навсегда останутся тайной для окружающих.

О нем можно было много чего сказать, но для Донни имело значение только одно. Он был лучшим. Боже, до чего же он был хорош! Он был настолько обалденно хорош, что аж голова кружилась. Если он стрелял, то кто-то погибал, и это всегда был вражеский солдат. Он никогда не стрелял, если не видел противника с оружием. Но когда он стрелял, он убивал. Никто не мог сказать о нем ничего иного, и никто не стал бы связываться с ним. Он сохранял абсолютное спокойствие во время операций – прямо-таки ледяной король, хладнокровно наблюдающий за разворачиванием событий, – всегда видел и слышал все раньше любого другого и ориентировался в происходящем с головокружительной быстротой. А потом он начинал действовать, замечая малейшее шевеление плохих парней, и делал свою работу. Находиться рядом с ним было почти то же самое, что составлять во Вьетнаме компанию Мику Джаггеру или еще кому-нибудь из самых прославленных звезд, потому что все отлично знали, кто такой Боб-гвоздильщик, и если кто-то и не любил его, то, ей-богу, боялся его, потому что он был к тому же Смертью Издалека в исполнении морской пехоты. Он был, пожалуй, в большей степени винтовкой, чем человеком, но притом еще и в большей степени человеком, чем кто-либо другой. Его знали даже в армии Северного Вьетнама; ходили слухи, что за его голову назначена награда в 15 000 пиастров. Сержант считал, что это очень забавно.

Но в конце концов, думал Донни, это должно было убить его. Война его когда-нибудь сожрет. Он будет устраивать отчаянно смелые штуки, стремясь превзойти самого себя, переступит через ведомую ему самому грань и все-таки найдет смертельное приключение на свою чересчур храбрую задницу. Он так и не дотянет до своего ПСВОСР. Для таких ребят, как он, такая вещь, как ПСВОСР, просто не существовала. Вьетнам был для них единственным прошлым, настоящим и будущим.

Он кого-то напоминал Донни, но Донни так и не мог сообразить кого. И все же в нем было нечто странно знакомое, нечто такое, что непонятным образом отзывалось в душе Донни. Это ощущение возникало уже не раз, но Донни никак не мог разобраться в своей памяти. Может быть, это был кто-то из его учителей? Или родственник? Или морской пехотинец из первой ходки или того времени, когда он служил в «Восемь-один»? Какое-то время ему казалось, что Боб похож на Рея Кейза, сурового взводного сержанта из Вашингтона, но стоило ему познакомиться со Свэггером немного поближе, и эта аналогия исчезла, как не

³⁰ Почетная медаль Конгресса – высшая военная награда в США.

бывало. Конечно, Кейз был хорошим, жестким, профессиональным морским пехотинцем, зато Боб был великим морским пехотинцем. Таких, как Боб Ли Свэггер, делают поштучно.

Но на кого же все-таки он так походил? Почему он казался таким знакомым?

Донни потряс головой, чтобы отогнать растерянность.

Свэггер сидел, накрывшись плащом, с полей шляпы стекала вода, его глаза казались совершенно пустыми, настолько внимательно он вслушивался в трескучую суматоху эфира. Его снаряжение было почти таким же, как у Донни: обмотанный для маскировки темно-зеленой изолентой толстый ствол снайперской винтовки М-40 (на самом деле «Ремингтон-700» под патрон «Верминт» 0,308 дюйма с 9-кратным оптическим прицелом «Редфилд») высывался из-за ворота накидки, поскольку сержант прилагал все усилия для того, чтобы сохранить сухими механизм и деревянный приклад, который от сырости мог покоробиться. Он также нес с собой четыре гранаты М-26, две сумки с клейморовскими минами, электрическую подрывную машинку М-57, кольт калибра 0,45, рюкзак М-782 с сухими пайками (любимая отравка – ветчина и порошковая яичница) и семьдесят два патрона М-118, изготовленных на Арсенальном заводе в Солт-Лейк-Сити, с пулями весом 173 грана; такими патронами пользовались лучшие стрелки сухопутных сил и морской пехоты на соревнованиях в Кэмп-Перри. Впрочем, он всегда уделял подготовке снаряжения очень много внимания, так что у него был с собой многоцелевой нож «рэндолл» с пилой на оборотной стороне лезвия, на плече, под камуфляжным комбинезоном прятался в летчицкой кобуре маленький бескурковый кольт калибра 0,380, а за спиной болтался автомат и подсумки, в которых находились пять магазинов на тридцать патронов каждый.

– Вот, – сказал он. – Слышишь? Клянусь Христом, я что-то слышал.

Донни ничего не разобрал в щебете, чириканье и треске, но тут же перестал вращать верньер настройки и начал очень медленно поворачивать его обратно, внимательно глядя на маленькие цифры, проплывавшие в прорези. В конце концов он все-таки уловил еле слышимый сигнал, его было очень легко пропустить, и он заметил его только потому, что подошел к самому краю шкалы мегагерцового диапазона и собирался уже перейти на другую частоту; сигнал был слышен только в то время, пока Донни держал включенной кнопку переключения диапазонов.

Но они все же разбирали эту слабую и отдаленную передачу. Сами слова, казалось, стремились вырваться из хаоса сигналов, и вскоре слышимость показалась морским пехотинцам отличной.

– Всем, кто слушает на этой частоте! Всем, кто слушает на этой частоте! Вы слышите меня? Прием. Быстрее ответьте, черт возьми. Прием!

Никто не отвечал.

– Это «Аризона-шесть-зулу». У меня тут до черта плохих парней со всех сторон, будь они прокляты. Всем, кто меня слышит! «Чарли-чарли-ноябрь», где вы там? Прием.

– Нам до них никак не достать, – сказал Донни. – И черт возьми, кто это такие – «Аризона-шесть-зулу»? – вслух подумал он.

– Скорее всего один из лагерей Специальных сил на западе. Они используют названия штатов как позывные. Они называют их БПО – базы для передовых операций. Он пытается достучаться до «Чарли-чарли-ноябрь», это командование Специальной оперативной группы и северного направления, оно находится в Дананге.

Но «Аризона-шесть-зулу» все же получил ответ.

– «Аризона-шесть-зулу», это «Лима-девятка-майк», Застава Гикори. Пуллер, это вы? Я с трудом разбираю ваш сигнал. Прием.

– «Лима-девятка-майк», моя большая машина разбита, я работаю по «прик-77». У меня серьезные неприятности. Тут повсюду плохие парни, они атакуют меня с фронта. Развед-

чики сообщают, что уже на подходе их главные силы, и они, похоже, всерьез хотят захватить мою базу. Мне нужен воздух или артисты, которые могли бы поддержать меня огнем. Прием.

– «Аризона-шесть-зулу», с воздухом ответ отрицательный, отрицательный. Мы завязли, все сидят на земле. Дай-ка я постараюсь насчет артистов. Прием.

– Я базовый лагерь команды «Аризона», квадрат «виски-дельта» 5120-1802. Мне нужен «отель "Эхо"», самые лучшие номера, и как можно скорее.

– Проклятье, «Аризона-шесть-зулу», насчет артистов ответ отрицательный. У меня нет, повторяю, у меня нет огневых баз, которые могли бы забросить камешки в ваш район. На прошлой неделе закрыли «Мэри Джейн» и «Сюзии Кью», а морские пехотинцы в Доджсити тоже слишком далеко. Прием.

– «Лима-девятка-майк», вас понял. Я здесь один с одиннадцатью американцами и четырьмя сотнями аборигенов, мы сидим по уши в дерьме, я экономлю боеприпасы, продовольствие, воду. Мне срочно, повторяю, срочно необходима поддержка.

– «Аризона-шесть-зулу», у меня есть ваши координаты, но я не имею ни одной действующей артиллерийской базы в пределах досягаемости. Побегу к морякам, посмотрим, не смогут ли они подбросить вам огоньку, и как только появится первый просвет, вызову тактическую авиацию. «Аризона-шесть-зулу», вы должны продержаться до улучшения погоды.

– «Лима-девятка-майк», если их главные силы подтянутся сюда раньше, чем улучшится погода, я стану собачьей жратвой. Прием.

– Держитесь изо всех сил, «Аризона-шесть-зулу», обещают, что погода изменится завтра к полудню. Я немедленно свяжусь с «Чарли-чарли-ноябрь», и мы в самом срочном порядке вышлем к вам «фантомы».

– Вас понял, «Лима-девятка-майк», – сказала «Аризона-шесть-зулу», – связь кончаю.

– Благослови тебя Бог, «Аризона-шесть-зулу», удачи тебе, – ответила «Лима», и наушники наполнились потрескиванием эфирных разрядов.

– Похоже, дружище, что этим парням скоро станет очень жарко, – сказал Донни. – Погода не изменится еще несколько дней.

– Планшет с картами у тебя? – спросил Свэггер. – Дай-ка я взгляну... Какие он назвал координаты?

– Вот дерьмо, я не запомнил, – ответил Донни.

– Ну что ж, – сказал Боб, – хорошо, что запомнил я.

Сержант открыл планшет, который Донни торопливо сунул ему в руки, пролистал упакованные в пластик листы пятидесятитысячного масштаба и наконец нашел тот, который был ему нужен. Он долго всматривался в него, а потом вскинул голову.

– Знаешь, парень, пусть меня черти разорвут, но если я еще не научился читать карты, то похоже, что мы с тобой находимся ближе всех к этим беднякам из Специальных сил. Они немного западнее нас, в Кхамдуке, это в десяти километрах от границы с Лаосом. Мы находимся в квадрате «виски-чарли» 155-005, а они «виски-дельта» 5120-1802. Как ни прикидывай, это приблизительно в двадцати километрах на запад.

Донни прищурился. Его сержант совершенно точно определил нужный квадрат, и до лагеря Специальных сил действительно не больше двадцати километров. Но... но на эти двадцать километров приходится предгорья, по дороге придется пересечь раздувшуюся от дождей коричневую извилистую реку и цепь высоких холмов, и все это – индейская территория.

– Я считаю так, – продолжал Боб. – Один человек, двигаясь достаточно быстро, сможет добраться до них раньше этих самых главных сил. А тем парням нужно будет пробираться вот тут, через долину Анлок. Стоит только попасть в эти холмы, как у тебя будет сколько угодно целей.

– Христос! – сказал Донни.

– Нужно только задержать их вот тут совсем немного, до тех пор, пока погода не переменится.

Крупная холодная дождевая капля шлепнулась на шею Донни и скатилась по спине. Его резко передернуло.

– Свяжись еще раз с Додж-сити, Свинина. Передай им, что я отправился на небольшую прогулку.

– Я тоже пойду, – сказал Донни.

Боб уставился на него, немного помолчал и наконец сказал:

– Черта с два ты пойдешь. Мне здесь не нужен ни один краткосрочник. Ты останешься здесь и вызовешь эвакуаторов, как только установится погода. А за меня не беспокойся. Я проберусь в этот лагерь и вытащу «Аризону».

– Боб, я...

– Нет! Тебе слишком мало осталось. Ты будешь чересчур волноваться из-за того, что у тебя всего три с небольшим месяца до ПСВОСР. А если ты не будешь волноваться, то я буду. И помимо всего прочего, в одиночку я смогу двигаться гораздо быстрее. Это работа для одиночки, иначе вообще не стоит браться. Это приказ.

– Сержант, я...

– Нет, черт тебя побери. Я уже сказал. Это тебе не какая-нибудь проклятая игра. Я не могу позволить себе тревожиться из-за тебя.

– Это тебя черт побери. Я не стану сидеть здесь под этим поганым дождем, дожидаясь, пока меня вытащат, как дерьмо из лужи. Ты собрал команду – ты и я. Ты стреляешь, а я контролирую цели и обеспечиваю прикрытие. Предположим, тебе придется работать ночью. Кто будет пускать ракеты? Кто вызовет вертушки, когда станет слишком горячо? Кто будет работать с рацией и определять по карте координаты? Ну а если на тебя навалятся сзади? Кто разберется с ними? Кто поставит мины?

– Ты прямо-таки требуешь, чтобы я позволил тебе самому влезть в могилу, ланс-капрал. И что намного хуже, ты этим самым очень сильно меня расстроишь.

– Я не убегаю из боя. И никогда не убегу!

Боб прищурил глаза. Он очень подозрительно относился к любым проявлениям героизма и самопожертвования, потому что его собственное выживание было никак не связано с такими понятиями, а основывалось скорее на досконально освоенных профессиональных боевых навыках, еще более доскональном учете любых обстоятельств и, что самое главное, ясном осознании необходимости агрессивной тактики боя, поскольку именно это пока что позволяло ему выходить живым из любых переделок.

– Что ты хочешь мне доказать, малыш? Ты все время что-то доказываешь с тех пор, как мы с тобой стали напарниками.

– Я ничего не доказываю. Я просто не хочу никаких послаблений, вот и все. Никаких чертовых послаблений. Я иду до конца, только и всего. Когда я вернусь в мирную жизнь, возможно, что-нибудь изменится. Но здесь, черт возьми, я пройду до конца.

Его вспышка, похоже, смягчила Свэггера, которому не раз уже приходилось утихомиривать мальчишек, когда складывалась вот такая поганая ситуация, который заставлял солдат идти, когда у тех не оставалось сил даже на один шаг, который никогда еще не отправлял своих корректировщиков домой в пластиковых мешках, который потерял намного меньше молодых морских пехотинцев, чем любой другой. Но этот упрямый мальчишка все время ставил его в тупик. Единственный из всех его напарников, он вставал по утрам раньше его самого и никогда не допускал ошибок, проверяя снаряжение перед заданием.

– Донни, ладно, никто не говорит, что ты что-то доказываешь. Я только пытаюсь дать тебе лишний шанс. Тебе нет никакого смысла погибать сегодня. Сегодня сольный спектакль

старого Боба. Как раз для этого Боб сюда поставлен. Это вовсе не футбольный матч с соседним колледжем.

– Я иду. Черт возьми, мы с тобой «Сьерра-браво-четыре», и я иду.

– Дружище, ты уверен, что родился в свою эпоху? Ты, поганый ублюдок, принадлежишь к старой породе, той же, что и мой покойный старик. Ладно, давай пошевеливаться. Вызывай их. Я собираюсь напрямик по компасу отправиться в этот проклятый квадрат, а когда вернемся, куплю тебе бифштекс и ящик «Джека Дэниелса».

Донни еще немного помедлил. Он снял шляпу и вынул из-под подкладки завернутую в целлофан фотографию Джулии.

Он смотрел на нее, пока капли дождя не заблестели на пластике. Джулия выглядела такой сухой и находилась так далеко от него. У него без нее болела душа. До ПСВОСР еще три месяца и несколько дней. Он вернется домой. Донни снова придет, он вернется домой, ура, ура, ура!

«Детка,– сказал он про себя,– детка, я верю, что ты со мной. Каждый час и каждый шаг».

– Ну что, Свинина,– пропел Боб Гвоздильщик.– Пора в поход.

Глава 10

Спустя некоторое время Донни перестал испытывать страдания. Он уже не ощущал никакой боли. К тому же он, пусть ненадолго, избавился от чувства страха. Руководствуясь компасом, они шли по ускользавшей из-под ног земле от одной отметки, сделанной Свэггером на карте, до другой под дождем, становившимся порой настолько сильным, что трудно было дышать. Однажды Донни совершенно обалдел, обнаружив, что стоит на вершине невысокого холма. Когда они успели взобраться на него? Он совершенно не запомнил подъема. У него сохранилось лишь одно чувство: что идущий перед ним человек тащит его за собой, гонит вперед, заставляя обоих забыть о боли, забыть о страхе, и грязи, и рельефе местности.

Через некоторое время они оказались в долине, где перед ними раскрылся классический вьетнамский ландшафт: протянувшиеся до самого горизонта рисовые чеки, разделенные между собой глиняными валами. Валы совершенно раскисли, и первые же шаги по ним оказались медленными и страшно неуверенными. Свэггер даже не дал себе труда что-то сказать, он просто поднял винтовку над головой, сошел с дамбы и побрел по воде, оставляя за собой густой глинистый мутный шлейф. Что это меняло? Они так давно шли под дождем, что промокнуть сильнее просто не могли, но вода была мутной и грязной, а илистое дно с каждым шагом все сильнее засасывало ботинки Донни. Его ноги становились все тяжелее. Дождь усиливался. Донни все сильнее промокал и мерз, устал, казалось, донельзя, в нем нарастало отчаяние и ощущение потерянности и одиночества.

В любой момент какой-нибудь везучий парень с карабином и мешочком опиума – это было основное платежное средство вьетконговцев при общении с местными кадрами – мог без труда похоронить их в этой жидкой грязи. Но дождь хлестал с такой силой, что и вьетконговцы, и солдаты, явившиеся из Северного Вьетнама, отсиживались в укрытиях. Пейзаж, который они пересекали, не имел никаких следов присутствия человека. Поднялся и начал сгущаться туман. Однажды сквозь разрывы в испарениях они заметили вдали деревню. Она находилась примерно в километре от них, на склоне холма, и Донни представил себе, что могло происходить в маленьких теплых хижинах: кипящий суп, в котором вместе плавают и библейская требуха, и тонко нарезанная грудинка, и рыбы головы. От мысли о горячей пище он чуть не утратил равновесия.

Это все ерунда, сказал он себе. Думай о футболе. Думай об августовских театральные спектаклях, которые даются два раза в день. Нет-нет, одернул он себя, думай все-таки о футболе. Думай о... думай о... думай о том перехвате, который у тебя получился в игре против Гилмановской школы, думай о счете три—двенадцать, нам так ни разу не удалось выиграть у них, хотя по какой-то странной причине в самом конце прошлой игры мы были очень близки к этому, но было уже поздно, мы встали на поле. Думай о том, как отдать точный пас из «схватки»³¹ вперед, вместо того чтобы бежать назад, раз уж у тебя лучшие руки во всей команде. Думай о Джулии, которая в то время командовала болельщиками, думай о тревоге на ее лице.

Думай о том, насколько все это глупо! Но каким же важным все это казалось! Побить гилмановцев! Почему это было так важно? Это было настолько глупо! Но уже в следующий момент Донни вспомнил, почему это было важно. Потому что было невероятно глупо. И то, что это представлялось очень значительным, совершенно ничего не значило.

Думай о том, как тогда ушел в отрыв под передачу, как обманул инсайда, а затем ушел к боковой линии, когда Верколон, разыгрывающий, вырвался из многолюдной «схватки» и помчался по кривой в твою сторону, огибая игроков противника, пытавшихся преградить

³¹ «Схватка» – способ ввода мяча в игру в американском футболе и в регби.

ему путь, как его рука поднялась, а потом резко опустилась, бросив мяч. Думай о крутящемся в воздухе мяче. Думай о том, как следил за его полетом. Верколон плохо рассчитал и отдал слишком сильный пас, мяч шел слишком высоко, и его нельзя было достать, и не было никакого шума на трибунах, никакого предвкушения сенсации, а только уходящий за кромку поля мяч. Думай о том, как ты взвился в воздух.

Это было странно. Донни никогда не мог вспомнить о том, как совершал прыжок. Это просто случилось, совершенно инстинктивно, словно в голове включался компьютер, брал под контроль тело, и ты взлетал вверх.

Он помнил, как его тело напряглось, взвиваясь в воздух, как его рука вытянулась в направлении горизонта, шлепок, сопровождавший прикосновение к мячу, помнил, как мяч отскочил от его чудесным образом удлинившихся пальцев, перевернулся в воздухе и, казалось, неподвижно завис в нем, пока он стремительно летел к мячу и все же совершенно явно промахивался, но каким-то образом умудрился извернуться в прыжке, принял летевший вниз мяч на грудь, не позволив ему упасть, затем, уже опускаясь на землю, прижал его левой рукой к боку и не иначе как Божьей милостью – а Бог, несомненно, любит спортсменов – приземлил его в зачетном поле, и три следующих розыгрыша они тоже выиграли, а с ними и весь матч, впервые на людской памяти одолев непобедимых старинных врагов.

О, как же это было хорошо! Просто великолепно!

От этого воспоминания на него, затопив все его существо, нахлынуло тепло, бессмысленное тепло мимолетной славы, и он даже ощутил кратковременный прилив энергии. Может быть, он все-таки справится.

Но в следующий момент Донни споткнулся и упал, в его легкие хлынула вода, и он забарахтался, закашлялся, выплевывая куски помета и мириады дизентерийных, холерных, тифозных и прочих бактерий. Тут же сильная рука выдернула его на поверхность, и он встряхнулся, как мокрая собака. Это, конечно, был Свэггер.

– Шевели ногами! – крикнул Свэггер, перекрывая шум дождя. – Мы уже почти выбрались из чеков. Так что нам остается только еще одна гряда холмов, река и эти проклятые горы. Черт возьми, разве это не весело?

Вода. На карте река носила название Иатранг. Там не было никаких примечаний – одна лишь извилистая черная линия, не сообщавшая никаких подробностей. А в действительности перед ними открылся вздувшийся от паводка, далеко вышедший из берегов бурый поток с быстрым непреодолимым течением. Дождевые струи с треском били по беспокойной поверхности, словно пулеметные очереди.

– Какие будут предложения? – спросил Свэггер. – Имей в виду, ты только что получил новую работу.

– Чего-чего?

– Новую работу. Теперь ты спасатель.

– Почему это?

– А потому что я плаваю не лучше пистолета, – с широкой улыбкой объяснил сержант.

– Великолепно! – воскликнул Донни. – А я примерно так же.

– Уписаться можно! Ну скажи, какого черта ты так настаивал на этой прогулке?

– Немножко загордился, подумал, что от меня может быть толк.

– С такими мыслями ты можешь в любой, причем самый неподходящий момент сыграть в ящик. Ладно, давай поищем какое-нибудь бревно или что-нибудь в этом роде.

Они побрели по скользкому берегу реки и вскоре наткнулись на разбомбленную деревню. Боевые вертолеты и «фантомы» сработали здесь по-настоящему хорошо: в сотворенном несколько дней назад аду не мог выжить никто. Не уцелело ни одного строения, лишь валялись обгорелые сломанные бревна да кучи головешек; почва повсюду почернела от раз-

мытой непрекращающимся дождем золы. Земля была изрыта множеством воронок, среди которых бросались в глаза пятна выжженной травы и кустов – здесь горел напалм, убивающий всех и вся, на что попадал. Валялся на боку пробитый пулеметной пулей кухонный котел; отверстие развернуло наружу длинные металлические лепестки. Несмотря на дождь, в воздухе явственно ощущалось зловоние гари. Не было видно ни одного трупа, но сразу же за границей зоны смерти виднелись несколько свеженасыпанных могил, перед которыми, по обычаю буддистов, были врыты в землю дешевые черные кувшины с благовонным тростником – подношение недавно умершим. Два кувшина были маленькими, очень маленькими.

– Надеюсь, что это были плохие парни, – сказал Донни, глядя на новое кладбище.

– Если бы мы вели эту поганую войну как следует, – отозвался Свэггер, – то мы точно знали бы, что они плохие, потому что где-нибудь здесь, на земле, совсем рядом, были бы и наши люди. Но в этом случае ничего нельзя сказать точно. И вообще при наших порядках, когда любое подозрительное место огнем и свинцом сравнивают с землей. Никто не должен умирать из-за того, что оказался в неподходящее время в неподходящем месте, а у какого-то чересчур усердного пилота остался боезапас и он не хочет возвращаться на авианосец с таким грузом.

Донни внимательно посмотрел на него. За пять месяцев, которые они провели, почти не расставаясь, Боб никогда еще не заговаривал о своем отношении к способам ведения этой войны, о том, чего она стоит, кто на ней гибнет и почему все это происходит. Он все внимание уделял практическим тонкостям своего ремесла и обучению напарника искусству выживания: каким образом что делать, где укрываться, как идти по следу, во что стрелять, как убивать, как выполнять свою работу и возвращаться назад живым.

– Поэтому совершенно ясно, что этого никто никогда не узнает, – заявил Боб. – Если, конечно, ты не расскажешь им, когда выберешься из этой поганой дыры. Так ведь, Свинина? Ведь у тебя новое хобби – свидетель. Точно?

И снова эти слова показались ему очень знакомыми. Где же он все это слышал? Что это означало? Словно он уже слышал ту же самую мелодию, только исполненную на другом инструменте.

– Я расскажу.

– Я-то слишком глуп для того, чтобы разговаривать с начальством. Оно никогда не станет слушать такого простака, как я. Оно будет слушать тебя, мой мальчик, потому что ты здоровый, как слон, и специально вернулся сюда для того, чтобы говорить о таких вещах. До тебя дошло?

– Дошло.

– Вот и прекрасно. А теперь давай поищем доски и построим Ноев ковчег.

Они порылись в развалинах и вскоре набрали семь приличных обломков бревен. Боб, в лучших бойскаутских традициях, ловко связал их черным канатом, который, естественно, оказался в его рюкзаке. На плот он сложил обе винтовки, вещмешки и амуницию, все гранаты, планшет с картами, фляги, рацию, ракеты с ракетницей и пистолеты.

– Ну вот. Ты на самом деле не умеешь плавать?

– Могу немного держаться на воде.

– Отлично. Я могу ровно столько же. Поступаем так: ты изо всех сил цепляешься за эту штуку и начинаешь махать ногами. Я держусь за другой конец и делаю то же самое. Держи лицо над водой и греби, невзирая ни на что. И ни в коем случае не выпускай плот. Тебя подхватит течением, и станешь ты просто еще однимдохлым щенком, и никто о тебе не вспомнит до тех пор, пока твою фамилию не нацарапают на каком-нибудь монументе, чтобы на нее могли гадить голуби. А что, прекрасное будущее, скажешь нет?

– И впрямь заманчиво.

– Ладно, пора браться за дело, Свинина. Поздравляю тебя, ты становишься подводником.

Вода оказалась очень холодной, а с течением не справился бы и сам Зевс. В первое мгновение Донни перепугался, начал барахтаться и чуть не перевернул хрупкий плот, и только усилия Боба с другой стороны помогли ему удержаться на плаву. Плот косо отплыл от берега, стремительная яростная река моментально подхватила его, и Донни, отчаянно цеплявшийся обеими руками за веревки, которыми Боб наскоро связал бревна, чувствовал, как его несет непреодолимая сила. На мгновение он оцепенел от холода. Его ноги бессильно болтались, лишённые какой-либо опоры. Несмотря на полученный приказ, он все же окунулся с головой, вода попала ему в горло, он закашлялся и задержался, как тюлень.

Вокруг него не было ничего, кроме воды, вода была сверху и снизу, она бурлила вокруг подбородка и норовила вновь захлестнуть в рот, и макушка, лоб и глаза тоже были в воде, потому что она с яростной скоростью низвергалась с серого неба.

– Гребь, черт бы тебя побрал! – услышал он вопль Боба и принялся работать ногами, изображая нечто отдаленно напоминающее брасс. Плот, похоже, совершенно не желал продвигаться вперед.

Очень скоро Донни решил, что все кончено. Туман плотной завесой закрыл землю, и ему показалось, что он плывет через океан, ну, по меньшей мере через Ла-Манш, и что он уже успел забыть, как и когда началось это путешествие, и совершенно не мог представить себе его завершения. Вода манила его своей черной молчаливой глубиной, он ощущал, как она втягивает его в себя, пытается пробиться в горло и в легкие, и эта вода воняла напалмом, порохом, авиационным топливом, буйволиным навозом, крестьянами, которые днем с улыбкой продавали тебе кокаин, а ночью с такой же улыбкой перерезали горло, мертвыми детьми в канавах, пылающими деревнями, артиллерийскими налетами по своим, всей этой проклятушей непреодолимой инерцией, которую война набрала в своем восьмилетнем разгоне, и кто он был такой, чтобы бороться со всем этим – всего лишь простой солдат, ланскапрал и бывший капрал с подозрительным прошлым, а все это казалось таким огромным, прямо-таки колоссальным, как сама история.

– Не сдавайся, черт тебя возьми! – донесся крик Свэггера с другого конца плота, и в следующее мгновение Донни понял, кто такой Боб.

Боб был братом Трига.

Каким-то образом Боб и Триг представляли собой чуть ли не одного и того же человека. Несмотря на несхожее прошлое, они были. ..настоящими аристократами, запрограммированными своими генами делать то, что было не под силу другим, вести себя геройски в тех делах, которым они посвятили жизнь, и навсегда остаться в людской памяти. Они были словно Один и Зевс. Они были опасно несхожи с другими, они творили дела, они обладали невероятной живучестью и жизненной энергией. Война должна была убить их. Именно поэтому они оба приказали ему стать свидетелем всего того, что он сейчас видел. Это было его работой – выжить и пропеть сагу о жизни двух безумных братьев, Боба и Трига, которых использовала, пожрала, убила война.

Триг был мертв. Триг взорвал себя в Висконсинском университете вместе с каким-то бедолагой-аспирантом, ассистентом кафедры, которому, к несчастью, взбрело в голову поработать той ночью подольше. Когда тело Трига нашли, оно было изуродовано и обожжено взрывом.

Это на краткий миг сделало его знаменитым; газеты запестрели огромными заголовками: «ВЫПУСКНИК ГАРВАРДА ПОГИБАЕТ В РЕЗУЛЬТАТЕ ВЗРЫВА», «ОТПРЫСК СЕМЕЙСТВА КАРТЕРОВ КОНЧАЕТ С СОБОЙ ПРИ ПОМОЩИ БОМБЫ», «ЛЮБИТЕЛЬ ПРИРОДЫ, ЖИВОПИСЕЦ-ОРНИТОЛОГ ПРИНИМАЕТ МУЧЕНИЧЕСКУЮ КОНЧИНУ РАДИ ДЕЛА МИРА».

Война убила Трига, и Триг знал, что это произойдет. Вот что Триг пытался сказать ему в тот последний вечер; теперь Донни это понял. Он должен вернуться, чтобы рассказать историю Трига и его безумного брата Боба, которые были сожраны, каждый на свой собственный лад, войной. Неужели она все-таки когда-нибудь закончится?

Кто-то схватил Донни за плечо. Он слотнул грязную воду, поднял голову и увидел Свэггера, который буквально выдернул его из воды на берег, где он и свалился, вытянувшись во весь рост. Его тошнило от изнеможения.

– Ну а теперь гляди в оба, – спокойно сказал Боб. – Самолет идет на посадку, не курить, застегнуть привязные ремни.

Покинув размокшие берега реки, под проливным дождем они в конце концов добрались до горы. Эти горы были совсем невысокими. Когда Донни жил в пустыне, ему приходилось видеть горы куда больше и выше, на некоторые он даже поднимался. Свэггер сказал, что он тоже вырос в горной стране, но Донни никогда не слышал о горах на юге, в Оклахоме, Арканзасе или еще каких-либо таинственных провинциальных местах, где, по слухам, родился снайпер.

Вершину горы покрывал густой лес, зато подножье ее представляло собой голую ровную скалу, открытую для обозрения с расстояния в несколько сот метров. Выбирайте яд себе по вкусу.

– О боже, – прошептал Донни, глядя на крутой склон.

Время дня не имело сейчас никакого значения. Вроде бы были вечерние сумерки, но с тем же успехом это мог бы быть и рассвет. Донни задрал голову, и струи дождя хлынули ему в лицо.

– Я хочу за ближайшие два часа добраться до середины, – сказал Боб.

– Сомневаюсь, что смогу это сделать, – задыхаясь, прохрипел Донни.

– Я тоже сомневаюсь, – заверил его Боб. – И что хуже всего, если этот проклятый батальон, то бишь главные силы, и впрямь находится где-то здесь и направляется к лагерю, они наверняка выставили патрули, чтобы мальчишки вроде нас не могли неожиданно вцепиться им в волосы.

– Я не могу, – пробормотал Донни.

– Я тоже не могу, – повторил Свэггер. – Но это должно быть сделано, а я что-то не вижу здесь еще двоих парней. Может быть, ты видишь? Как только я их замечу, можешь мне поверить, я тут же отправлю их туда вместо нас, так точно, сэ-эр.

– Чтоб я сдох, – проворчал Донни.

– Ладно, давай поговорим о нашей веселой жизни. Мы смогли добраться сюда только потому, что вышли во время самого сильного муссонного ливня. Идти обратно нам придется, когда дождь кончится и «Виктор К.»³² вылезет из укрытий. Он захочет найти нас. Он наверняка захочет убить нас. Мы приперлись в его проклятый огород без приглашения, и он, конечно, будет очень недоволен. Поэтому нам обязательно нужно пробраться в лагерь Специальных сил, или же мы, вне всякого сомнения, подохнем где-то в этих местах. Вот и все, что я могу доложить о том дерьме, в котором мы застряли, так что нечего больше трепать языком!

Боб улыбнулся, не от радости или предвкушения счастья, а скорее всего просто потому, что слишком устал для чего-то другого.

– Вот бы у нас была хоть таблетка декседрина³³, – сказал он. – Впрочем, все равно, не верю я во всю эту гадость. Когда возвращался из моего второго поиска, ко мне прицепилась

³² Виктор К., «Виктор Чарльз» – жаргонные прозвища вьетконговцев (Viet Cong).

³³ Декседрин – сильное тонизирующее средство.

обезьяна размером с хорошую гориллу. Пришлось чертовски повозиться, чтобы все-таки убить эту косматую гадину. Знаешь, это было совсем не смешно.

Этот человек не просто был во Вьетнаме, он сам в некотором смысле был Вьетнамом. Ему приходилось делать все: стрелять из укрытия, совершать набег, захватывать высоты, проводить рекогносцировки, работать головой, служить советником в подразделениях южновьетнамской армии, допрашивать пленных, анализировать сведения, участвовать в тысяче перестрелок, убить никто не знает сколько народу, лежать в госпиталях, разговаривать с генералами. Он был олицетворением всего своего проклятого поколения, собранного в шкуру одного человека. Это оказалось новым открытием, хотя в нем не было ничего удивительного: он был помешан на скорости. Этот человек-символ мог принимать героин, мог болеть триппером, мог быть с ног до головы покрыт татуировками, мог убивать пленных. Он был Тригом, по крайней мере в том смысле, что делал все для того, чтобы выиграть войну, точно так же как Триг в своей параллельной вселенной делал все для того, чтобы ее прекратить: яростный, неустанный крестовый поход во славу устаревшего понятия о том, что один человек может что-то значить.

– Ты напоминаешь мне одного парня, – сказал Донни.

– Ну да, кого-нибудь из тех пустобрехов, что болтают по радио. Наверное, Лама или второго – как его? – Абнера. Они оба из моего родного города.

– Нет. Можешь мне не верить, но это пацифист.

– А-а, один из этих комми. С длинными волосами и похож на Иисуса. Могу голову прозакладывать, что его дерьмо не воняло. А вот мое воняет, и очень даже славно, понятно, Свирина?

– Нет. Он был вроде тебя, тоже герой. Он был куда значительнее, чем мы все остальные. Он был легендой.

– А разве, чтобы стать легендой, не следует умереть? Это, по-моему, обязательная часть работы.

– Он мертв.

– Сумел слишком далеко высунуть нос, демонстрируя против войны? Ну, это и впрямь говорит об интеллекте куда выше среднего. И я, значит, оказался тебе похожим на него? Сынок, у тебя, наверное, злокачественная лихорадка.

– Он просто не должен был уходить. В нем совершенно не чувствовалось, что он уйдет.

– Зато во мне это еще как чувствуется. Еще одна операция, и я уйду отсюда на всю оставшуюся жизнь. Ну а теперь давай пошевеливаться.

– И куда же?

– Если будем выискивать дорогу, то потеряем много времени и наверняка на кого-нибудь наткнемся. Так что лезем напрямик.

– Христос!

– Для начала поедим. Самое время для пикника. Это будет последняя пицца, которую ты увидишь до тех пор, пока не выберешься отсюда или тебя не прикончат. Тогда уж на небесах тебе точно дадут отличный бифштекс. Вываливай рационы, фляги, 782-й комплект. Достань лопатку. Собери ее. С ее помощью мы проложим себе путь, соображаешь?

– Не очень.

– Ну конечно, соображаешь. Делай, как я, и все станет ясно.

Он быстро и ловко освободился от большей части своего снаряжения, оставив при себе только оружие. Выудил из брошенного наземь пакета один из рационов, вскрыл банку и принялся прямо открывалкой выгребать из нее порошковую яичницу и ветчину и жадно, чавкая, поедать их.

– Давай, время жрать. Съешь что-нибудь.

Донни последовал его примеру и в несколько секунд опустошил банку холодной, но все равно аппетитно пахнувшей свинины.

– Когда доешь, дай мне рацию. У меня не так много поклажи.

– Я могу взять твою винтовку.

– Черта лысого ты можешь взять. К моей винтовке не прикасается никто, кроме меня.

Ну конечно. Главный закон. Он вспомнил, как Свэггер разыскал его, когда он, скучая, торчал на наблюдательном пункте в передовой караульной цепи. Шла третья неделя его пребывания в Додж-сити.

– Это ты Фенн?

– Э-э... да. Э-э, сержант?..

– Свэггер. Моя фамилия Свэггер. Я снайпер.

У Донни на мгновение перехватило дыхание. В темноте он еле-еле различал силуэт человека, говорившего с сильным южным акцентом. Боб Гвоздильщик, человек, оцененный в пятнадцать тысяч пиастров и имеющий на своем счету более тридцати убитых. Донни почувствовал, что вокруг образовалась пустота: все остальные то ли из уважения к Бобу Гвоздильщику, то ли из страха перед ним поспешили раствориться в пространстве. Хотя он не мог разглядеть глаза снайпера, но ощущал, что они в это время внимательно изучали его лицо.

– Я только что засунул моего корректировщика в медицинскую летучку, и он с дыркой в ноге отправился обратно в нормальный мир, – сказал снайпер, – так что я ищу ему замену. Ты стрелок дай бог каждому, у тебя самые высокие показатели во всем Додж-сити, зрение у тебя сто на сто, ты уже имел одну ходку сюда, заслужил медаль, так что тебе приходилось стрелять в людей и ты не должен легко впадать в панику. Впрочем, все это дерьмо. Ты послужил в «Восемь-один», там ты не мог не выполнять церемониальные обязанности, а это значит, что у тебя есть терпение для скрупулезной работы и готовность быть незаметной частью большой команды. Все это мне нужно. А тебя это интересует?

– Меня? Я..

– Какие есть выгоды. Я буду снабжать тебя бифштексами, и бурбона ты сможешь пить столько, сколько в тебя войдет. Когда мы находимся на базе, то живем, как короли. Со мной ты можешь забыть о такой дряни, как ночной караул, рейдовые патрули, передовое наблюдение, засады и тому подобное. Можешь отдыхать и развлекаться как заблагорассудится. Теперь минусы. Минус первый. Ты не прикасаешься к моей винтовке.

Никто не прикасается к моей винтовке. Минус второй. Ты не употребляешь наркотиков. Как только я поймаю тебя под кайфом, ты тут же отправишься домой под конвоем и проведешь следующие два года в Портсмуте. И минус третий. Ты никого не называешь желтожопым, азиатской рожей, узкоплечным или, скажем, грязным недомерком. Они самые лучшие солдаты во всем мире. Они побеждают нас и в конце концов побеждают. Мы убиваем их, но, клянусь Богом, мы убиваем их с уважением. Вот единственные три правила, но их нельзя нарушить и даже на мгновение усомниться в них. Или же, если хочешь, можешь сидеть здесь, в этом вонючем окопе и дожидаться, пока кто-нибудь не кинет мину-другую тебе на голову. И еще, чутье мне подсказывает, что в каждом поганом наряде, каждом поганом патруле, каждой поганой работе по разгребанию погани ты всегда окажешься первым номером в списке тех, кого при любой возможности следует ставить раком. Надеюсь, что тебе нравится вонь горящего дерьма, потому что нам придется немало его понюхать.

– Там, в мире, у меня были кое-какие проблемы, – осторожно сказал Донни. – Мне серьезно влетело за отказ от «сотрудничества».

– Я видел это в твоем личном деле. Что-то вроде невыполнения приказа, так ведь? Тебя еще и звания лишили. Эй, сынок, может быть, ты еще не заметил, что здесь не мир, а 'Нам? Да для меня все это плевка не стоит, усек? Ты выполняешь работу, я даю тебе сто процентов

и требую с тебя на сто процентов. Ты можешь погибнуть, тебе придется тяжело вкалывать, но у тебя будет хорошее развлечение. Убивать людей – это прекрасное развлечение. Ну что? Ты со мной или как?

– Думаю, что я с тобой.

Не прошло и тридцати минут, как Донни был освобожден от наряда и переселился в кубрик разведчиков-снайперов к штафф-сержанту Свэггеру, НКС (низший командный состав) или, как его иногда называли, НКБ (не прошедший комиссию бог), единственному человеку во всем мире, чье слово имело для него значение.

До сих пор он ни разу не нарушил ни одного из трех правил. Он проверял на весах каждый из патронов М-118, которыми пользовался Свэггер, чтобы застраховаться от миллионной доли вероятности того, что в Солт-Лейк-Сити пропустили брак; он чистил 0,45-дюймовый и 0,380-дюймовый пистолеты Боба, его легкий автомат и свои собственные винтовку М-14 и кольт; он сушил и начищал походные ботинки; он стирал белье и одежду; он проверял и укладывал снаряжение перед каждым заданием; он полировал линзы телескопических прицелов; он проверял чеки гранат и наличие плесени в пластмассовых флягах; он вручную покрывал матово-черной эмалью медные части 872-го комплекта; он узнавал высоту над уровнем моря, направление и силу ветра; он собирал и бережно хранил карты операционного района; он составлял донесения о проведенных операциях; он изучал карты района боевых действий как Священное Писание; он охранял снайпера с тыла и флангов и однажды убил двоих солдат-северовьетнамцев, которые смогли подобраться к позиции Боба почти вплотную; он изучил правила пользования и устройство рации PRC-77. Он трудился как проклятый и ни разу не нарушил ни одно из правил.

Только Боб прикасался к своей винтовке, Боб собственноручно разбирал ее после каждой операции, тщательно прочищал все вплоть до мельчайшей щелочки, насухо вытирал ее, выверял прицел – словом, обращался с ней как с маленьким ребенком или обожаемой любовницей. Он, и только он, мог прикасаться к винтовке или тем более ухаживать за ней.

– Дело не в том, что я не доверяю тебе или боюсь, что ты уронишь ее, собьешь прицел, ничего мне не скажешь и я промахнусь и в результате кто-нибудь погибнет, скорее всего я сам. Просто есть краеугольный камень, нерушимое правило, важное для нас обоих: к винтовке не прикасается никто, кроме меня. Если заборы крепкие, то и соседи хороши. Когда-нибудь слышал такую мудрость?

– Кажется, да.

– Ну так вот, правило насчет винтовки – это и есть мой забор. Усек?

– Целиком и полностью, сержант.

– Называй меня сержантом только здесь, в Додж-сити, когда вокруг полно служак. В боевой обстановке будешь называть меня Боб, или Свэггер, или как тебе на ум взбредет, но боже упаси тебя в боевой обстановке назвать меня сержантом. Кто-нибудь из тех ребятишек может тебя подслушать, и меня убьют только из-за того, что ты обращаешься ко мне по уставу. Понятно, Свинина?

– Понятно.

И до этого момента Донни никогда не забывал этого правила, как и двух других правил.

– Я забыл, – сказал он Свэггеру, чуть повысив голос, чтобы заглушить шум дождя. – Насчет винтовки.

– Черт возьми, Фенн, а ведь ты только-только начал мне нравиться. Я даже подумал, что ты способен на что-то хорошее, – мягко поддел его Боб. Впрочем, он тут же вернулся к насущным делам: – Ну что, со жратвой покончили? Набил кишки как следует? Отлично. Переберемся через этот холм, обманем их дозорных, а потом немного поспим. А утром устроим небольшую стрельбу.

Боб шел первым, пригнувшись, в своей камуфляжной накидке и зеленой тропической шляпе. Винтовка висела у него за спиной. В одной руке он нес автомат М-3, а в другой – саперную лопатку. Он использовал ее в качестве посоха, вонзая в корни деревьев или цепляясь ею за спутанные ветки и подтягиваясь по крутому склону на метр-полтора вверх.

Он двигался спокойно, обдуманно, почти медлительно. Дождь все так же хлестал стеной в сгущавшихся сумерках, и его струи оглушительно гремели по листьям и жидкой грязи. Разве дождь мог быть таким сильным и продолжительным? Может быть, Бог решил покончить с миром и теперь смывал с его лица Вьетнам с его грехами, злодеяниями, высокомерием и безумием? В это было очень легко поверить.

Донни держался на пятьдесят метров левее; он пробирался, используя те же самые приемы, что и Свэггер, но тщательно следил за тем, чтобы не высовываться вперед. Боб контролировал фронт и правый фланг, Донни, соответственно, отвечал за тыл и левую сторону.

Но он не видел ничего, лишь чувствовал холодные удары дождевых струй и ощущал вес М-14, пожалуй, одной из последних штурмовых винтовок этого образца, оставшихся во Вьетнаме. Честно говоря, для такой работы идеально подошли бы пластиковые автоматы М-16, но Боб их прямо-таки ненавидел, называл их мухобойками и не позволял ни одному солдату из своего подразделения обзавестись таким оружием.

Боб время от времени замирал на месте, вскинув вверх правую руку, и тут же он сам и его напарник кидались на землю, укрывались в листве и беззвучно лежали, стараясь как можно крепче прижаться к склону. Но каждый раз все, что замечал Боб, оказывалось каким-нибудь безобидным пнем или кустом, тревога признавалась ложной, и они продолжали свой медленный упорный подъем.

Дважды им пришлось пересечь извивавшиеся среди зарослей дорожки, и оба раза Боб выжидал минут по пять, прежде чем выйти на открытое место, невзирая на то что для пересечения прогалины им потребовались бы считанные секунды.

Постепенно сгущались сумерки, и видно было все хуже и хуже. Хотя Боб и Донни взбирались все выше, джунгли никак не желали редеть, напротив, казалось, что они становились все гуще и гуще. Как-то раз Донни показалось, что он потерял Боба, и его охватил мгновенный приступ паники. А если он заблудится? Что делать? Только брести наугад по этим диким горам, пока его не поймают и не убьют или же он выбьется из сил и умрет с голоду.

«Вы, мальчишки, еще не набрали настоящей силы». Эти слова донесли до него откуда-то издалека, и он понял, что память насмехается над ним устами футбольного тренера, оставшегося далеко в прошлом вместе с его такой важной и сложной спортивной карьерой.

«Нет, мы действительно не набрали силы,– ответил он про себя.– Мы никогда и не утверждали этого. Мы просто пытались выполнять свою работу, вот и все».

Но в следующий миг он выбрался из поглотивших его с головой зарослей колючих кустов, пахнувших резиной, и увидел справа человеческую фигуру, которая, судя по осторожности и точности движений, могла быть только Бобом.

Он начал выпрямляться...

Нет, нет...

Рука Боба молниеносным движением взвилась вверх, приказывая ему податься назад и сохранять тишину. Донни застыл на месте и осторожно опустил на мокрую землю, вытянувшись ничком. Боб сделал то же самое.

Он выжидал.

Ничего. Впрочем, нет, шум дождя, негромкие раскаты грома да время от времени отдаленные вспышки молний. Казалось, что...

И ту же Донни заметил движение слева от себя. Он не шевелился, даже не дышал.

Как Свэггер умудрился заметить их? Откуда он мог узнать об их приближении? Что их выдало? Еще один шаг, и все было бы кончено, но каким-то образом, благодаря то ли пробудившемуся древнему инстинкту, то ли сверхъестественной чувствительности нервных окончаний, какой обладают все хищные звери, Боб смог заставить его стать невидимым и неслышимым за секунду до того, как они подошли.

Он видел, как перед ним проходили люди, они находились не более чем в трех метрах от него и, не прилагая никаких усилий, скользили через густой подлесок. Он уловил их запах раньше, чем смог их разглядеть. От них пахло рыбой и рисом, потому что именно это и являлось их пищей. Это были малорослые кривоногие парни, профессионалы из армии Республики Северный Вьетнам: головной дозорный, командир патруля, патрульные, растянувшиеся цепочкой, осторожно пробирались через джунгли, держась поодаль от последней тропинки. Они шли пригнувшись под грязно-бежевыми дождевыми накидками, под которыми можно было разглядеть их обычную темно-зеленую униформу и на головах – смешные и бессмысленные в бою пробковые шлемы; они несли с собой автоматы АК-47 и были навьючены полной боевой выкладкой – рюкзаками, флягами и штыками. Трое или четверо вдобавок волокли на спинах РПГ-40, кошмарные реактивные гранатометы.

Донни никогда еще не бывал так близко к настоящим врагам, эти люди казались ему чуть ли не волшебными, явившимися из мифов; так или иначе, но фантомы из множества ночных кошмаров наконец обрели плоть. Он до ужаса боялся их. Стоило ему пошевелиться или кашлянуть, как все было бы кончено: они повернулись бы в его сторону и открыли бы огонь на минуту, а то и две раньше, чем он смог бы пустить в дело свой М-14. В голове у него возникло пугающее видение того, как он умирает здесь, в руках этих жестоких низкорослых людей-обезьян, так увереннодвигающихся сквозь дождь и джунгли, и от этого видения он, казалось, лишился последних сил.

Голоса, разрывающие тишину в нескольких шагах от него, он слышал так отчетливо, что могло показаться, будто эти люди обращались к нему.

– Ahn Oi, mua nhiều qua?

– Phải rồi, chác không có ngườì mỳ đêm này, – послышался резкий ответ одного из спутников говорившего; в голосах обоих слышалось свойственное вьетнамцам энергичное придыхание, благодаря которому их язык кажется американцам настолько чуждым и напоминает тяжелую отрыжку.

– Bihn sì ôi, dung nôi, nghê, – перебил говоривших окрик командира патруля, сержанта, который, как и во всех армиях мира, не упускал случая приструнить разболтавшихся подчиненных.

Патруль медленно тащился по лесу в меркнущем вечернем свете и в конце концов все же скрылся за изгибом склона. Но Боб продержал Донни на земле еще добрых десять минут, прежде чем подать ему сигнал о том, что все в порядке, и в течение этих десяти минут каждая секунда неподвижности в холодной, пронизывающей до костей сырости, казалось, безвозвратно сковывала мышцы и разъедала мозг. Но наконец Боб пошевелился, и Донни тоже медленно поднялся на колени, а затем выпрямился и двинулся дальше.

Боб неторопливо приблизился к нему.

– Ты в порядке? – одними губами спросил он.

– В полном. Как, ради всего святого, ты смог углядеть их?

– Дозорный брякнул фляжкой о штык, а я услышал, вот и все. Удача, дружище. Не родись красивым, а родись счастливым.

– А кто они такие?

– Фланговое охранение тех самых главных сил, о которых шла речь. Так что, похоже, мы уже совсем рядом. Когда они двигаются большими отрядами, то выставляют охранение, точно так же, как и мы. У сержанта, кажется, были нашивки третьего батальона. Я не знаю,

к какому полку или чему другому они относятся, но, если я не ошибаюсь, самая большая часть на этом направлении это 324-я пехотная дивизия. Парень, завтра они разделяются с этим лагерем Специальных сил, и если дождь будет все так же поливать, а скорее всего он не кончится, то они доберутся до Додж-сити уже послезавтра или днем позже.

– Это что, какое-то большое наступление?

– В этих местах стоит несколько новых вьетнамизированных частей, и северянам не терпится как можно скорее надрать задницы южновьетнамцам.

– Н-да. Интересно, о чем они говорили.

– Первый сказал, что, дескать, дождь такой, что собственного носа не разглядишь, его приятель ответил, что в такую погоду ни один американец не высунется из-под крыши, а тут сержант завопил, что, мол, парни, заткнитесь и смотрите по сторонам.

– Ты говоришь по-вьетнамски? – в полном обалдении спросил Донни.

– Так, волоку слегка. Самую малость, но кое-что понимаю и сам могу что-то сказать. Ладно, давай выбираться отсюда. Пора отдохнуть. Завтра у нас большой день. Напинаем кое-кого по задницам и заслужим вечную славу. Хочешь поспорить со мной, морпех, что так и будет?

Глава 11

БПО «Аризона» попала в большую беду. Пуллер потерял уже девятнадцать человек, а вьетконговцы с запада подтащили почти вплотную минометы и принялись с такой силой выколачивать из осажденных пыль, что командир лишился всякой возможности маневра. А тут еще стало известно, что главные силы вьетнамцев подойдут, самое позднее, завтра. Но хуже всего было то, что он послал Мэтьюза со штурмовой группой из четырех человек захватить минометы, и Мэтьюз не возвратился. Джим Мэтьюз! Сержант-майор, три ходки. Джим Мэтьюз, Беннинг, Зона, один из стариков, которые начинали еще в Корее, прошли огонь и воду... И вот пропал!

При мысли об этом в самой глубине мозга разъяренного – о, как он был разъярен! – майора Пуллера начал разгораться еще более страшный гнев.

Этого никто не ожидал. Черт бы их всех побрал, этого никак не должно было случиться.

Кхамдук находился далеко отовсюду в полной изоляции, рядом с границей Лаоса, где вот уже несколько лет подкармливали разведывательные команды, но база все же оставалась практически неуязвимой благодаря то ли хорошей маскировке, то ли авиационной поддержке. Но в чем бы ни была причина, никто и никогда не тревожился из-за того, что поблизости могут внезапно появиться крупные силы северовьетнамской армии. Так откуда же взялась эта часть? В этот момент Пуллер хорошо понимал, как чувствовал себя генерал Кастер, когда вдруг узнал, что ему противостоят сотни, если не тысячи врагов³⁴. И откуда, будь она проклята, взялась эта чертова погода, и откуда мог с такой скоростью примчаться этот вонючий, крутой как дерьмо батальон?

«О, они хотят с нами разделаться. Они чувствуют нашу кровь; они жаждут ее».

Противником Пуллера был ловкий тактик по имени Хуу Ко Тсан, по званию – старший полковник, командир 3-го батальона 803-го пехотного полка 324-й пехотной дивизии 5-й Народной ударной армии. Пуллер видел его фотографию и знал его биографию: происходит из богатой, образованной индо-французской семьи и даже успел закончить в Париже «Эколь милитэр», а потом в 1961 году сбежал на север, возненавидев пороки и эксцессы режима Дьемов. Там он стал одним из лучших полевых военных командиров и имел все задатки для того, чтобы стать хорошим генералом.

Мина упала где-то неподалеку, командный пункт сотрясся, со стропил поднялась туча пыли.

– Кто-нибудь пострадал? – громко спросил он.

– Нет, сэр, – донесся ответ его сержанта. – Ублюдки промазали.

– Есть сведения о Мэтьюзе?

– Нет, сэр.

Майор Ричард У. Пуллер натянул на голову полевое кепи, выбрался из низенькой двери в траншею и обвел взглядом свою шатающуюся империю. Это был тощий, отчаянно смелый человек с головой, покрытой жесткой седой щетиной. В Пятом корпусе Специальных сил он служил с 1958 года, если считать службу в полку британских Специальных авиационных сил – он даже принял тогда некоторое участие в боевых действиях против мятежников в Малайзии. Он прошел впечатляющую школу: был воздушным десантником, рейнджером, воевал в джунглях, закончил Национальную военную академию и Командно-штабную академию в Ливенуорте. Пуллер умел пилотировать вертолет, говорить по-вьетнамски, чинить радиации и стрелять из РПГ. Это была не первая осада, которую ему приходилось выдерживать.

³⁴ Кастер Джордж Армстронг – американский генерал, проводивший ожесточенные боевые действия против индейцев в 1839-1876 гг.

В 1965 году в Плейку он больше месяца пробыл в окружении и подвергался серьезным бомбардировкам. Тогда же он был ранен выпущенной из китайского пулемета пулей калибра 0,51. Мало кто выживал после такого попадания.

Он ненавидел войну, но при этом любил ее. Он всерьез боялся, что она убьет его, но какая-то часть его существа хотела, чтобы война продолжалась вечно. Он любил свою жену, но имел множество любовниц – китайнок и евразиек. И армию он тоже любил и одновременно ненавидел: любил за суровость, мужество и профессионализм, а ненавидел за ее косность и стремление всегда вести следующую войну, пользуясь тактикой, применявшейся в предыдущих войнах.

Но что Пуллер ненавидел больше всего, так это то, что его поймали. Его на самом деле поймали, поставили на карту жизни его парней и всех бывших с ним туземцев, положившись на то, что северяне не смогут найти уязвимые места в его обороне, и проиграли. Но ответственность за это нес он, и никто другой: все это случилось с ними, потому что случилось с ним. И никто не мог снять петлю с его шеи.

Главные ворота были снесены, там, где прежде находился склад боеприпасов, клубился густой дым, сливавшийся с нависавшими над самой землей облаками.

Оружейный склад превратился в развалины, как и большая часть хижин, в которых жили солдаты: прошлой ночью в лагерь пробралась группа вьетконговских саперов, которые напрочь уничтожили жилище третьего взвода и во время состоявшейся уже на рассвете рукопашной схватки сровняли с землей остатки командирской лачуги. В лагере не осталось ни одного целого строения, большая часть заграждений из колючей проволоки еще стояла, но по ним исправно лупили минометы. Было совершенно ясно, что осаждавшие намеревались пробить широкие проходы в остатках оборонительных сооружений, чтобы Хуу Ко с его батальоном мог с ходу ворваться в лагерь, имея за спиной поддержку своих минометов и другого тяжелого оружия.

Пуллер взглянул вверх – ему сразу же попала в глаз дождевая капля – и почувствовал лицом холодную влажность тумана. Надвигалась ночь. Интересно, придут они за ночь или нет? Конечно, они будут передвигаться в темноте, но вряд ли предпримут атаку. По крайней мере, не всеми силами: они могут устроить разведку боем, начать обстрел, заставить «Аризону» тратить свои скудные запасы боеприпасов для стрельбы по малозаметным целям, хотя главным образом вся эта активность будет нужна для того, чтобы заставить обороняющихся как можно сильнее изнервничаться и устать к приходу 3-го батальона.

Может быть, погода все-таки изменится? Прогнозы армейских метеорологов, которые ему удалось поймать по радию, ничего хорошего не обещали, но Пуллер знал, что люди там, в тылу, будут крутиться, как ужи на горячей сковородке, и если можно будет оторвать птичек от земли, они ни за что не упустят такой возможности. Хотя, впрочем, могут отказаться пилоты: кому охота лететь в крошечный ад, под яростный обстрел, чтобы сжечь напалмом еще нескольких узкоглазых, когда война вот-вот закончится? Кому охота умирать сейчас, когда уже рукой подать до самого конца всей этой пакости, растянувшейся на годы и закончившейся ничем? Он даже не знал, как сам ответил бы на этот вопрос.

Пуллер посмотрел вперед, туда, где простиралась долина. Конечно, он ничего не мог рассмотреть во мраке, но там проходило шоссе и Хуу Ко со своим отрядом сейчас мчится по нему ускоренным маршем, чувствуя себя вольготно, как жирный кот на сиденье лимузина, и зная, что им не грозит ни малейшая опасность от американских «фантомов» или боевых вертолетов.

– Майор Пуллер, майор Пуллер! Подойдите сюда, вы должны это видеть!

Это был сержант Блэс, один из его мастер-сержантов, работавший с горцами, суровыми коротышками с острова Гуам, которым довелось повидать много всякой всячины в слишком уж большом количестве операций и которые тоже не заслуживали того, чтобы сги-

нуть в такой вонючей дыре, как БПО «Аризона», под самый занавес проигранной бесплодной войны.

Блэс торопливо вел его по траншеям к западной стороне периметра, он то и дело втягивал голову в плечи, когда над ними со свистом пролетала очередная мина. В конце концов они добрались до парашюта, и вооруженный карабином горец протянул Пуллеру бинокль.

Пуллер высунулся из-за мешков с песком, настроил окуляры по глазам и увидел возле деревьев, поднимавшихся в трехстах метрах от того места, где он находился, нечто такое, что сначала показалось ему совершенно непонятным; впрочем, присмотревшись, он различил детали и понял, что это.

Это был кол, а на кол была насажена голова Джима Мэтьюза.

Три быстрых и одно медленное. Три сильных. Это был ритм, ровный устойчивый шаг, выработанный за долгие годы, полные бесконечного кровопролития. Теперь он испытывал нажим, серьезный нажим в связи с одним последним быстрым движением. Где-то очень далеко разговаривали дипломаты. Скоро должен был наступить мир, и чем большую территорию они будут контролировать, когда этот мир будет подписан, тем больше они сохранят потом и тем больше смогут построить в будущем, которого, он знал, ему так и не придется увидеть, но у его детей был очень весомый шанс.

Он знал, что ему не суждено выжить. Его детям предстояло стать его памятником. Он должен был оставить им новый мир, сделав свой вклад в разрушение ужасного старого. Это было достаточно для любого отца, а его жизнь на самом деле не имела особого значения. Он посвятил себя борьбе, будущему и девяти заповедям солдатской жизни:

1. Защищай Родину; борись, не щадя жизни, за дело Народной революции.
2. Повинуйся полученным приказам и выполняй солдатский долг.
3. Стремись воспитывать в себе лучшие качества солдата Революции.
4. Учись, чтобы самому стать лучше и создать мощную революционную армию.
5. Выполняй другие задачи, стоящие перед армией.
6. Помогай крепить внутреннее единство.
7. Сохраняй и приумножай народную собственность.
8. Работай ради укрепления единства между армией и народом.

9. Береги честь и достоинство солдата Революции. Теперь осталась одна последняя работа – лагерь американских «зеленых беретов» в Кхамдуке, на краю долины Анлок, который нужно уничтожить, чтобы захватить побольше земли, прежде чем будут подписаны документы.

Три быстрых, одно медленное, три сильных. Медленное планирование. Быстрое передвижение.

Сильный боевой дух.

Сильная атака.

Сильная погоня.

Быстрая зачистка.

Быстрое отступление.

Он разрабатывал этот план на протяжении трех с лишним военных лет, получая постоянные разведывательные данные о секторе Е5 административного отдела МР-7, хорошо зная, что, как только война подойдет к концу, настанет и его время. В вышестоящем штабе ему объяснили – впрочем, он и сам хорошо это понимал, – что нужно будет устроить примерный разгром одного из лагерей.

Быстрое передвижение. Именно его в данный момент и осуществлял 3-й батальон. Люди были опытными – ветераны ожесточенных кампаний с большой боевой практикой. Они быстро шли от своей святыни, находившейся в Лаосе, и теперь находились менее чем в

двадцати километрах от цели, которую, согласно полученному из Ханоя приказу, уже атаковали местные отряды Вьетконга. От этого отряда Хуу Ко получал по радио разведдонесения.

Колонна шла классическим порядком, принятым для быстро перемещающейся воинской силы. Этот порядок был установлен великим Жиапом, создателем армии, хотя истинным его изобретателем нужно было считать французского гения Наполеона, который первым в истории после Александра Великого понял значение быстроты и, руководствуясь этим принципом, стремглав промчался через половину мира.

Поэтому Хуу Ко, старший полковник, выдвинул часть своих лучших солдат, своих саперов, в боевое охранение на фланги – с обеих сторон в полутора километрах от колонны шли патрули по двенадцать человек; вторая часть лучших солдат, тоже саперы, образовывали голову колонны и задавали темп. Они были вооружены автоматами и РПГ и были готовы в любой момент обрушить шквал пуль и гранат на любое препятствие на своем пути. Остальные роты, выстроенные в колонну по четыре, передвигались шагом-бегом. Тяжелые минометы все время передавали из одного взвода в другой, так что ни в одном из подразделений солдаты не могли устать заметно сильнее, чем во остальных.

К счастью, было прохладно. Дождь же ни в коей мере не был помехой для отряда. Превосходно обученные люди, среди которых после долгих лет боев не осталось ни одного лентяя или труса, были неутомимы. Кроме того, они были приятно возбуждены тем, что стояла дождливая погода с низкой облачностью и густыми туманами: нигде не было видно их самого страшного и ненавистного врага, американских самолетов. Это было просто прекрасно – двигаться свободно, словно в прошлом веке, без страха перед «фантомами» или «скайхоуками», которые с яростным визгом обрушивались с неба, чтобы скинуть свой напалм и белый фосфор. Именно за это он с такой силой ненавидел американцев: они сражались при помощи огня. Не испытывая никаких угрызений совести, они жгли его людей, как саранчу, пожирающую урожай. Зато те, кому удавалось выстоять против пламени, приобретали крепость, превосходящую всякое воображение. Тот, кто смог выстоять против пламени, уже не боится ничего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.